

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ХОДЖИАКБАР ШАЙХОВ В ТОТ НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ХОДЖИАКБАР ШАЙХОВ

В ТОТ
НЕОБЫЧНЫЙ
ДЕНЬ

Фантастические рассказы и повести

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1985

84Уз7
Ш 17

Художник
ВЛАДИМИР ОВЧИННИКИЙ

Перевод с узбекского
ВАЛЕРИЯ НЕЧИПОРЕНКО
ОЛЬГИ ИПАТОВОЙ

Шайхов Х.

Ш 17 В тот необычный день: Фантастические рассказы и повести / Пер. с узб. В. Нечипоренко и О. Ипатовой. — М. : Мол. гвардия, 1985. — 256 с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

75 коп. 100 000 экз.

В сборник узбекского писателя-фантаста вошли повести и рассказы, посвященные исследованию нравственного мира героев, попадающих в сложные, экстремальные ситуации. Романтика подвига и научных открытий, стремление познать социальную сущность человека в общественном устройстве будущего, верность идеалам гуманизма и высокие моральные качества — вот основные черты характера героев книги.

Ш 4702570200—076 148—85
078(02)—85

ББК 84Уз7
С(Узб)2

© Издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

ПЕСНИ ДАРХАНА

Рассказ

Этот удивительный случай произошел в Дархане, одном из отдаленных горных кишлаков, в день навруз-байрама, праздника весны, когда людям кружит головы теплый ветер, напоенный ароматами проснувшейся земли и влагой горных родников, когда ребятишки упоенно катаются по мягкой зеленой траве, а старые полвоны вспоминают давние годы молодости и удалства...

Еще не начинался день. Только розовели белые от снега вершины да склонялась к востоку уже бледная и убывающая луна. А к лужайке один за одним потянулись всадники, и дорога из кишлака до места, где должен был сегодня проводиться улак — любимое состязание в наших краях, — стала похожа на карнавальное шествие. Участники улака, молодые, богатырского сложения парни, были одеты кто в летние яркие халаты — яктак, кто в изумрудные шелковые — бекасам, были и черные, простые халаты. А шапки! И лисьи рыжие, и серые заячьи, и даже кожаные танковые шлемы, вытасщенные из старых сундуков. И у каждого всадника конь — вороной, белый или пегий, нетерпеливо фыркающий, встающий на дыбы и тоже как бы зараженный общим настроением! Далеко доносится ржание, призывные крики джигитов, гиканье и шутки, которыми подбадривают друг друга участники соревнования, чтобы поддержать в себе настроение и волю к победе.

Но не только лужайка у недалекого от кишлака хол-

ма полна народу. Чуть повыше, на зеленой террасе, поднимающейся уступами, расположились те, кто по праву считает себя неотделимым от праздника, — зрители, оживленные и нарядные. Старики разглядывают джигитовку, обмениваются то язвительными, то восхищенными репликами, дети, кто постарше, внимательно слушают разговоры, а кто помладше — просто сидят и смотрят, впитывают в себя и яркость красочного зрелища, и гул, и голоса вокруг. Возможно, через годы, особенно если уедет кто из родного края, оживет в нем и утро, нежно розовеющее на склонах гор, и сверкающие капли росы, словно бусы, осыпавшие упругие стебли темно-зеленой травы, и то общее чувство радостного ожидания, которое роднит всех сидящих; заговорит все это в душе юного горца как воспоминание о родине и земле, вырастившей его!

Вскоре окруженное с четырех сторон горами обширное холмистое плато было до отказа забито съехавшими из Дархана и близлежащих кишлаков зрителями и участниками. Они время от времени посматривали вдаль, на дорогу, и когда раздался крик: «Едут! Едут!», не осталось ни одного, кто бы не оборотился в сторону горной дороги, петляющей между холмами.

Именно в этот момент высоко в небе зажглась какая-то необычная звезда. И если вначале она, слабо мерцающая и то исчезая в ярком свете утра, то возникая вновь, была еле видна, то вскоре начала расти и как бы наливаясь краснотой. И все же эта сверкающая красная звезда была маленькой — не больше горошины, и никто не обратил внимания на то, что она вот-вот готова коснуться дальней вершины четырехугольной горы. Все были заняты другим: по дороге ехал маленький караван: впереди голубовато-зеленая «Нива», за нею, чуть

отстав, четверо верховых в блестящих шелковых халатах, и, наконец, позади всех бортовая машина ГАЗ-52, груженная подарками: несколько баранов и коз, возле правого борта тюки и коробки с коврами, радиоприемниками, телевизорами. Машины ехали медленно, и все могли хорошо рассмотреть, что победителей улака ожидают богатые и желанные подарки. Поэтому, когда машины наконец остановились, их встретили аплодисментами. Из «Нивы» вышли три человека. К аплодисментам добавились и приветственные возгласы. Приехали люди уважаемые, хорошо известные присутствующим: генеральный директор знаменитого агропромышленного объединения «Пахтакор», Герой Социалистического Труда Тешабай-ата Олимов, председатель Дарханского сельсовета Учкун Атабаев. На долю третьего достались особенно сердечные приветствия, потому что это был человек, чье искусство было широко известно в стране и давно заслужило почет и уважение, — популярный певец и сказитель Кадыр-бахши, сын Нурбая.

Кадыр-бахши, как и герои его сказаний, был крупным, плечистым, статным, лицо его носило печать благородства и ума. В руках у него была постоянная спутница — миниатюрная домбра в черном чехле. Сколько песен, легенд и сказаний словно воскресила из прошлого чудесная домбра, сколько сердец заставила она трепетать и восхищаться, плакать и радоваться вместе с героями! Кадыр-бахши прекрасно знал не только классику; не раз отправлялся он в дальние районы, слушал сказителей, певцов, выступавших на свадьбах и тоях; как драгоценные жемчужины, искал он и находил редкие стихи и слова, казалось, навсегда погребенные в толще времени.

Приехавшие верхом всадники — музыканты и ведущие состязаний — спешили, и по знаку председателя сельсовета согласно зазвучали на холме карнай, сурнай и барабаны.

Тешабай-ата и его спутники под звуки музыки всту-

пили в круг участников соревнования. Смолкла музыка. Генеральный директор вышел вперед и заговорил:

— Уважаемые сельчане, джигиты, которые покажут нам сегодня свое искусство! Сегодня мы собрались сюда, чтобы в согласии со старинным обычаем провести праздник весны — навруз-байрам, порадоваться, что земля наша становится все краше и богаче, и потому прежде всего разрешите пожелать вам больших успехов в труде и хорошего урожая в новом сельскохозяйственном году!

Глубокая тишина, которая воцарилась при первых словах Тешабай-аты, взорвалась аплодисментами, криками: «Спасибо, благодарим! Желаем и вам того же!»

Поскольку Тешабай-ата был не большим любителем говорить, он сразу же перешел к делу:

— Ну а теперь пусть наши парни покажут, на что они способны! Победителей ждут призы и слава! Пожелаем им удачи!

И снова зазвучали, далеко уносясь в горы, звуки карнаев и сурнаев. Затем два ведущих — халаты их, тонкие и разноцветные, блестели в лучах встающего солнца — быстро направились к грузовой машине. Стоявший в кузове полноватый крепыш, нагнувшись, вытащил улак — тушку козла — и протянул ее ведущим. Старший церемониймейстер бережно принял улак и, хлестнув коня, направился к всадникам, полным лихорадочного волнения и настороженного внимания. Им предстояло отбивать улак друг у друга в ожесточенном поединке, где все играло роль — и настроение, и быстрота коня, и сила мышц, а главное — ловкость.

Состязание, которого все с таким нетерпением ждали, началось. К тому времени уже окончательно рассвело, небо стало из темно-синего голубым и прозрачным, солнце ослепительно сияло на вершинах и играло на сбруе и рукоятках плетей, которыми всадники ожесточенно махали перед собой. Некоторые из этих рукояток были старинной работы, с насечками и инкрустацией, и

передавались от отца сыну, от деда внуку, как и снаряжение лошади, и старинные пастушеские сумы, вышитые яркими, не тускнеющими узорами, которые приводят в восторг знатоков. Никто не смотрел вверх, а странная звезда между тем все росла в размерах, и, когда она повисла над вершиной горы, похожей на чувстскую тибетейку, она уже была размером с футбольный мяч, затем с небольшой круглый стол. Садясь на гору, которая была позади лужайки, где сидели зрители, странная звезда была уже не звездой, а круглой и плоской тарелкой около десяти метров в диаметре. Вместе с ней на вершину опустилось белое плотное облако, похожее на гигантский сгусток тумана, и вскоре уже ничего нельзя было рассмотреть на вершине, которая стала посадочной площадкой неземных пришельцев.

* * *

Шестилетний внук престарелого Ислам-кари, бывшего наездника, обыкновенно укладывался спать далеко за полночь. Неугомонный, быстрый, он наполнял своим шумом и бегом весь дом. Но вчера Санджар улегся спать пораньше: дед обещал ему, что возьмет с собой на состязания, а так как бывший наездник не только прекрасно разбирался в правилах улака, качествах лошадей, но и обладал редкой памятью и острым юмором, то выходить с дедушкой на люди стремились все родственники старика. Что уж говорить о Санджаре! Вот почему, едва на рассвете рука Ислам-кари дотронулась до него, мальчик вскочил, мгновенно оделся и вскоре был готов в путь. Ислам-кари собирался медленнее. Он тщательно умывался, затем прилаживал на голове белоснежную чалму. Надев поверх рубашки с глухим воротом халат из адраса* и обувая ичиги, он некоторое

---

* Адрас — полосатая шелковая ткань.

время постоял у порога, глядя на жену, неподвижно лежащую в глубине комнаты.

Вот уже около двух лет старая женщина лежала больною, не имея возможности ни встать, ни даже поднести ко рту еду: ноги и руки у нее не двигались, каждое движение причиняло нестерпимую боль. Лекарства давали облегчение на некоторое время, но пока медицина была бессильна против тяжкого недуга. «И откуда к ней прилипла эта злосчастная болезнь? — думал Ислам-кари. — Ведь была в молодости такая неугомонная, певунья, и в старости все в доме на ней лежало; со всем она справлялась и никогда не жаловалась. А теперь? Взгляд потухший, равнодушный. Вот что делает с людьми болезнь!»

Вздохнув, он вышел из дома, посадил внука впереди себя на лошадь и медленно поехал к лужайке, где проходили соревнования. Не та была уж прыть и у лошади, и у всадника, и пока они добрались до места, соревнования уже начались. Дедушка, едва стреножил коня, тут же впился глазами в яркое и быстро меняющееся зрелище внизу, пытаясь определить, кто впереди. А Санджар, наоборот, изумленно оглядывался и вертелся во все стороны. Все ему было интересно — и лошади, бешено мчащиеся внизу, и дальние горы, вершины которых блестели в лучах ослепительного весеннего солнца, и то, почему отсюда дома кишлака кажутся такими маленькими... Внезапно взгляд его остановился на вершине горы, похожей на чувскую тибетейку. Облако, покрывавшее ее, вело себя странно: оно словно всасывалось в огромную воронку, клубилось наверху и по бокам и медленно оседало вниз.

— Дедушка! А дедушка! — подскочил к Ислам-кари внук и попытался повернуть его к себе. — Ты посмотри только!

— Что тебе? — пробормотал дедушка, не отводя глаз от игры наездников.

— Вот, посмотри, облако какое!

— Облако! Нашел диковинку! — снова проговорил дед, недовольный тем, что его отвлекают от интересного зрелища. --- Лучше сядь рядом и смотри вперед. Для чего я тебя сюда привел?

— Да ты посмотри!

— Не мешай! — отмахнулся дед.

Санджар обиженно отошел в сторону, сел возле куста боярышника и уже не спускал взгляда с облака, которое постепенно уменьшалось, словно его всасывала внутрь горы какая-то сила. И вот показалось что-то серебристое, круглое... Еще несколько секунд, и стало видно, что на вершине горы стоит на тонких «ножках» серебристая «тарелка», чуть наклонившись в сторону лужайки со зрителями.

— Дедушка! — опять не выдержал Санджар, подбегая к Ислам-кари. — Там что-то село, похожее на тарелку! На межзвездных пришельцев!

— Вот постреленок, не дает покоя! — пожаловался соседу Ислам-кари. — Вертолет сел, так он тут готов фантазии разводить!

Он, занятый улаком, даже не посмотрел туда, куда изо всех сил указывал, прыгая и дергая его, непоседливый внук.

Обиженный Санджар отпустил деда и задумался. Вертолет? Он часто видел вертолеты над кишлаком, видел их и по телевидению. Нет, на вертолет это непохоже. Похоже это больше всего на то, что тоже иногда показывает телевидение в каких-нибудь приключенческих или фантастических фильмах. Он не знал слова «фантастика», но хорошо запомнил, что на землю могут спуститься откуда-нибудь со звезды или с Марса космонавты, и люди в фильмах принимают их приветливо, как дорогих гостей. А вдруг это чудо случилось с ними? И первый, кто встретит гостей, будет он, Санджар!

Посидев немного, он сначала нерешительно, потом все быстрее стал пробираться прочь. Дед, занятый соревнованиями, не обратил внимания на то, что Санд-

жар, выйдя на дорогу, повернул влево и стал карабкаться вверх. — с горы легче было выйти к «тюбейке».

* * *

...В нижней части «тарелки» автоматически раскрылся люк, на землю медленно опустился своеобразный эскалатор, по которому сошли трое. Выглядели они довольно необычно: вместо головы — белоснежные улиткообразные наросты, но в отличие от улитки наросты были пористыми, они вздымались и словно дышали. Полосатые их скафандры разделял яркий красный пояс с многочисленными кнопками, отверстиями, в которых светились и мигали лампочки. Высотой они были около четырех метров, но третий явно отличался от двух первых: он был чуть выше среднего человека, и движения его были более порывистые и резкие, чем у других. Космонавты двигались вначале неуклюже и медленно, вероятно, настраивая свои приборы применительно к условиям незнакомой им планеты. Но вскоре движения их стали более плавными и уверенными, на отростках, напоминающих руки, засветились приборы, похожие на наши часы.

Некоторое время они стояли неподвижно, вглядываясь в картину, открывающуюся перед ними: зеленое плато было объято суматохой, несколько сот всадников, поднимая пыль столбом, боролись за улак, кружась и направляя своих лошадей то в одну, то в другую сторону. Слышались вскрикивания, ржание, голоса зрителей, подбадривающих своих любимцев, иногда превращались в пронзительные вопли досады, гнева или радости. Дети вскакивали, хлопали в ладоши и тоже подражали взрослым, одобряя или порицая действия всадников.

Пришельцы обменялись сигналами — шлемообразные, закрученные их наросты пожелтели, стали темными, потом снова приобрели первоначальный цвет. За-

тем все трое, нажав кнопки на поясе и разом оторвавшись от земли, полетели вниз, не меняя своего положения. Достигнув подножия гор, летевший впереди космонавт заметил мальчика, упорно карабкающегося по направлению к кораблю. Он дал сигнал своим спутникам, затем направил в сторону мальчика тонкий, как игла, фосфорический луч.

— Он хочет познакомиться с нами, — передал он результат своего исследования. — Лучше, если мы пошлем к нему Аэрти.

Второй космонавт ответил согласием. Конус у него над скафандром снова пожелтел, стал синим и опять принял первоначальную окраску, после чего младший космонавт, нажав одну из кнопок, опустился вниз, к Санджару, который, не подозревая, что делается над его головой, все еще спешил вперед — потный, взъерошенный и все же, как всегда, упрямый.

* * *

А внизу страсти разгорались все жарче, круг всадников клекотал, словно казан с кипящим пловом.

Тешабай-ата, Кадыр-бахши и около десятка авторитетных людей кишлака, вошедших в состав жюри (Ислам-кари тоже был приглашен в их число), расположились полукругом на большом арабском ковре, разостланном на лужайке. Соревнование подходило к финишу: один из водителей-механиков хлопкоуборочного комбайна, Музаффар-полвон, на полном скаку врзался в небольшую группу всадников, далеко опередивших остальных и завладевших улаком, и, ухватив добычу, резко рванул тушу козла к себе, да так, что ни один из тех четверых, что сражались из-за добычи, не успел ему помешать. Пока противники опомнились, Музаффар, молниеносно зажав козла коленом, ринулся вперед. Но подскакавшие всадники окружили его, загораживая путь, и тогда, изо всех сил хлестнув коня плетью, он чу-

дом прорвался сквозь живую ограду. Правда, чья-то плеть задела его, до крови ожгла подбородок, но разъяренный карабаир, пулей устремясь вперед, понес хозяина так, словно у него выросли крылья и он впрямь стал одним из сказочных коней, прозванных араванскими — небесными. Обогнав соперников, Музаффар бросил улак наземь, возле судей. Зрители встретили его, крича от восторга. Главный церемониймейстер поднял улак с земли и, зажимая его коленом, протянул победителю руку.

А парни уже вели приз — большого упитанного барана, который крутил головой и ошалело смотрел вокруг. Затем председатель вручил Музаффару конверт с деньгами и, еще раз поздравив его, сказал:

— Удачи вам, дорогой, и в труде, и в спорте!

Площадка вновь огласилась криками. Все хорошо знали Музаффара. Трудолюбивый, застенчивый, он всегда готов был помочь товарищу, близким. Полвоном — богатырем — прозвали его недаром: кто еще мог, с утра до вечера проработав на комбайне, проскакать за ночь туда и обратно около двухсот верст, чтобы проводить друга, а потом как ни в чем не бывало снова работать на поле да еще перевыполнять норму? Кто не раз одолевал самых сильных парней соседнего кишлака? И наконец, разве не за него согласилась выйти красавица Ойгуль, хотя родители, как известно, хотели выдать ее за городского парня, у которого был большой дом и хорошая должность.

Один из стариков, обращаясь к бахши, попросил:

— Не споете ли нам в честь полводна одну из своих песен, уважаемый Кадырбай?

Пожелание старшего — закон. Но и сам Кадыр-бахши смотрел на молодого победителя с отеческой лаской и нежностью, словно видел он перед собой собственную свою молодость — горячую, отважную, красивую... Он с улыбкой взял домбру, начал ее настраивать. Все сидящие поблизости с интересом смотрели на него.

— Спойю вам отрывок из дастана «Алпамыш», — настроив инструмент, негромко объявил Кадыр-бахши и, немного подождав, сосредоточившись, с силой ударил по струнам своей домбры.

* * *

Космонавты тем временем медленно опустились на площадку позади зрителей. Тонкие фосфорические лучи быстро пробежали по рядам людей — туда и обратно, а затем устремились к Кадыр-бахши, словно спеша вслед за тем, что так сильно и горячо интересовало всех собравшихся.

Наездники, готовые ко второму заезду, медленно приблизились к певцу и стали неподалеку в ожидании. На некоторых лицах выражалась досада: разгоряченное самолюбие толкало их на дальнейшую борьбу, они тяжело дышали. Зрители поспешно пересаживались поближе.

Впрочем, это было напрасно: сильный, звучный голос Кадыр-бахши был слышен далеко, и казалось, что на возглас, которым он начал знаменитую песнь об Алпамыше — герое-богатыре узбекского народа, откликнулись и холмы вокруг, и горы, и само солнце: так всколыхнулись ряды слушателей. Сказание это, близкое и дорогое собравшимся, было хорошо знакомо людям вокруг. С детства слышали они то отрывки из дастана, исполнявшиеся певцами, то стихи, то былины о храбре Алпамыше, а так как ни одна свадьба, ни один той не обходится без песни, то, впитанная чуть ли не с молоком матери, героическая эта сага Востока быстро захватила в плен слушателей. Все постепенно замерло вокруг: и сидящие на ковре белобородые старцы, и остальные члены жюри, и джигиты, мускулистые и крепкие, представляющие из широко распахнутых рубашек смуглые тела навстречу первым горячим лучам. Казалось, даже лошади, на чьих мордах еще не высохла пена и чьи бока

не успокоились после сумасшедшего бега, и те готовы слушать песню, так присмирели они возле притихших своих владельцев...

Голос Кадыр-бахши набирал силу, протяжные, звучные аккорды вторили ему. Чудо-домбра то рокотала, наливаясь гневом, то стонала, передавая тончайшие переливы настроения, повествуя о страшной битве между узбекским и калмыцким богатырями:

*Силы не жалеет Алпамыш своей,
Кокальдаш в борьбе становится все злей,
Но ни Алпамыш не победил пока,
Ни калмык его не одолел пока.
Гнут хребты друг другу или мнут бока —
Хватка у того и этого крепка!
Он калмыка жмет — калмык едва стоит,
Он калмыка гнет — хребет его трещит;
От земли его он отрывает вдруг,
В небо высоко его швыряет вдруг!
Видя это чудо, весь народ шумит,
Головы закинув, в небеса глядит,
Как батыр огромный с неба вниз летит... **

Космонавты, расположившись сзади зрителей, внимательно слушали дастан и следили за поведением и настроением зрителей. Эмоциональный фон, сопровождающий информацию о подвигах, заинтересовал их в особенности. Еще более странным было для них созвучие между Кадыр-бахши и сидящими вокруг него людьми, как будто все они дышали и думали в унисон.

Отчего плачет вон тот худой старик в тюбетейке и темном халате, утирая щеки концами широкого пояса? А джигит на коне нахмурился, словно он вместе с Алпамышем сидит сейчас в темнице и стонет о родной земле, оставленной вдалеке?

---

* Перевод Л. Пеньковского.

Приборы бесстрастно записывали происходящее, чуть слышно потрескивали вокруг скафандров электрические разряды. Несмотря на то, что гости стояли, почти не скрываясь, на них не обращали внимания. Возможно, чей-нибудь взгляд падал на стоящие вдалеке странные фигуры, но белоснежные наросты над полосатыми скафандрами сливались в восприятии с чалмой, которую надевают старики. Сходство дополняли и сами скафандры, и пояса, да и расстояние скрадывало огромный рост пришельцев. Так что рассеянный взгляд, скользя по ним, возвращался, как к магниту, к Кадыр-бахши, забывая о фигурах, забравшихся так далеко в горы. Солнце ослепительно сияло вокруг, и люди жмурились, сидя в этом потоке света и тепла, слушая могучий голос народного певца и его волшебной домбры, забыв обо всем на свете...

* * *

Наконец они встретились: младший космонавт, молча вставший на пути спешащего к высоте Санджара, и мальчик, занятый одной мыслью — познакомиться с таинственными пришельцами. Когда Санджар поднял голову, он отпрянул назад, но вскоре, хорошенько рассмотрев гостя, почувствовал безошибочным детским инстинктом, что опасаться нечего, и первым обратился к нему с приветствием:

— Здравствуй!

Белый цвет на «чалме», как про себя окрестил Санджар шлемообразную верхушку, сменился нежно-голубым, и, осторожно нажав на кнопку пояса, космонавт ответил тоже:

— Здравствуй!

— Ты понимаешь по-нашему? — обрадовался Санджар. — Вот хорошо! Значит, будем дружить, да?

«Чалма» завибрировала, меняя оттенки, затем голос,

идуший из аппарата, расположенного на поясе, медленно ответил:

— Хорошо!

— Дедушка мне самокат купил. Самый лучший! На нем даже звонок есть. Пойдем, покажу! — заторопился Санджар, озабоченный тем, что бы такое показать своему новому другу. Кивнув ему головой, он медленно пошел вниз, потом, убедившись, что гость тоже двинулся за ним, кубарем покатился по нежно-зеленому холму, объятый восторгом.

«Покажу Долговязого (он успел дать космонавту прозвище) Анвару и Ойбеку, они рот откроют от удивления! — думал он на бегу. — Мы с ним придумаем какую-нибудь игру, такую, в которую никто еще не играл!»

— Ой, а ты откуда? — спохватился он, забыв, что даже не спросил, откуда прилетела «тарелка». — Наверно, с Марса?

И, не дождавшись ответа, снова побежал, петляя в зарослях кустарника, куда ребятишки кишлака обыкновенно приходили играть в свои игры. Санджар тоже несколько раз приходил сюда, но его не принимали в игру, говорили, что он маленький, что у него есть плохая привычка — играть не по правилам. Это было правдой, но Санджар просто не мог слепо подчиняться установленным нормам — он додумывал и вносил в игру что-то свое...

Наверное, поэтому он с таким восторгом, не задумываясь и не осторожничая, принял в друзья «марсианина» (так он тоже решил называть гостя). Что с того, что «марсианин» меняет окраску и вместо головы у него шлем? Интересно, что за светящиеся кнопки на поясе? Санджар про себя решил, что он обязательно потрогает их — чуть попозже, когда он познакомит гостя с бабушкой, которая одна только и осталась в доме. А жалко, что мама и тетя ушли в гости!

Космонавт проследил, куда бежит мальчик, и ждал

его у входа в кишлак. Запыхавшийся Санджар пролетел мимо, только махнул рукой: «Догоняй!» И Долговязый, стараясь держаться поближе, плыл вслед за мальчиком, словно и впрямь догонял его. Они уже были на ровной асфальтированной улице, по обеим сторонам которой выстроились дома, обсаженные тутовником, вишней, урюком и яблонями, которые только начинали расцветать. Тонкий аромат цветов плыл над кишлаком. Возле одного из домов Санджар остановился:

— Прибыли! Вот запомни: наш дом — двадцать шестой номер!

Пробежав по плиткам, уложенным до самого крыльца, он влетел в дом.

— Бабушка, бабушка, смотрите! Я привел гостя! С Марса!

Старая женщина подняла измученные, тусклые глаза. Ей показалось, что внук произнес «из Москвы».

— Какой же ты молодец, что привел гостя в наш дом, — произнесла она, вновь закрывая глаза. — Веди его в комнаты.

Отдохнув немного, она заговорила вновь:

— Позови соседку, пусть Мастура накроет на стол. Арбузов попробуете, дынь — они еще сохранились. Есть и сушеные. Видишь, внучек, не могу встать. Ты ему скажи, что я больная, потому не могу сама принять гостя.

Космонавт внимательно вслушивался в то, что говорила бабушка Санджара. В руке у него незаметно появился круглый зеленоватый прибор, слабо мерцавший серебром, словно он был налит ртутью. Почти в то же мгновение на противоположной стене заструилась длинная черная спираль, словно свитая из множества дышащих пульсирующих волокон, и тонкий зеленоватый луч протянулся из прибора к лежащей женщине, а от нее — на стену. Спираль на стене начала раскручиваться, космонавт следил за нею, и Санджар, открывший рот, чтобы спросить, что это такое, тоже застыл, глядя то на стену, то на бабушку. Вдруг изображение на стене за-

стыло, еще более увеличилось, и стало видно, что одно из волокон, тонкое, словно волос, порвано. Гость нажал кнопку, что-то вспыхнуло на месте разрыва, и спираль так же медленно стала закручиваться вновь. Потом изображение погасло, спираль исчезла, а космонавт, медленно выговаривая слова, сказал Санджару:

— Сейчас она встанет.

И точно: бабушка оцепенело смотрела на свою руку, которая в течение долгого времени была неподвижною, а сейчас, словно помимо ее воли, крепко ухватила за край кровати. Так же растерянно подняла бабушка и другую руку, затем повернулась в кровати и села.

Взгляд ее, тусклый и безнадежный, стал осмысленным, острым.

— Что это со мной, внучек? — спрашивала она, ощупывая постель. — Я сижу. Я двигаюсь! — Она опять задвигала руками и ногами. — А может, это во сне? — произнесла она нерешительно. — Зови деда, внучек. А то я себе не верю.

— Да нет же, бабушка! — закричал Санджар, подбегая к ней. — Ты выздоровела! Выздоровела! Это наш Долговязый сделал! Это он! Пойду деду скажу, получу от него суюнчи*! Пойдем!

Он пулей выскочил за дверь, снова помчался по дороге. Аэрти, спрятав прибор, исчез так же незаметно, как и появился, последовав за своим неугомонным знакомцем, чьи эмоции и поведение неустанно анализировали приборы, чтобы выдать впоследствии модель поведения земного ребенка. Санджар, пожалуй, лучше других соответствовал цели, которую ставили перед собой гости с другой планеты, изучая стереотипы поведения землян в тех или иных условиях. Здоровый, неугомонный, жизнерадостный мальчик воплощал в себе живой и острый ум, готовность исследовать все непонятное, и непосредственность, с которой он это делал, заставляла

---

* Суюнчи — подарок за радостную весть.

предполагать, что дерзость и риск, видимо, в большей мере присущие взрослым землянам, рано или поздно заставят их выйти за пределы Солнечной системы.

* * *

Говоря языком древних восточных поэтов, «ангел вдохновения продолжал держать в своих объятиях» Кадыр-бахши. Страдания Алпамыша зажгли на его глазах слезы. О слушателях и говорить нечего: мертвая тишина царила вокруг, тишина, которая лучше любых слов говорит о том, какую власть над человеческими сердцами имеет настоящее искусство.

И только когда кончился дастан, холмы и лужайка огласились аплодисментами, криками: «Молодец, Кадырбай!» Певец, положив на ковер свою домбру, вытирал вспотевший лоб платком, грудь его тяжело вздымалась.

Именно в этот момент Санджар, не найдя деда, полетел к отцу, который в числе других всадников участвовал в улаке:

— Папа, я видел «тарелку»! Долговязый с Марса вылечил нашу бабушку! Бабушка выздоровела! А потом он взял меня за руку, и я полетел с ним по небу!

— Успокойся, сынок. Иди ко мне.

Оторвав мальчика от земли, отец посадил его к себе на лошадь. Но так как Санджар продолжал кричать, отец, достав конфету, протянул ее сыну:

— Не болтай глупостей! Бегаешь целый день, вот и перегрелся, а теперь тут сказки рассказываешь!

Санджар хотел было возразить, но большая шоколадная конфета пахла так вкусно, а он любил сладкое больше всего на свете и потому на некоторое время забыл обо всем. Когда же вспомнил о своем новом друге, то нигде его не нашел, только на вершине тубетейкообразной горы опять дымилось белое облако, скрыв и «тарелку», и гостей с другой планеты.

Санджар, сидя на лошади, видел, как поднялось белое облако и, все уменьшаясь в размерах, взмыла в небо плоская ракета, все больше становясь похожей на звезду.

Начинался второй тур улака, всадники опять строились, горяча коней, а зрители усаживались поудобнее, чтобы видеть своих любимцев, подбадривать их криками и возгласами.

Космонавты покидали пределы Солнечной системы.

— Как ты думаешь, что это было? — спросил один из них, обращаясь к своему коллеге.

— Не знаю. Помнится, кто-то из стариков говорил, что когда-то такое было и у нас, но потом Совет Безопасности запретил: слишком много эмоций уходило напрасно.

— Как они это называют? Дастаны? А знаешь, — после долгой паузы проговорил он вновь, — когда я стоял там, подключенный к их восприятию, я чувствовал себя так, словно меня обмывают волны уэррополя, нет, гораздо лучше! Определенно, в этих дастанах что-то есть!

— Да, что-то в них есть, — согласился второй космонавт. — Но пусть об этом выскажет свое мнение Совет Безопасности.

* * *

А на Земле возле одного из горных кишлаков все продолжался шумный и веселый праздник навруз-байрам — праздник первого дня весны.

Перевод О. Ипатовой

В ТОТ НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Рассказ

В тридцатых годах ХХI века в ряде хирургических клиник мира в силу чрезвычайного стечения обстоятельств прошли операции по временной пересадке мыслящего мозга в организм животного (чаще всего человекообразной обезьяны или собаки). Все эти операции, равно как и причины, побудившие к ним, подробно описаны в «Медицинском вестнике» Всемирной академии наук, в книге известного популяризатора науки профессора Горобца «От Эскулапа до наших дней», а также в тех выпусках медицинской энциклопедии, которые вышли после 2039 года.

Особое место авторы единодушно отводят происшествию с Шухратом Салимовым. И неудивительно. Ведь это единственный на Земле человек, который совершил гражданский подвиг в тот момент, когда его мозг находился не в собственном теле.

В общих чертах вы, разумеется, слышали об этой истории.

Шухрат Салимов, инженер-строитель по профессии, недавно записал все пережитое им в тот необычный день. С его разрешения мы публикуем эти записи.

* * *

Помните, сколько шуму наделало открытие пещеры на Памире? К ней съехались археологи всего мира. Поговаривали, что обнаруженные здесь глиняные таблич-

ки с надписями заставят по-новому взглянуть на историю древних времен региона.

Я приехал на Памир одним из первых, хотя имею об археологии весьма смутное представление. Я инженер-строитель.

Дело в том, что вход в пещеру находился в верхней части почти отвесной скалы. Археологам нужно было как-то подниматься к пещере, доставлять туда оборудование, приборы, инструменты, а также переправлять вниз некоторые находки.

Вот почему было решено построить к пещере канатную дорогу. Взрывники приготовили чуть ниже входа небольшую площадку, где должна была подняться одна из опор дороги, вторую предстояло установить на гребне горного отрога, а третью — в излучине горной речушки, откуда сравнительно просто можно было добраться до шоссе.

Едва я приехал в лагерь археологов, как ко мне буквально подлетел сухонький, необыкновенно энергичный старичок. Впоследствии я узнал, что это знаменитый археолог, академик Мумин Вахабович Пулатов. Тогда же он моментально забросал меня вопросами:

— Когда же наконец вы постройте канатную дорогу? Ну? Сколько нам придется ждать? Год? Два? Десять?

Ошеломленный такой стремительной атакой, я сначала растерялся, но вскоре взял себя в руки и спокойно разъяснил, что приняты все меры для ускорения строительства. Проект уже составлен. Сейчас он лежит в моей папке. С минуты на минуту должны привезти технику и материалы, а все строительство займет не больше 10—15 дней.

Глаза академика гневно сверкнули:

— Пятнадцать дней! Да за это время горы можно свернуть! Вы что, и в самом деле собираетесь полмесяца возиться с какой-то ерундой?! — Он продолжал наступать на меня и успокоился только тогда, когда я за-

верил, что будет сделано все необходимое, чтобы сократить эти и без того сжатые сроки.

Нетерпение археологов я мог понять. Вход в пещеру был доступен, пожалуй, лишь опытным альпинистам. Из-за нависающего горного кряжа к нему нельзя было приблизиться даже вертолетом. Вот почему широкие исследовательские работы не могли начаться раньше пуска канатной дороги.

Через три часа после моего приезда в лагерь прибыл целый караван тяжелых вездеходов. Привезли все необходимое для начала работ.

Опору внизу мы собрали и установили практически в тот же день. Следующие три дня затратили на верхнюю опору — ее высшая точка находилась на одном уровне со входом в пещеру. Оставалось установить промежуточную — самую тяжелую и высокую опору. Когда ее сборка подходила к концу, я вызвал с базы по рации мощный горный трактор, с помощью которого предусматривалось поднять металлический великан методом падающей стрелы.

Трактор должны были привезти на следующее утро. А к вечеру небо начало хмуриться. Горы словно растворились на его черно-фиолетовом фоне, и только снежные вершины белели кое-где как облачка. Вскоре хлынул ливень, один из тех грозных ливней, от которых полнеют узенькие горные ручейки и, превращаясь в бурные потоки, сметают все на своем пути. Еще немного, и по расщелине чуть ниже нашего лагеря уже стремительно неслись желтые, смешанные с глиной потоки.

Назавтра погода прояснилась. Солнце ласково смотрело с высоты, ручеек выглядел таким же безобидным, как и перед ливнем, земля быстро высыхала.

Я вновь связался с базой, и мне сообщили, что в долине последствия ливня более серьезны. Горная дорога местами размыта, кое-где произошли обвалы. Дополнительную технику я смогу получить не раньше чем через два дня.

Не успел я выключить рацию, как в домик вбежал академик. Он нетерпеливо потирал руки:

— Ну вот, уже просохло окончательно. Почему никто не работает?

Я объяснил, что промежуточная опора более тяжелая и для ее подъема необходима техника помощнее. Через два дня...

Академик не дал мне договорить.

— Два дня! — воскликнул он. — Вы смеетесь! Два дня! — И он забегал по узкому помещению радиорубки, горячо упрекая меня в неадекватности и неумении организовать ритмичную работу.

Наконец он остановился напротив меня и заговорил спокойнее:

— Послушайте, вы говорите, что у вас маломощные тракторы... Но ведь и у нас есть один горный трактор. Почему бы вам не сцепить их? Тогда наверняка хватит мощности. И ждать не придется.

В том, что он говорил, был резон. Я тут же прикинул на портативной ЭВМ — мощность трех сцепленных друг с другом тракторов позволяла установить опору. Честно говоря, мне и самому не хотелось сидеть без дела.

Объяснив механику нового трактора его задачу и поставив этот агрегат в середину сцепки, я поднялся на огромный валун, на котором меня отлично видели все, кто участвовал в установке опоры.

Повинуясь моим сигналам, тракторы медленно двинулись вперед. Начала подниматься падающая стрела и, в свою очередь, потянула за собой опору. Та дрогнула, оторвалась от грунта. Ее верхушка медленно устремилась к зениту. Тяговые машины работали легко, без натуги. Я уже считал дело сделанным. И вдруг что-то произошло. Я увидел, как опора сначала остановилась, затем пошла назад. Ничего не понимая, я повернулся к тракторам, и в этот момент рядом раздался оглуши-

тельный свист. Мощный удар в грудь смел меня с валуна и швырнул на острые камни. От боли я потерял сознание.

Пробудился я в полной темноте. Шею слегка покалывало. Пошевелил руками, ногами — вроде бы все в порядке. И все-таки была какая-то странность в том, как повиновались мне конечности.

— Шухрат, — донесся до меня приятный женский голос, — вы меня слышите?

— Слышу, — ответил я. — Что с моими глазами?

— Не волнуйтесь, все будет хорошо, — успокоил тот же голос.

— Кто вы? Это лагерь археологов? Где я?

— Нет, это не лагерь. Это Бустанская хирургическая клиника. А меня зовут Светлана Назаровна. Я главный врач клиники.

— Светлана Назаровна...

Я дважды бывал в Бустане, красивом современном городке в горах, возникшем на месте древнего поселка. Но как я попал сюда? Ведь до городка от нашего лагеря не меньше трехсот километров. А прошло, как мне казалось, всего несколько минут.

— Сейчас вам все станет ясно, — в голосе Светланы Назаровны я уловил смущение. — Во время аварии пострадали легкие, сердце и другие органы. Кроме того, вы разбились, упав с высоты на острые камни, и потеряли много крови. — Она заколебалась, но затем твердо продолжала: — Ни в лагере, ни в нашей клинике нет аппаратуры, позволяющей длительное время поддерживать автономную работу мозга. Поэтому мы были вынуждены пойти на временную трансплантацию... Ваш мозг перенесен в другой организм, временно соединен с ним...

Она сделала паузу, я весь напрягся.

— С организмом лани. О, не волнуйтесь. Вы пробудете в нем всего несколько часов. Вертолет с Юлдуза уже в пути. Он доставит вас в тамошнюю первоклассную клинику, где ваше тело восстановят. Такие операции делают, вы, вероятно, читали об этом?

— Очень мало. — Вот все, что мог пробормотать я. — Постойте, но если я сейчас в теле лани, то как же мы с вами разговариваем?!

— Через индикатор, — пояснила она. — Вы не говорите, а думаете, индикатор же переводит ваши мысли в звуковые колебания. Однако индикатор — установка стационарная, и во время полета его с вами не будет. Поэтому, если у вас есть какие-либо жалобы или пожелания, говорите сейчас. Вертолет прибудет с минуты на минуту.

Я до сих пор даже гриппом не болел. И вдруг такая операция! Конечно же, желание у меня было одно — поскорее принять свой естественный облик.

— Собственно говоря, — продолжала Светлана Назаровна, — вам можно было бы сделать укол и в спящем виде доставить в Юлдуз. Но мы решили не рисковать, полагаясь на ваше мужество и здравый смысл. Кроме того, все эти события будут при окончательной операции стерты в вашей памяти.

И вот тут-то я начал вспоминать подъем опоры. Ну конечно же! И как это я раньше не сообразил! Мощности тракторов вполне хватало, чтобы поднять опору, но ведь прочность захватывающего механизма, к которому крепится тяговый трос, не была рассчитана на такую нагрузку. Вот почему кронштейн не выдержал, оборвался, и механизм под действием сил натяжения в тросе, будто пушечный снаряд, был отброшен в сторону. Меня задело...

Тем временем с моих глаз сняли повязку. Я увидел светлую комнату, миловидную, средних лет женщину, нескольких ассистентов. Что-то темное, продолговатое находилось все время перед моими глазами. Я с ужа-

сом понял, что это нос лани — мой нос. Одновременно я ощутил сотни разнообразных запахов — большинство из них впервые в жизни.

Люди смотрели на меня с состраданием. Я опустил голову.

— К сожалению, — как бы извиняясь, произнесла Светлана Назаровна, — у нас не хватило времени, чтобы отсечь ваше сознание от восприятия ощущений. Но ваше приключение заканчивается. Если у вас по-прежнему нет никаких пожеланий, мы отключаем индикатор. Вертолет прибыл.

Пожеланий у меня не было.

Юлдуз был новым космодромом, способным принимать корабли всех классов. Человек уже вышел за пределы солнечной системы, хотя до ближайших звезд было по-прежнему далеко. Но уже появились первые автоматические звездолеты, системы которых отрабатывались и испытывались в межзвездном пространстве. Шли эксперименты с новым типом двигателя. Обычно эти корабли стартовали с Марса или с одного из крупных астероидов, но все данные обрабатывались на Земле. Точно так же на Земле исследовались образцы пород и минералов, доставленных с других планет и астероидов.

Юлдуз и был крупным научным центром, в котором располагалось несколько научно-исследовательских институтов, а также многочисленные центры по ремонту и диагностике кораблей.

Итак, наш вертолет держал путь к Юлдузу. В салоне, кроме меня, находился дежурный врач базы. Он то и дело успокаивающе гладил меня по шее и обнадеживающе кивал головой.

Летели мы около часа.

Вскоре на горизонте появилась другая горная сис-

тема. У ее подножия примостились белые корпуса городка космологов, окруженные густой зеленью. Блеснуло широкое озеро — зона отдыха. Сам космодром был гораздо выше — за горным хребтом, где в недрах скал были пробурены глубокие шахты. К каждой вело несколько горизонтальных тоннелей на разных уровнях.

Клиника располагалась в стороне от городка, в гуще соснового леса. Эти сосны были несколько десятилетий назад специально выведены для южных широт. К клинике вело тихое шоссе.

Мы приземлились прямо на площадке перед клиникой. Рабочий автомат сгрузил контейнер. Вертолет тут же улетел. От клиники к нам уже бежал крупный широколицый человек в белом халате. Выглядел он взволнованным.

В тот же миг меня охватило странное беспокойство, никак не связанное с человеческой психикой. Его причиной был необычайный запах, уловленный звериными органами обоняния. То существо, в теле которого я оказался волей случая, напоминало о себе.

Мне и прежде приходилось читать и слышать о том, что многие животные ощущают инстинктивный страх перед надвигающимся стихийным бедствием или неведомой опасностью. За несколько секунд до землетрясения или наводнения, когда человек спокойно спит, собака, например, начинает метаться, лаять, рваться на улицу. Механизм этого явления необъясним до сих пор.

Сейчас ученые научились предсказывать землетрясения, а наводнений в наши дни и вовсе не бывает... Этот тонкий и в то же время непривычный чужой запах неприятно поразил и взбудоражил меня. Я проникся ощущением надвигающейся опасности.

Но мое человеческое сознание упорно противилось этому чувству. И в самом деле, что могло произойти? Я находился на территории первоклассного ракетодро-

ма, рядом с отличной клиникой, где работали выдающиеся специалисты. Что нам могло угрожать?

Доктор подбежал к нам и сказал:

— Пойдемте! Быстрее!

Мы вошли в клинику, прошли по длинному коридору и оказались в просторном кабинете, одна из стен которого была заставлена аппаратурой. В одном из приборов я узнал индикатор. Встречавший быстро подключил его клемму и заговорил:

— Прибыли? Как самочувствие? — Он обращался одновременно и к моему спутнику, и ко мне. Казалось, он испытывает смущение оттого, что должен называть лань на «вы».

Человек, сопровождавший меня, сказал несколько слов, видимо на латыни. Толстяк удовлетворенно кивнул головой, и тот вышел. Мы остались вдвоем. Врач спросил:

— У вас нет пожеланий или жалоб?

Я решил, что смешно говорить о каком-то страхе надвигающейся опасности, и ответил, что у меня все в порядке.

Врач сказал, по-прежнему смущаясь:

— Мы в целом подготовились к операции. Но... Только что произошло нечто странное... Двенадцать человек из лаборатории получили тяжелые травмы. Совершенно непонятно... Сейчас весь персонал клиники борется за их жизни. Вам придется потерпеть еще часок. — Он умоляюще посмотрел на меня. Лань кивнула.

— Сейчас придет медсестра и сделает вам укол. Вы ничего не почувствуете, а когда очнетесь, будете уже в своем теле.

Продолжая вопросительно смотреть на меня, он отключил индикатор и указал мне на какое-то приспособление, похожее на станок для оперирования животных.

— Пожалуйста, встаньте сюда. Сейчас придет медсестра. — Он вышел.

Окно кабинета было распахнуто настежь. Оно выходило к горам, где располагались шахты с планетолетами. Воздух здесь был изумительно чист, но незнакомый запах ощущался сильнее. Пришла тревога...

Я подошел к окну и, опершись передними ногами о подоконник, выглянул наружу.

Здесь, рядом с клиникой, была устроена беседка, в ней находилось несколько человек, они говорили между собой. Вернее, говорил один человек в форме космолетчика, а остальные внимательно слушали его, время от времени задавая вопросы.

— Нет, первым догадался я. Причем по чистой случайности. Мы с Аликом договорились поехать в город, а встретиться должны были у входа в институт. Я жду, Алика все нет и нет. Позвонил — никто не отвечает. Тогда я подумал: может, у них собрание? Но Алику-то ничего мне не говорил. Позвонил в соседнюю лабораторию, там отвечают: «Они все на месте». Я все же упросил позвать Алика к телефону. Кто-то пошел за ним и... Вот тут-то началось. Все двенадцать человек оказались на полу в разных позах. Говорят, еще десять минут, и не было бы даже шансов на спасение...

— Чем же они там занимались?

— Обычной работой. С утра взялись за пробы, привезенные «Орионом».

По сообщениям прессы и телевидения я знал, что на Землю недавно вернулся космический корабль «Орион» с Нептуна. Впрочем, Нептун уже посетили десятки других кораблей. Исследованы тысячи доставленных ими образцов. До сих пор сенсаций не было.

Теперь после слов, произнесенных космонавтом, я гораздо с большим доверием отнесся к ощущениям лани. Тонкий непривычный запах доносился с двух сторон — сильнее оттуда, где, судя по всему, находилась шахта с «Орионом», и слабее со стороны института. Сопоставив это со случившимся, я понял, что в районе космодрома возникла опасность, неведомая пока людям.

«Ладно, — подумал я. — Сейчас войдет медсестра, я попрошу подключить меня к индикатору и расскажу о своих ощущениях».

За дверью послышались шаги. В кабинет вошла стройная девушка. Она с интересом посмотрела на меня. Я потерялся боком об индикатор, заглядывая ей в глаза.

— Бедненький! — сказала она. — Сейчас я сделаю вам укол, и вы уснете. Одну минутку. — Она взяла из стеклянного шкафа какие-то инструменты и прошла в смежную комнату.

Страшная догадка поразила меня. Сестра не поняла моих побуждений. Сейчас мне сделают укол, а когда я очнусь, из моей памяти будет стерто это. И я не смогу рассказать им, что опасность не исчезла, что она лишь затаилась!

Тем временем сидящие в скверике космонавты встали и двинулись к площади.

— Еще минутку! — пропела девушка в смежной комнате.

Дальнейшее произошло неожиданно для меня самого. Наверное, в эту минуту лань победила во мне человека. Одним прыжком я перемахнул через подоконник и тут же спрятался в густом кустарнике, окаймляющем скверик. Моего прыжка никто не увидел. Оказавшись на чистом воздухе, я огляделся внимательнее. К самой клинике примыкал густой лес, склоны ближних предгорий также были покрыты зеленью. Таким образом, незамеченным я мог свободно добраться до леса. В то же время с моего наблюдательного пункта хорошо проглядывалась вся площадь перед клиникой.

Я решил, отсиживаясь здесь, придумать какой-нибудь способ сообщить о своих подозрениях людям. «Ах, если бы не эта девушка! — думал я. — Будь в кабинете тот толстяк, он бы правильно понял меня, когда я потерялся об индикатор». Больше всего я боялся теперь девушки.

В кабинете слышались шаги. Затем я услышал мелодичный голос:

— Товарищ... Товарищ! Где вы? — Девушка, держа шприц в руке, подошла к окну и выглянула наружу. — Товарищ! — позвала она еще раз, затем вскрикнула, выронила шприц и быстро выбежала из кабинета.

Как нарочно, у меня не появлялось ни одной путной мысли. Правда, я думал было, не вернуться ли мне в кабинет, чтобы вновь попытаться установить контакт с врачами. Я уже сделал несколько шагов, когда комната наполнилась людьми, которые тут же принялись внимательно обшаривать все углы.

Несколько человек, в том числе и толстый профессор, выглянули в окно. Вид у всех был озадаченный.

— Ну и денек! — воскликнул профессор. — И как это мы не подумали! У него наверняка начался обратный эффект. Выход один — немедленно разыскать, усыпить и на операционный стол.

Он обернулся и приказал кому-то:

— Срочно готовьте все к операции. Да, и еще — объявите по радио. Необходимо, чтобы все включились в поиск.

Тут он позвал громко:

— Шухрат! Шухрат! Где вы?

Я понял, что, стоит мне показаться из кустов, никому и в голову не придет объясняться со мной через индикатор. Но что мне делать? Что?

И тут одновременно во многих местах над всем городком зазвучал голос, усиленный радиоаппаратурой.

— Внимание! Внимание! Чрезвычайное сообщение! Только что из хирургической клиники при невыясненных обстоятельствах исчез пациент, который несколько часов назад подвергся трансплантации. Его мозг временно пересажен в организм лани. Особые приметы: крупный рост, цвет — палевая с рыжими пятнами. На шее специальный ошейник типа «Контакт». Суще-

ствуется опасность, что вследствие обратной связи сознание пациента может пострадать. Работники клиники обращаются ко всему научному персоналу, ко всем жителям города с просьбой принять участие в поиске. Гарантированное время нормальной жизнедеятельности мозга пациента в организме лани не более восемнадцати часов. Четыре часа уже прошло. Предполагаемое место нахождения — район клиники.

Это сообщение на разные лады повторялось несколько раз. «Ну что же, — решил я. — Четырнадцать часов у меня еще есть. Я что-нибудь придумаю и выйду к ним. Только нужно найти подходящее место для размышлений. Здесь мне сосредоточиться не дадут».

Из клиники выбежало несколько десятков человек. На площадь опустились пять или шесть вертолетов, еще три или четыре летели со стороны города. По шоссе мчалась целая вереница автомашин. Площадь, совершенно безлюдная пять минут назад, быстро наполнялась народом.

Между людьми сновал профессор. Он делил собравшихся на группы, что-то растолковывал. Группы одна за другой уходили в разные стороны. Человек десять двинулись на меня. Я понял, что еще немного и меня обнаружат.

Скрываясь за кустами, я добрался до леса раньше своих преследователей. Кажется, меня не заметили. Я бежал по узенькой тропинке, ведущей к горам. С левой стороны тропинки тянулся неглубокий овраг с пологими склонами. Вдруг впереди послышались голоса. Я быстро метнулся к оврагу.

Рядом со мной прошли три человека. Они озирались по сторонам, но каким-то чудом не заметили меня.

— Нет, — сказал один из них, — тут он еще не проходил. Поищем поближе к клинике.

Они скрылись из виду. Я снова выбрался на тропинку и побежал вперед, уверенный, что вырвался из кольца окружения.

Теперь я двигался медленнее, перебирая на ходу возможные варианты контакта.

С момента моего бегства прошло уже сорок минут, но я так ничего и не придумал. А странный запах по-прежнему витал в воздухе. Сейчас он ощущался резче, сильнее...

Вскоре я вновь должен был насторожиться. Впереди среди золотистых сосновых стволов показался небольшой двухэтажный домик. Я подошел ближе. Дом стоял на зеленой солнечной лужайке в тени мощных деревьев. Судя по всему, это был двухдневный дом отдыха. Вероятно, люди, которых я встретил недавно на тропинке, шли отсюда.

Несколько минут я внимательно осматривал окрестности. Стояла полная тишина. Лишь птицы щебетали по всему лесу. Одно из окон домика было распахнуто настежь. Внутри никого не было.

Наконец, осмелев, я осторожно вышел на поляну, приблизился к домику и поднялся на крыльцо. Дверь легко подалась. Я увидел большую комнату на нижнем этаже, лестницу, ведущую наверх, где были комнаты поменьше.

В центре зала стоял длинный деревянный стол с остатками обеда. Видимо, людям пришлось уйти неожиданно. Я догадался, что они услышали по радио сообщение о моем исчезновении и поспешили на розыски. Мое внимание привлек большой чайник. Увидев его, я внезапно ощутил сильную жажду и вспомнил, что не пил уже несколько часов.

Обходя стол, я заметил в углу низенький журнальный столик, на котором стояла пишущая машинка с вложенным в нее белым листком бумаги. Поначалу я не обратил на нее особого внимания, но когда она оказалась уже за моей спиной, что-то ослепительно прояснилось в моем сознании. Забыв о жажде, я подбежал к столику. Вот он, выход! Я стоял и смотрел на машин-

ку и на лист бумаги как на чудо. Сейчас я напечатаю всего лишь несколько слов:

«Опасность — «Орион». Исследовать со служебной собакой и приборами. Оставьте мне память!»

Потом побегу с этим листком к людям. В любом случае они прочтут написанное и поднимут тревогу. Даже если меня не подключат к индикатору, моя записка наведет ученых на верный след.

Я подошел вплотную к машинке. Видимо, лист в нее только что вставили. На нем было отпечатано всего три слова: «Таким образом коэффициент»... Вероятно, кто-то в лесной тиши корпел над диссертацией.

Зубами я осторожно провернул валик так, чтобы центр листа оказался на уровне ленты. Затем нажал копытцем на букву О. Как я ни старался, но раз за разом придавливались три или четыре клавиши, нужные буквы не отпечатывались. Тогда я попробовал печатать носом. Результат был прежним.

На миг я пришел в отчаяние. Но тут мой взгляд упал на нож с острым лезвием, лежащий на столе. Я крепко сжал зубами его рукоятку, повернул голову набок и нажал острием на клавишу с буквой О. Буква отпечаталась, но слишком бледно. Следующую клавишу с буквой П я буквально ударил ножом изо всех сил. Буква отпечаталась четко, но тут же я ощутил сильную боль: ударив, я не смог удержать зубами металлическую рукоятку, и нож скользнул и поранил мне... (хотел сказать лицо).

С этими короткими фразами я провозился не менее часа. Когда наконец была отпечатана последняя буква, я с наслаждением, мотнув головой, отшвырнул нож далеко в сторону.

Но, утолив жажду ароматным холодным чаем, я почувствовал, как силы вновь возвращаются ко мне. Я был несказанно рад, что случай помог мне выкрутиться из чертовски сложной ситуации. Взяв зубами лист, я смело выбежал из домика и устремился по тропинке вниз.

Я бежал быстро, ведь после моей отлучки прошло уже не менее двух часов.

Тропинка петляла из стороны в сторону. В одном месте лес, что рос слева от нее, расступался. Просматривалась долина, ракетодром, городок, клиника. До нее было не больше трех километров. Вдали я заметил большую группу людей. Видимо, они обсуждали, в каком направлении вести поиск дальше. Я решил бежать к ним напрямик, тем более что лес был тут рядом, а земля между деревьями покрыта мягкой зеленой травой.

Единственное препятствие на моем пути — небольшой овражек, поросший густым кустарником, — я рассчитывал преодолеть с ходу. Но когда я продирался сквозь гибкие тонкие ветки, у самого моего уха раздался странный щелчок, потом неведомая сила приподняла меня над землей и опустила в какой-то ящик. Все это произошло в течение двух-трех секунд.

Я оказался в ловушке — большой металлической клетке. Такие ловушки устанавливают кое-где на звериных тропах. Отловленных животных отправляют в зоопарки, институты, а то и отпускают, предварительно окольцевав. Ловушка имеет специальное автоматическое устройство, запрещающее захват человека. Поначалу я решил, что ловушка была настроена специально для моей поимки и что вот-вот явятся люди, которые освободят меня. Однако это была самая обыкновенная стационарная ловушка, и, судя по всему, установлена она здесь была давно.

Я предпринял отчаянную попытку вырваться на волю — бросался всем телом на прутья, грыз их зубами — тщетно. Ловушка была сработана на совесть.

Я понял, что это конец. Мне захотелось завывать от огорчения и жалости к самому себе.

Прошел еще час или полтора. Я утратил всякую надежду. Единственное, что меня утешало, — это белый лист бумаги с неумелой надписью посередине. Что бы

там со мной ни случилось, его найдут. Значит, мой побег все-таки имел смысл.

И тут послышалась негромкая песня. По тропинке от домика спускался мальчик лет восьми. В руках у него было лукошко с грибами. Скорее всего это был сынишка одного из отдыхающих.

Я подал голос. Мальчик остановился и удивленно осмотрелся. Наконец заметив меня, он поставил лукошко на землю и произнес, всплеснув ручонками:

— Ой, какой олешек!

Нужно было во что бы то ни стало расположить мальчонку к себе. Я улыбнулся. Вернее, я хотел улыбнуться как человек, но получилось, видимо, нечто противоположное, потому что малыш испуганно протянул:

— Ой, какие зубы!

Тут он поднял лукошко и, осторожно ступая, двинулся обратно к домику, оглядываясь на меня. Еще один-два шага, и он исчез бы за деревьями.

И тут меня осенило.

Я сел на задние лапы и принялся мотать головой в такт песенке, которую только что напевал малыш. Тот сделал шаг вперед.

Я тут же принялся танцевать какой-то фантастический танец. Потом прошелся по клетке на задних ногах, начал раскланиваться, как это делают дрессированные звери.

На лице малыша появилась улыбка.

— Олешек, ты из цирка, да? — спросил он, подходя к самой клетке. — Как же ты сюда попал? Хочешь, я тебя выпущу?

Я обрадованно закивал головой.

Мальчик отодвинул запор. Послышался щелчок. Детская ручонка погладила меня по спине:

— Ты заблудился, да? Ты совсем не страшный, ты добрый...

Я лизнул мальчику руку, зажал в зубах записку и побежал через лес к клинике, туда, где были люди.

Операция прошла очень успешно. Только чуть заметный круговой шрам на шее напоминает мне о событиях того дня.

Тайна «Ориона» и лаборатории института разгадана. Может быть, благодаря моей записке.

Дело в том, что «Орион» привез с Нептуна необыкновенно живучие микроорганизмы, заброшенные туда неведомым космическим телом (неизвестным космическим кораблем?). В замороженном виде сотни лет таились эти микроорганизмы на поверхности Нептуна. Оказавшись же на Земле, они возобновили жизнедеятельность. Одна из основных их особенностей — участие в процессе, обратном фотосинтезу. Микроорганизмы поглощают кислород, а выделяют углекислый газ и еще какие-то газы. Кроме того, в благоприятной среде они стремительно размножаются. Вот почему воздух в лаборатории в считанные минуты перестал быть пригодным для дыхания. Люди слишком поздно это почувствовали...

Канатная дорога к пещере построена. Археологи начали свои работы. Об этом я узнал от Мумина Вахабовича, который, несмотря на занятость, находит время, чтобы навещать меня.

Перевод В. Нечипоренко

ПЛАМЯ

Повесть

I

Саидбеков терпеливо ждал, когда же Мардонов закончит чтение. А тот перечитывал сводку второй или даже третий раз.

Наконец он поднял голову от стола и недоуменно посмотрел на шефа:

— Это невероятно!

Саидбеков взял пластинку из его рук, положил в ячейку накопителя.

— К сожалению, это невероятное событие подтверждается фактами.

— Употребление наркотиков? В наше время?

— Ты правильно понял то, что прочитал.

— Но... в таком случае... надо немедленно принимать меры. Вернуть этих людей на Землю.

Саидбеков нахмурился.

— Все не так просто. Психолог базы беседовал с ними — и ничего... Отправить-то недолго... А в чем причина недуга? Когда он начался? Где, наконец, они достают наркотики? И главное — поможет ли отправка на Землю их выздоровлению?

Он замолчал, выразительно глядя на Мардонова.

Тот кивнул:

— Я понял. Когда вылетать?

— Сегодня вечером по экспресс-каналу. И вот что... — он помассировал переносицу, — не стоит пока акцентировать внимание на том, что ты сотрудник Института

социальных проблем. На Верге скоро начинается смена вахт... Ты ведь знаком немного с работой кси-оператора?

— Два года спецподготовки в Ленинградском университете, — улыбнулся Мардонов.

— Ну, вот и прекрасно. Отправишься на Вергу кси-оператором.

— Пойду собираться, — поднялся с кресла Мардонов.

— Желаю счастливой посадки. А перед отлетом советую заглянуть в Геологический центр. И вот что еще... Если почувствуешь, что сам не справишься, не упряйся, дай знать... Дело слишком серьезное.

II

О Верге Эркин Мардонов не знал практически ничего и поэтому первым делом решил восполнить этот пробел.

Оказалось, что Верга — небольшая, ничем не примечательная планета. Жизнь на ней существует в зачаточной форме. Атмосфера разреженная, воды мало. Несколько лет назад в одном из горных районов планеты были обнаружены богатые залежи трансурановых руд. Сразу же началось освоение планеты. Прежде всего грузовые и транспортные ракеты доставили на Вергу несколько тысяч самосовершенствующихся автоматов, которые построили установки по обогащению атмосферы кислородом, а также наладили синтез воды. Кислород и водород для этих целей выделялся из горных пород. Одновременно автоматы приступили к строительству шахт по добыче столь необходимых земной промышленности руд.

Были также построены жилые здания, технические и культурные центры для землян, которые начали прибывать на Вергу.

Последние двенадцать лет все работы по добыче руды на Верге производились по запрограммированному циклу. Строительство шахт закончено. Весь производственный процесс — от дробления горных пород до погрузки контейнеров с чистым металлом в грузовые ракеты — осуществляют кибернетические устройства и автоматы. Люди лишь контролируют их.

Сейчас на Верге около двухсот шахт и тысяча двести землян.

Ландшафт Верги суров: остроконечные оранжевые скалы, местами покрытые серым лишайником, огромные черные валуны, пронизанные светлыми прожилками. Земные растения так и не прижились на почве Верги. Грунт для теплиц возят сюда с Земли.

В свое время психологи рекомендовали ограничить пребывание каждого человека на Верге одним годом. До сих пор правило это соблюдается неукоснительно.

Трансурановый мост Верга — Плутон работает без перебоев.

Эркин раскрыл атлас звездного неба Верги. Вот она, маленькая пылинка в бесконечном космосе. Планета-труженица. Одна из сотен, работающих на Человека. Почему же именно Верга преподнесла людям такой опасный подарок?

Снова вспомнился недавний разговор с Саидбековым.

...Все началось с того, что сотрудники 17-й шахты вдруг перестали посещать культурный центр, хотя прежде бывали здесь часто, тем более что центр всего в получасе полета от шахты. Добровольный отказ от общения — вещь более чем странная, тем более для такого малочисленного коллектива.

Психолог базы отправился на шахту, чтобы разобраться в причинах неурядиц, попытаться устранить их с помощью самих же сотрудников. Вернулся он с шахты потрясенный, утверждая, что застал там людей в

состоянии наркотического опьянения, хотя никаких наркотических веществ на шахте быть не могло.

Попытки установить истину ни к чему не привели. Сотрудники шахты отрицали показания психолога, а свое «отшельничество» объясняли усталостью. Ведь истекал срок их пребывания на Верге...

Странными выглядели эти объяснения... Верга попросила помощи у Земли.

В Геологическом центре Эркин познакомился с некоторыми данными о сотрудниках 17-й шахты. Там работало пять человек.

Хаят. С объемной фотографии смотрел широколицый черноволосый человек со строгими глазами. Родился в Ташкенте, 35 лет, профессия — геофизик. Два года провел на Уране, год на Миррихе. Сдержан, рассудителен, немногословен. Увлекается ботаникой. Что же заставило его употреблять наркотики?

Юлия. Двадцатитрехлетняя женщина. Большие синие глаза, строгий взгляд. Но по характеру общительна. Любит оказывать покровительство. Много читает, особенно начинающих поэтов. Наверняка и сама пишет стихи. Должность — диспетчер зоны С.

Эркин уже отложил фотографию Юлии в сторону, но что-то заставило его снова взять ее в руки. Красивая женщина... Это всегда опасно... особенно в немногочисленном обществе мужчин...

На следующей фотографии — смуглый мужчина с нервным худощавым лицом. Это врач шахты Фархад. Изобрел несколько медицинских аппаратов. Возраст — тридцать лет.

А вот два брата — Педро и Хосе. Геологи. Педро увлекается живописью. Хосе изучает старинные испанские танцы.

Эркин отложил в сторону последнюю фотографию, задумался. Симпатичная, славная пятерка. Что же с ней стряслось?

Первой он увидел Юлию. Девушка сидела за пультом управления диспетчерского пункта спиной к входу. Услышав шаги, обернулась.

На ней был костюм, светлый и легкий. Светлый костюм и такие же светлые пушистые волосы эффектно оттеняли бронзовое от загара лицо, на котором выделялись ярко-синие глаза. Да, у природы тоже есть свои любимчики, для которых она не жалеет красок.

Эркин поздоровался.

— Добрый день, — ответила девушка.

— Эркин.

— Юлия. Вы с Земли?

— Да.

— Неужели на подмену?

— Как сказать... Скорее на помощь.

— Вот как! Выходит, кому-то крупно повезло. На какую шахту у вас направление?

— На вашу.

— На нашу?!

Эркину показалось, что в ее глазах промелькнула растерянность.

— Да, на вашу. У вас ведь нет кси-оператора.

— Но... нам не нужен кси-оператор. Автоматы работают исправно.

— Сегодня — да. А вы можете поручиться, что завтра с ними ничего не случится?

— Да-да, конечно... Я что-то не то говорю. Но у нас есть кси-оператор — Фархад.

— Но Фархад, как мне сказали, врач шахты.

— У него хватает времени на все.

Эркин недоуменно развел руками:

— А я думал, вы обрадуетесь новому человеку... Что же мне теперь делать?

Юлия вдруг легко поднялась с кресла, подошла к

нему едва не вплотную и прошептала, хотя в диспетчерской никого, кроме них, не было:

— Если у вас есть возможность, уезжайте немедленно. Если такой возможности нет, найдите ее. Уезжайте, чтобы потом ни о чем не жалеть.

Эркин внимательно посмотрел в ее синие глаза.

— Юлия... Я бы не хотел быть помехой для кого-то... Может, вы все же объясните, почему я должен уехать?

Она молчала.

— Не хотите говорить?

Она продолжала молчать.

— Ну, тогда... Тогда я остаюсь. Попрошу вас дать роботам команду построить для меня коттедж. Тип и место, если вас не затруднит, выберите сами. Тут я полностью полагаюсь на ваш вкус. Надеюсь, мы еще сегодня увидимся? А сейчас я пойду представлюсь сотрудникам. До свидания.

— До свидания, — опять прошептала она, глядя куда-то мимо Эркина.

Выходя из диспетчерской, он на секунду задержался у прозрачной стены. Перед ним тянулись складки невысоких гор, причудливые скалы, каменистые хребты. Все было ярко-желтого, почти оранжевого цвета, как горящие в костре поленья. Рубиновые тучи ползли по ярко-красному небу. И нигде ни травинки, ни птицы...

Он обернулся. Юлия уже сидела за пультом, работая на клавишах.

Эркин вздохнул и вышел из диспетчерской.

IV

С минуту он постоял на открытой галерее. Отсюда отлично просматривалась вся территория шахты. Жилой городок размещался рядом с высокой башней диспетчерского управления. Эркин увидел несколько одноэтажных белых домиков, спортивный зал с бассейном, столовую. Небольшая, но густая рощица бросала тень

на ярко-красные крыши коттеджей. Эркин понял, что деревья рощицы искусственные. На окраине крохотного поселка копошились три робота: робот-кран и роботы-рабочие. Они поднимали пластиковые стены, укладывали синтетические балки. Эркин догадался, что роботы уже получили команду и строят жилище для него.

А вокруг поднимались невысокие, но скалистые, труднопроходимые горы. Рубиновые тучи рассеялись, жаркие лучи падали почти отвесно на скалы, и казалось, те вот-вот вспыхнут, как сухие дрова.

Одна из скал, крутая, конусообразная, была стесана. В образовавшейся отвесной стене было пробито отверстие, закрытое сейчас толстой бронированной плитой. Собственно, это и была шахта. Там, в недрах ярко-желтых скал, тысячи совершенных автоматов грызли породу, дробили руду, извлекали из нее металл, штамповали прямоугольные бруски, запечатывали их в контейнеры и отправляли на грузовую станцию, а из пустой породы выделяли кислород и водород...

По узенькой дорожке, посыпанной ярко-желтым песком, Эркин подошел к ближайшему коттеджу и позвонил.

Дверь открылась. Он шагнул в помещение.

В длинной прохладной комнате царил, что называется, живописный беспорядок: стол задвинут в дальний угол, диван чуть ли не загораживает дверь; всюду книги, кассеты, пленки, а главное — картины, картины, картины. Десятка три картин. И почти на каждой — Юлия. Юлия перед диспетчерской. Юлия перед домом, Юлия на диване с книгой в руках. Юлия за рулем вездехода, Юлия в бассейне, Юлия на праздничном карнавале.

Эркин не сразу заметил среди этих картин хозяина дома, широкоплечего мужчину, которого можно было бы назвать красивым, если бы не чересчур длинный, крючковатый нос.

Мужчина сделал от стены шаг к Эркину, протянул широкую ладонь:

— Ого! Я вижу, у нас гости! Проходите! День добрый!

— Здравствуйте. Вот зашел к вам познакомиться... Эркин.

— Педро. Очень, очень приятно? Вы с базы?

— Как вам сказать... У меня направление на вашу шахту. Я — новый кси-оператор.

Педро расхохотался, всплеснув руками:

— Кси-оператор! Да что они там, с ума посходили, что ли?

— То есть? — недоуменно проговорил Эркин.

Педро крикнул:

— Знаете, мне, право, неловко так разговаривать. Предлагаю перейти на «ты». Согласны?

— Идет!

— Ну, по рукам!

Педро похлопал Эркина по плечу тяжелой рукой:

— Эркин, дружище, пойми меня правильно. Я ужасно рад, что на шахте появился новый человек. Это всегда интересно. Но это одна сторона дела. А вот другая: мы здесь загружены работой максимум три-четыре часа в сутки. Этого мало, дьявольски мало. А с твоим приходом доля труда каждого из нас соответственно уменьшается. Какой же ты реакции от нас ждешь? Только, чур, без обиды! Ты, разумеется, ни при чем.

— Не знаю, как насчет остальных, — ответил Эркин, — но тебе, похоже, скучать не приходится. Эти картины...

— Картины?! — перебил его Педро. — Где ты видишь картины?

— Но разве это...

— Это самая обыкновенная мазня. Об этом тебе скажет любой, кто сумеет отличить палитру от кисти.

— Ты преувеличиваешь, Педро.

— Я преувеличиваю? Нет, дружище, тысячу раз нет!

Преувеличивал я в те времена, когда мнил о себе как о художнике. А вот здесь, на Верге, я наконец осознал одну печальную истину: картинки я рисовать еще могу, а картины — нет!

— Но ведь она похожа!

— Похожа? — рассмеялся Педро. — Похожа?! Вот так критерий для художника! Нет, приятель! Это похожесть фотографии. А внутренний мир? То, что в состоянии передать только творец?

Он быстро зашагал взад-вперед по комнате.

— Юля — мой идеал, мой пробный камень. Когда я впервые увидел ее год назад, я сказал себе: «Педро! Если тебе суждено быть художником, то ты напишешь эту женщину, напишешь так, чтобы она жила на холсте». Это было год назад, и тогда я еще верил, что могу быть художником.

Тем временем Эркин заметил среди картин, изображающих Юлию, два небольших пейзажа. Машинально он взял один из них в руки. Пейзаж был написан в темно-красных тонах. Багровые облака, освещенные скалы, какое-то глубокое ущелье у их подножия...

Но рассмотреть картину как следует Эркин не успел. Стремительно подскочил Педро и выхватил полотно из рук. Теперь он выглядел раздраженным, даже злым.

— Ты что? — удивился Эркин.

— Извини... — Педро уже взял себя в руки. — Не люблю показывать незаконченные вещи.

— Но ведь пейзаж написан?

— Нет-нет, там еще много работы...

— Ладно, — кивнул головой Эркин, — в таком случае не буду тебе мешать. Пойду знакомиться с другими.

Педро как будто даже обрадовался:

— Давай, давай. В следующем доме живет Хаят. Но он сейчас в шахте. Кон-тро-ли-ру-ет! Вон там — Хосе, мой брат, а там — врач. Зайди к Хосе, пока он не ушел в горы. Только, знаешь, он у меня малый со стран-

ностями. Ты не особенно обращай на это внимание. Главное — он добряк.

— Буду иметь в виду.

Эркин опять вышел на узкую красную дорожку и подумал: «Хотел бы я знать, есть ли тут хоть один человек без странностей?»

V

Едва Эркин переступил порог дома Хосе, как его обдало жаром. «Пятьдесят по Цельсию», — определил Эркин. Кондиционеры выли, как голодные волки, но не могли заметно снизить температуру.

Посреди комнаты в металлическом тигле полыхало пламя, целый костер. Судя по запаху, горел сухой спирт, и, надо полагать, горел давно.

У костра, задумчиво глядя на огонь, сидел обнаженный по пояс парень с нежным девичьим лицом и мягкими вьющимися волосами. Он посмотрел на Эркина как на своего старого друга и сказал, показывая рукой на языки пламени:

— Правда, это красиво?

Эркин подошел поближе.

— А тебе не жарко?

Взгляд Хосе стал осмысленнее. Он словно бы только теперь понял, что перед ним стоит незнакомец. Его красиво изогнутые брови сошлись у переносицы, в карих глазах вспыхнул гнев. Он вскочил и вскрикнул резко:

— А кто вы, собственно, такой? Что вам угодно?

Эркин заговорил как можно мягче:

— Я ваш новый кси-оператор. Зовут меня Эркином. Обижать тебя, Хосе, я и не думал. Мне и самому нравится огонь. Он и вправду красив.

Вся агрессивность Хосе тут же улетучилась. Лицо его порозовело, и он застенчиво улыбнулся и спросил:

— Вы будете со мной дружить?
— Обязательно, Хосе.
— И мы будем вместе сидеть и смотреть на огонь?
— Будем, Хосе.
— И будем вместе ходить туда?
— Конечно, Хосе, — ответил Эркин, который поостерегся спросить, «куда именно», хотя ему очень хотелось этого.

Хосе вскинул на Эркина карие глаза.

— Они думают перехитрить меня. Чтобы самим остаться, а меня отправить на Землю. Но я не хочу на Землю. Хочу быть тут... — Он тихо рассмеялся: — Я перехитрю их всех, я придумал...

— Что ты придумал, Хосе?

— Скоро узнаете. Совсем скоро. А пока... — он приложил палец к губам.

У Эркина голова от жары уже шла кругом.

— Хосе, — спросил он, — кто у вас выполняет обязанности врача?

— Фархад. А что случилось?

— Ничего особенного. Просто немного нездоровится с дороги.

— Он живет в следующем доме.

— Пожалуй, я загляну к нему.

— Только обязательно возвращайтесь.

— Непременно!

Эркин вышел на улицу. У него и в самом деле раскалывалась голова.

VI

В доме Фархада не было ни чудес, ни странностей. Хозяин дома — тридцатилетний худощавый брюнет — сидел за столом, разглядывая что-то в микроскоп.

Эркин представился.

Фархад поднялся, подошел к нему, пожал руку.

— Ну, как там старушка Земля? Жизнь бурлит?

— Бурлит.

— Соскучился я уже по ней. Н-да... Земля... — Вздохнув, он прошел в угол комнаты, где стоял какой-то механизм.

— Не этот ли прибор настраивает вас на минорный лад? — спросил, улыбаясь, Эркин.

Фархад погладил рукой причудливо изогнутую трубку:

— Какой там прибор! Это так, детские шалости. Аппарат для диагностирования заболеваний мышечной ткани. Так, пустяки. Разминка в часы досуга. Мое хобби. Без этого здесь нельзя. А у вас есть что-нибудь?

— В смысле хобби?

— Да.

— Разумеется. Я пишу детективы.

— Дадите почитать?

— Охотно. Если у вас хватит терпения.

— Даю гарантию, что с таким хобби вы через три месяца загнетесь здесь от скуки.

— Странно, — произнес Эркин, глядя Фархаду прямо в глаза. — Вы уже второй человек на шахте, который пугает меня скукой. Первым был Педро. Второй — вы. Но самое странное заключается в том, что скукой меня пугают люди увлеченные. В чем дело?

— Все очень просто. Дело есть дело, увлечение есть увлечение. На первом месте должно быть дело, а увлечение — на втором. А что получается у нас? Шахта полностью автоматизирована, быт наш налажен, особых забот нет. Четыре часа в день у каждого отнимает дежурство. Спим мы по пять часов в сутки. Куда прикажете девать остальное время? Посвящать его увлечениям? Такую бездну времени?

— Когда-то люди мечтали о бездне свободного времени.

— Человеку свойственно корректировать свои мечты.

Эркин не успел ответить.

Распахнулась дверь. На пороге стоял перепуганный Хосе:

— Там пожар... Дом горит... Вы понимаете? Горит дом! Пожар!

VII

Горел домик Хаята. Пожар возник, по-видимому, внутри помещения, огонь успел разгореться, и, когда наконец вырвался наружу, гасить его было уже поздно. Пластиковые стены и балки трещали, как сухие березовые дрова. Дом не представлял большой ценности, такой дом роботы собирают за два часа из унифицированных деталей, а запасов этих деталей на шахте было достаточно.

И все же люди были поражены происшедшим. Эркин взглянул мельком на Хосе. Юноша с жадностью, широко раскрытыми глазами смотрел на огонь, так же как он смотрел на костер в своей комнате полчас назад. Он любовался огнем, наслаждался вспышками пламени, жил одной жизнью с пляшущими языками.

Педро, прикусив губу, сумрачно тряс головой, Юлия прижала руки к пунцовым щекам.

Вдруг, вскрикнув, Фархад бросился к горящему дому. Никто не успел опомниться, как он вбежал внутрь.

— Фархад! Фархад! — закричала девушка. Тут же она обернулась к остальным: — Что он делает! Что он делает! Он погибнет! Ну помогите же, помогите ему!

Словно услышав ее крик, Фархад показался на пороге. В руках он держал какой-то прозрачный шар. Рубашка на нем тлела, волосы на висках обгорели, но он наверняка успел бы покинуть дом, если бы не споткнулся о порог. Фархад упал, и шар, выскользнув из его рук, отлетел в сторону метров на десять.

В ту же секунду прямо на Фархада рухнул дом. Облако густого дыма поползло по земле.

Первой опомнилась Юлия. С криком бросилась она к дому и скрылась в густом черном дыму. Следом поспешили и остальные.

К счастью, Фархад почти не пострадал. Товарищи отнесли его подальше от огня, посыпали песком начавшую тлеть одежду. Однако он был без сознания. Юлия гладила его испачканную копотью щеку, теребила плечо:

— Фархад! Любимый! Очнись! Я люблю тебя, слышишь?

Ее светлый костюм был перемазан сажей и пеплом, волосы растрепались. Она подняла умоляющие глаза на коллег:

— Педро, Хосе! Отнесите его в диспетчерскую. Я вызову санитарный вертолет.

Педро принес носилки. Фархада бережно положили на них и уже собрались нести, как вдруг он громко застонал и открыл глаза.

— Стойте! Вы с ума сошли! Какой вертолет?! Я абсолютно здоров!

— Фархад! — Юлия умоляюще сложила руки на груди. — Я прошу тебя, послушайся. У тебя ведь ожоги.

— Нет у меня никаких ожогов! Пустите! Я сам... сам...

Он поднялся с носилок, прихрамывая, двинулся к своему дому. Обернулся и указал рукой на треснувший стеклянный шар:

— Поднимите Вергею.

— Вергея? — переспросил Эркин, поднимая шар.

Внутри шара, имеющего крышку в виде полусферы, он различил желто-зеленое растение с колючками, смахивающее на кактус. Через трещину из шара сыпался грунт. Эркин прикрыл трещину ладонью. — Чем она знаменита, эта Вергея?

— На Верге не существует растительности, — объяснил стоявший рядом Педро. — Вот наш Хаят и задался целью вырастить что-нибудь такое, что могло бы прижиться в почве Верги. Почти год опытов и вот, — он постучал ногтем по шару. — Что было бы с Хаятом, сгни эта штука! Ведь он нянчился с ней, как с младенцем. Молодец, Фархад, вспомнил о Вергее. — Он смутился. — А вот у меня как-то из головы выскочило...

— Вергея... — задумчиво произнес Эркин, плотно зажимая трещину. — Как же удалось Хаяту вырастить такое чудо?

— Об этом спроси у него.

— Где бы нам ее пока поставить?

— Можно у меня, — предложил Педро.

Они занесли шар в дом, и Педро быстро заплавил трещину.

Эркин внимательно посмотрел на крупницы грунта, что остались у него в руке. Повернулся к Педро:

— Пожалуй, надо предупредить Хаята о случившемся. Пойду к нему. Заодно и с шахтой познакомлюсь.

— Что же, ступай, дружище! — согласился Педро. — И пусть Хаят возвращается. На подмену пойдет Хосе.

VIII

Дорога на шахту вела через искусственную рощицу. Эркин вошел в тень деревьев и остановился на минуту, зачарованный лесным ароматом. На Верге появилось уже множество лесополос, рощиц, садов, но вся беда в том, что деревья, кусты, даже трава и опавшие листья были здесь искусственными. Бесплодная почва Верги решительно противилась всем начинаниям селекционеров. Предпринимались попытки облагородить местный грунт. Над этой проблемой сейчас работала большая группа ученых. Выходит, Хаяту удалось сделать то, что пока не под силу целому коллективу?

И этот пожар... Разумеется, он мог возникнуть и случайно... Однако какие глаза были у Хосе, когда он глядел на пламя! Неужели это дело его рук?

Сразу же за рощицей начиналась неглубокая ложбинка с пологими склонами, что вела вдоль горных гряд от шахты. Эркин быстро зашагал по ней, размышляя о своей миссии.

Вход в шахту закрывала мощная бронированная плита. В плите на уровне груди виднелось три небольших гнезда. Для того чтобы попасть внутрь, необходимо было ввести в эти гнезда тройник, которым оснащались специальные скафандры, предохраняющие от радиации. Комплект таких скафандров хранился в дежурной комнате, устроенной в скале, неподалеку от входа.

Быстро облачившись в скафандр, Эркин подошел к плите, включил тройник. Раздалось негромкое жужжание, плита отодвинулась в сторону. Эркин оказался в небольшом тамбуре перед массивной дверью. Снова слышалось жужжание. Задвинулась входная плита, после чего открылись двери. Пройдя таким образом несколько тамбуров, Эркин оказался наконец у входа в шахту — на небольшой, огражденной высокими барьерами площадке. Куда-то вниз вел длинный эскалатор. Эркин подошел к самому ограждению и замер, пораженный: таких шахт ему еще не приходилось видеть. Его взору предстал невообразимо огромный подземный зал, обрывающийся у ног и уходящий вниз еще метров на сто. Это была гигантская выработка — пустота в сердце горных хребтов. Там, на дне этой гигантской пещеры, работали десятки совершенных автоматов — резали породу, дробили, извлекали из нее металл, плавил его, обогащали, очищали, прессовали в аккуратные маленькие брикетки, запечатывали в контейнеры и отправляли на поверхность. В подобных условиях могли работать только автоматы. Люди обычно не спускались ниже галерей. Эркин встал на ленту эскалатора. Лента мягко вздрогнула и плавно покатила его вниз. Спуск

продолжался долго. Наконец лента остановилась. По небольшому легкому мостику Эркин прошел на галерею, вырубленную в скале.

Потоки ровного голубоватого света довольно хорошо освещали галерею, но, как Эркин ни всматривался, Хаята нигде не было видно. Тогда он сел в электромобиль, завел его и поехал по галерее вокруг подземных разработок. Чем дальше он продвигался, тем сильнее становился шум, тем чаще сотрясались стены подземелья. От галереи местами отходили небольшие боковые тупички, и Эркин заглядывал в каждый. Так он объехал все вокруг, но Хаята не нашел.

В раздумье он остановился у барьера, глядя вниз.

Послышалось негромкое жужжание. Эркин оглянулся и увидел на эскалаторе фигуру в таком же, как у него, темно-зеленом скафандре. Вот человек приблизился, и Эркин разглядел за стеклом гермошлема черты Хаята, памятные ему по фотографии. Хаят махнул рукой, словно приглашая следовать за ним. Они прошли по галерее метров пятьдесят, затем Хаят свернул в боковой коридор. В конце ответвления оказалась просторная, уютная комната. Здесь Хаят, заперев предварительно двойные двери, снял с себя гермошлем, расстегнул скафандр. Эркин последовал его примеру. Он понял, что они находятся в комнате отдыха, защищенной мощными экранами от смертоносного излучения.

Хаят оказался невысоким, плотным крепышом с густыми, косматыми бровями, с залысинами на лбу. Выглядел он утомленным.

Эркин представился Хаяту, они обменялись несколькими вежливыми фразами. Похоже, Хаят и в самом деле был скуп на слова.

Воцарилось молчание.

— Говорят, в древности на Востоке, — заговорил Эркин, — был такой обычай — гонца, принесшего дурную весть, наказывали. Мне очень жаль, но я принес вам плохую весть.

У Хаята побелели губы, он заметно вздрогнул, пролепетал, запинаясь:

— Что случилось?

— Сгорел ваш дом. К счастью, удалось спасти Вергею, хотя она и несколько пострадала.

— Великий Космос! — облегченно вздохнул Хаят, но глаза его были по-прежнему усталыми.

Он встал, открыл холодильную камеру.

— Хотите тоника?

— С удовольствием.

Хаят залпом выпил объемистый фужер освежающего напитка, налил еще. Он был страшно взволнован. Пальцы его рук мелко дрожали.

— Вы, наверное, хотите вернуться на базу? — поинтересовался Эркин. — Сейчас здесь будет Хосе.

— А? — словно очнулся от своих мыслей Хаят. — Да, да... конечно...

— Если не секрет, как вам удалось вырастить Вергею?

Хаят пожал круглыми плечами:

— Особое сочетание удобрений, освещения, периодическое воздействие различными лучами, направленное магнитное поле...

— Почему же вы не сообщите о своем успехе в центр?

— Какой там успех? Это стадии экспериментов. Об успехе говорить рано.

— А из каких семян вы вырастили свой шедевр?

— Кактус. Обыкновенный мексиканский кактус.

Раздался мелодичный звон, загорелся зеленый глазок информатора.

— Хаят, Эркин, вы на месте? — услышали они голос Хосе. — Жду вас наверху.

IX

— Эркин, — попросил Хосе, — помогите мне надеть скафандр. Ну, пожалуйста!

— Хорошо, Хосе. Хаят, я вас догоню.

Вдвоем они вошли в дежурку. Едва закрылась дверь помещения и они остались наедине, Хосе резко обернулся и схватил Эркина за руку:

— Эркин, я не поджигал дом!

Эркин отступил на шаг.

— А разве я говорю, что ты его поджег?

— Не говорите, но думаете.

— С чего ты взял?

— Я чувствую это. Конечно, мне нравится огонь, я люблю смотреть на языки пламени... Когда я смотрю на него, у меня столько разных мыслей... Но поджечь дом я не мог! Не мог! Вы понимаете или нет?!

— Успокойся, Хосе, успокойся. Я верю тебе.

На лице юноши вновь появилась мягкая виноватая улыбка.

— Вы мне верите? Правда? Вы не думали, что это я устроил пожар?

— Я верю тебе, Хосе, — еще раз повторил Эркин, — если хочешь, я провожу Хаята, а потом приду сюда к тебе?

— Это было бы прекрасно!

— Решено. Так и сделаем.

— И мы будем говорить, ходить вместе!

— Да. А потом...

Хосе вздрогнул.

— Потом ты поведешь меня туда...

— Да, — чуть слышно прошептал Хосе.

— Жди, я скоро приду. — Эркин вышел из дежурки.

По ложбинке они с Хаятом направились в сторону жилья.

— Хороший парень Хосе, — заговорил Хаят, — но несколько странный. Любит одиночество. Может просидеть в домике один целые сутки.

— А разве с братом он не дружит?

— Как сказать... Педро все время старается его

опекать. А Хосе очень болезненно воспринимает всякую опеку.

Они шли вдоль гряды ярко-оранжевых скал, и Хаят рассказывал — космонавты сразу же договорились, когда появились здесь, что ходить на шахту будут обязательно пешком. Путь на шахту и обратно стал у них своеобразным ритуалом. Когда живешь в крохотном поселочке на далекой планете, то находишь в подобных ритуалах особую прелесть.

— Хотел вас спросить еще об одной вещи, — Эркин взглянул на Хаята.

— Спрашивайте.

— Обещаете ответить откровенно?

— По мере возможности, — натянуто улыбнулся тот.

— Зачем вы придумали Вергею?

— Чтобы хоть чем-то украсить ландшафт, — Хаят показал на выжженную долину, гряды красных скал.

— Нет, я не о том, — сказал Эркин.

— О чем же? — тихо проговорил Хаят.

— Вы прекрасно понимаете меня. Ваша Вергея — самый обыкновенный кактус. И растет он вовсе не в местном грунте, а в привезенном с Земли. Лишь сверху чуть подсыпана почва Верги.

Хаят как-то съежился, втянул голову в плечи. Некоторое время они шли по ложбинке молча.

— Вы не хотите отвечать?

— Когда я прибыл сюда, — медленно заговорил Хаят, — я мечтал вырастить Вергею. Да, мечтал... Были и опыты, и знакомство с новыми биологическими теориями. Но у меня ничего не получилось... И тогда я отчаялся...

— И решили солгать остальным?

— Да, — покраснел Хаят и искоса взглянул на Эркина. — Никто не любит признавать себя неудачником. Нам скоро улетать... Если это и ложь, то ложь невинная...

— А то, что из-за вашей выдумки едва не погиб человек?

— Это было бы ужасно... ужасно...

— А знаете, что следует из всего этого?

Хаят не отвечал.

— Что именно вы могли поджечь дом.

— Я?! — вскричал тот. — Но зачем?!

— Чтобы сжечь Вергею и избежать тем самым разоблачения.

— Но... я ведь дежурил. Был на шахте...

— На шахте вас не было. Вы спустились туда позже, буквально перед нашей встречей. Где вы были?

— Во всяком случае, не в городке.

— А где?

Последовала долгая пауза, после которой Хаят произнес:

— Ходил в горы...

Они были уже у рощицы.

— Эркин! — Хаят неловко тронул спутника за рукав. — Можно вас попросить... Не надо... никому... про Вергею.

Эркин нахмурился:

— Обещаю. Но вы сказали мне не все...

Х

Первым делом Эркин зашел в диспетчерскую. Юлия по-прежнему была здесь. Она уже переделалась в темно-синий костюм, лицо ее было строгим и печальным.

Эркин пристально посмотрел на девушку, но та спокойно выдержала его взгляд. Сейчас ничто в ней не напоминало ни об утреннем волнении, ни о той энергии, с которой она вытаскивала из огня Фархада.

— Юлия, — спросил Эркин, — что вы думаете о пожаре?

— Думаю — это случай очень неприятный для нашей шахты.

— Нет, я не о том. Почему возник пожар?

Она пожала плечами:

— Понятия не имею.

— Но ведь дом не мог загореться сам по себе?

— Разумеется.

— Вы не думаете, что кто-нибудь мог поджечь...

Юлия от души рассмеялась, показывая ровные белые зубы.

— Нет, не думаю.

Эркин помолчал минуту-другую и наконец решил:

— Юлия, можно задать вам нескромный вопрос?

Во взгляде ее отразилось любопытство.

— Педро с завидным упорством рисует ваши портреты. Почему?

Юлия задумалась.

— Как вам объяснить... Интерес Педро ко мне — это интерес художника к своей модели. Он видит во мне то ли мадонну, то ли ярко выраженный тип современницы — и вот делает пробы. Картины еще нет. Все, что вы видели в его комнате, — это эскизы, наброски.

— Но он сам неодобрительно отзывается о качестве своих работ.

— Это всего лишь рисовка. Не заблуждайтесь на этот счет. Педро необыкновенно самолюбив. Если хотите нажить себе врага, скажите что-нибудь ироническое по поводу его увлечения.

— Спасибо за предупреждение.

— У него есть талант. Вы видели его пейзажи Верги?

— Мельком.

— Посмотрите обязательно.

— Я рискую показаться назойливым, но все-таки разрешите еще один вопрос?

— Пожалуйста. Вы новичок, а для новичка естественно задавать вопросы.

— Что вы имели в виду утром?

— Утром?

— Да, утром, когда советовали как можно скорее уезжать с шахты.

Она улыбнулась спокойной и грустной улыбкой.

— Видите ли... Здесь подобрался не очень-то дружный коллектив. Каждый в отдельности — интересная личность, а вот коллектив не сложился. Педро может целые сутки проводить за мольбертом, Хаят нянчится с Вергеей, Хосе любителюется огнем. Каждый сам по себе. Вы понимаете?

— Вы хотите сказать, что у вас нет общих интересов?

— Да. Основная работа — добыча — полностью автоматизирована и не отнимает у нас ни времени, ни сил. Каждый предоставлен сам себе. Вы бы у нас очень быстро заскучали.

— Но ведь вы можете летать в Культурный Центр?

— Часто летать в Центр — довольно утомительное занятие. К тому же учтите, что большую часть времени мы все-таки проводим здесь.

— Значит, вы заботились о том, чтобы я не заскучал?

— Вы напрасно шутите. Несовместимость характеров зачастую приводит к тяжелым психическим травмам.

— Вероятно, вы правы. Ну, хорошо, Юлия, не буду вас больше беспокоить. У вас есть информатор?

— Есть. Правда, не очень хороший, третьего класса. Но вы можете включиться в сеть базы. Там информатор высшего класса.

— Отлично! Так и сделаем.

Он прошел в комнату связи.

Настроив приборы на нужную волну, Эркин вызвал базу и попросил соединить его с информатором.

Тотчас же послышался щелчок, и металлический голос заверещал:

— Информатор «Верга» вас слушает.

— Вот что, приятель! Подскажи мне, будь добр, что говорит медицина о склонности человека к длительному созерцанию огня. Я понятно выразился?

— Я понял, — отчеканил информатор, — отвечу через десять секунд.

Не успел Эркин поудобнее устроиться в кресле, как вновь раздался голос информатора:

— Психическое заболевание... Влечение... Расстройство... Влечение — это стремление к удовлетворению потребностей... Возникает на базе безусловных рефлексов... В патологии влечений выделяют импульсивные влечения — внезапно возникающие, непреодолимые, всецело овладевающие рассудком. Среди них различают: дромоманию, клептоманию, пироманию...

— Стоп! Давай о пиромании.

— Пиромания... периодически наступающее непреодолимое влечение к поджогам... которые не носят умышленного... злонамеренного характера...

— Ясно. Теперь расскажи, дружок, мне поподробнее, как возникает пиромания.

Последовала пауза, и тут в наступившей внезапно тишине Эркин явственно услышал чье-то дыхание. За дверью стояли. Он встал... Тотчас же послышались быстрые удаляющиеся шаги. Он выглянул в зал. Юлия уже стояла у окна, глядя на горы. Больше в зале никого не было.

Он вернулся к информатору.

XI

Фархад лежал на диване в своей комнате. На ногах — повязка, на щеке — квадратики пластыря.

— Как ваше самочувствие? — наклонился к нему Эркин.

— Жаловаться не на что. — Фархад поднялся и сел на диване. — Несколько царапин, легкие ожоги.

Мне сделали втирание и электромассаж, так что скоро все заживет.

— Ну, отлично. — Эркин с минуту помолчал, затем произнес, глядя испытующе на пострадавшего: — Честно говоря, вы меня сегодня здорово перепугали.

Фархад улыбнулся:

— Да я и сам перепугался не на шутку, когда вспомнил, что в горящем доме осталась Вергея. Что было бы с Хаятом, если бы растение сгорело?

— А что было бы с Хаятом, если бы сгорели вы?

— Ну, я в огне не горю, — вновь улыбнулся Фархад.

— Скажите, а вы случайно не задавались вопросом, отчего загорелся дом?

— Представьте, только об этом и думаю.

— И к какому же выводу пришли?

Фархад пристально посмотрел на Эркина и спросил:

— А почему это вас так интересует?

— По-моему, это интересует каждого, кто был здесь во время пожара.

— Но вы первый и единственный, кто задал мне подобный вопрос.

— Не только вам.

— Ну, и как же вам отвечали другие?

— Весьма неопределенно.

— Да, — протянул Фархад. — Боюсь, что и я не внесу особой ясности. Скажу лишь одно: если кто-то решил, что дом поджег Хосе, то это явная чепуха.

— Согласен с вами. Несмотря на наличие у Хосе признаков пиромании...

— Пиромании? С чего вы решили, что у него пиромания? Вы медик? Вы осведомлены об этой болезни? — Фархад так и забросал Эркина вопросами.

— Я не медик, но... разве это не так?

— Пиромания, как правило, врожденный недуг.

А вы спросите у тех, кто знал Хосе до Верги, тянуло ли его когда-нибудь к огню?

— Значит, эта страсть у него появилась только здесь?

— Да.

— Сразу же после прилета?

— Н-не помню...

— И эта страсть появилась только у него? У него одного?

— Как вы уже успели, видимо, заметить — да.

— И вас это не удивляет? Вы не ищите причины недуга? Ведь вы врач.

Фархад улыбнулся. Разговаривая с Эркином, он почему-то все время едва заметно улыбался, словно бы ему были известны все тайны шахты номер семнадцать.

— Эркин, вы горячитесь совершенно напрасно. Вот вы сказали, что пишете детективы, так?

— Допустим.

— Почему вы их пишете? Ведь вы не писатель? Что же, мне лечить вас? Точно так же и Хосе. Чем его занятие хуже вашего? Вы развиваете воображение, а Хосе нашел возможность сосредоточиваться. Разве это в принципе не одно и то же? Почему же тогда свое занятие вы считаете нормальным, а увлечение Хосе — недугом? С такими взглядами можно далеко зайти.

— Ну, доктор, это вы уже хватили через край!

Фархад рассмеялся:

— Но ведь и вы хватили через край, решив, что Хосе поджег дом. А между тем это не так. Хосе — безобиднейший из всех известных мне людей. Что из того, что натура у него увлекающаяся и непостоянная? Вчера он горел желанием проникнуть в мир старинного танца, сегодня он изучает историю, а завтра займется геологией. Я считаю, увлечение игрой пламени — очередная его причуда.

— Значит, Хосе здесь ни при чем?

— Абсолютно.

— Тогда что же случилось с домом?

В ответ Фархад только пожал плечами:

— Кто знает!

Эркин собирался было еще кое о чем спросить, но Фархад поднес руку ко лбу, потер переносицу.

— Эркин, вы меня простите, но за минуту до вашего прихода я принял снотворное, и оно, кажется, начало уже действовать. Так и клонит ко сну. Разговор у нас с вами интересный, но, боюсь, поддерживать его я уже не в силах. Приходите через три-четыре часа. Я буду к вашим услугам. — С этими словами он лег на диван и закрыл глаза.

XII

По уже знакомой ложбинке Эркин подошел к шахте. Хосе давно с нетерпением ждал его.

— Как хорошо, что вы пришли! — торопливо стаскивая с себя скафандр, повторял Хосе. — Пойдем?

— А далеко нужно идти?

— Не очень. Только перебраться через хребет.

— А шахту оставим без присмотра?

— Ничего с ней не делается. Идемте.

Хосе повел Эркина по ложбинке к жилому городку. Однако метров через сто остановился.

— Следуйте за мной. Я буду идти первым, показывать дорогу.

Только что наступила свежая вергийская ночь. Лохматые красные тучи плавали в небе, как огромные светильники. Их отблеск ложился на оранжевые скалы. Горные зубцы хорошо вырисовывались на фоне светлого неба, но тень от скал была густой, скрадывающей предметы.

Видимо, Хосе хорошо знал дорогу, так как свободно ориентировался, оказавшись в тени. В этом месте в

сплошной стене скал виднелась небольшая расщелина. Скалы здесь были высотой метров двадцать. По расщелине можно было взобраться на их вершину.

Хосе уверенно перепрыгивал с камня на камень. Эркин не отставал. Он успел заметить, что в некоторых местах в скале вырублены ступеньки. Видимо, этим путем пользовались довольно часто.

Подъем был крутым, но сравнительно безопасным.

Минут через десять они поднялись на вершину гряды.

Грунт под ногами казался темно-рубиновым, как гаснущие угли костра.

Отсюда, с двадцатиметровой высоты, хорошо были видны огни коттеджей. А за площадкой, на которой стояли сейчас космонавты, тянулась целая горная страна, молчаливая, глухая, темная. Скалы стояли там не сплошной стеной, а были словно насажены друг на друга. Их острые пики, светлые и высокие, походили на густой сосновый лес. Основание же скал утопало в непроглядной тени.

Хосе тронул Эркина за рукав:

— Пойдемте. Уже недалеко. — Он направился в сторону острых пиков.

Ровная площадка кончилась. Начался крутой спуск. Здесь, в скале, тоже кое-где были вырублены ступеньки, так что спуск не представлял особого труда. Так они спустились метров на пятнадцать и теперь находились в крошечной темноте, в тени горных зубцов. Невозможно было рассмотреть даже собственные руки. Тем не менее Хосе довольно уверенно двинулся вперед. Путь пролегал по узкой извилистой расщелине, что тянулась куда-то в глубь гор.

Вдруг стало светлее, хотя они по-прежнему находились в глубокой расщелине в тени скал.

На одной из скал слабо мерцало светлое пятно.

Подожли ближе, и Эркин увидел, что светлое пятно — это вход в пещеру.

Перед самым входом Хосе остановился.

— Это здесь, — почему-то шепотом сказал он Эркину.

Также шепотом Эркин спросил:

— А другие сюда ходят?

— Да. Но никто не любит об этом говорить.

Он нагнулся, ибо вход в пещеру был невысок, и шагнул внутрь. Эркин послушно последовал за ним. Сердце его стучало гулко и учащенно. Кажется, он приближался к разгадке тайны 17-й шахты.

Поначалу путники шли по неширокому тоннелю. Эркин пристально присматривался к его стенам. Но сомнений быть не могло — пещера явно естественного происхождения.

Постепенно тоннель расширился, и космонавты оказались в просторном высоком зале. Здесь было значительно светлее. По-прежнему Эркин не мог понять, откуда льется этот приятный неяркий свет. На стенах зала блестели капли какой-то жидкости. Пол был усыпан мелкими острыми камнями. Кое-где лежали крупные валуны.

Один из углов зала был ниже других. От этого угла тянулся вниз небольшой коридорчик. К нему Хосе и подвел Эркина.

Кажется, свечение исходило именно отсюда. И точно — дальняя стена коридорчика светилась рубиновым огнем. Огонь светил неровно, то становился сильнее, то ослабевал. Временами как бы волны пробегали по этим вспышкам.

Хосе опустился и присел на небольшой камень, с жадностью всматриваясь в свечение. Эркин последовал его примеру.

Так просидел он некоторое время, внимательно глядя на оранжево-красные сполохи. Вдруг он почувствовал, что ему интересно и даже приятно смотреть на эти перебегающие сверху вниз волны. Огонь не грел, но какая-то сладкая расслабленность, истома разливалась в груди от одного его вида. Ни разу в жизни Эркин не

ощущал такого необычайно радостного состояния души. Все его прочие чувства притуплялись. Он забыл, что находится в пещере, что вокруг камни и замерзшие капли странной жидкости, что над ним острые пики скал, забыл, ради чего он прибыл на Вергу, забыл, что рядом находится Хосе. Он видел только переливающееся перед ним свечение и хотел видеть только его. Удовольствие, которое он испытывал, нарастало. Как он мог жить, не зная об этом чуде?! Разве можно сравнить его состояние с чем-то иным?! Он трепетал от наслаждения, покачиваясь в такт какому-то неслышному мотиву. О, как глупа и пуста была его жизнь до сих пор! Какие никчемные заботы терзали его! Какими мелкими радостями утешался он! Нет! Больше этого не будет! Он познал наконец смысл бытия. Он будет приходить сюда и наслаждаться игрой пламени, которое так пленительно обжигает нервы! Он раскачивался все сильнее. Сердце билось как сумасшедшее. Он был согласен умереть здесь, рядом с волшебным пламенем, лишь бы не прерывать невыразимого блаженства.

И все-таки он очнулся и пополз назад, пополз на четвереньках, медленно, то и дело останавливаясь.

Так, пятясь, выбрался из пещеры. И здесь силы оставили его. Он откинулся на спину и потерял сознание.

XIII

Когда Эркин пришел в себя, по-прежнему была ночь. Он посмотрел на часы и даже не поверил — прошло всего сорок минут. Неужели так медленно тянулось время?

— Хосе! — позвал он. — Хосе!

Рядом послышался стон.

Эркин метнулся в ту сторону.

Хосе лежал у входа за большим валуном. Глаза юноши были закрыты, он мучительно стонал.

— Хосе! Что с тобой? Хосе! — Эркин расстегнул юноше рубашку, сделал массаж.

Через несколько минут Хосе открыл глаза.

— Сейчас пройдет. Это уже не в первый раз. Я только немного полежу, и все пройдет.

Эркин сел рядом на плоский камень. Голова раскалывалась, все тело ныло, словно ему пришлось скатиться с одного из этих острых пиков.

«Что же это?» — задал себе вопрос Эркин. Вероятно, свечение в пещере обладает способностью испускать особые волны, действующие на психику человека, равно как и на его сознание. Вот он, наркотик Верги. Эркин отыскал его, и довольно быстро.

Наверняка физики разгадают тайну свечения. Во всяком случае, можно сказать уже теперь, что пироманию оно не вызывает. У Эркина ни во время пребывания в пещере, ни сейчас не возникло желания что-либо поджигать.

Тяжело дыша, Хосе поднялся и сел рядом с Эркином.

— Раньше я мог сюда ходить по три раза за ночь, а теперь еле-еле выдерживаю один. Сердце...

— Свечение бывает только ночью? — спросил Эркин.

— Нет. Постоянно.

— А почему ты ходишь сюда только ночью?

Хосе усмехнулся:

— Потому что ходить сюда считается неприличным, недостойным человека. Все так говорят, а сами ходят. Ну а ночью незаметно. Не разберешь, кто зашел в пещеру.

— А почему ты не побоялся сказать о пещере мне?

— Потому что вы — друг. Я сразу понял, когда увидел вас, что вы будете мне другом.

— Разве у тебя не было здесь друзей?

Хосе покачал головой:

— Все поучали меня, обращались как с маленьким. Нет, у меня не было друга.

— А на базе?

— На базе я давно уже не бываю.

— Но у тебя ведь есть брат.

— Да, Педро. Но ему не до меня. Он занят своими картинами. А когда у него что-нибудь не получается, то к нему лучше не подходить. — Тут Хосе ласково посмотрел на Эркина. Ласково и вместе с тем заискивающе: — Вам понравилось там?

Эркин положил руку на плечо юноши:

— На этот вопрос я тебе отвечу позже, хорошо? А ты мне лучше скажи, голова после этого долго болит?

— После первого раза не очень. Часа два.

— А после десятого? У тебя, например, сегодня сколько это продлится?

— Наверное, до обеда, — нахмурился Хосе.

— И тебе становится легче, когда ты смотришь на огонь? — догадался Эркин.

— Да, тогда боль почти незаметна. Я сижу, смотрю на огонь и вспоминаю пещеру.

Они поднялись и медленно пошли по расщелине.

— Юлия тоже бывает здесь? — спросил Эркин.

— Наверное.

Эркин грустно улыбнулся. Невесело было сейчас на душе у него. Человеческое общество давно уже обладало здоровьем и физическим и душевным. Казалось, что навсегда. Но вот выяснилось, что пять человек с 17-й шахты, пять в общем-то неплохих людей не смогли ничего противопоставить искушению. Зная, что вслед за несколькими минутами эйфории неизбежно наступает длительная тяжелая реакция, они продолжали посещать пещеру. Почему?

В чем причина подобного слабоволия?

Эркин задумался.

...Первые полеты в космос приравнивались к подвигу. От космонавтов требовалась не только теоретическая

подготовка, знания, опыт, но и значительная физическая выносливость. Первые корабли были несовершенны. Космонавты зачастую попадали в критические ситуации, где все зависело от их умственных и физических способностей. Первые космонавты готовились к полету многие годы.

Потом корабли стали совершеннее, но превратилось в традицию предъявлять самые жесткие требования к человеку, отправляющемуся в космос.

Тщательно отбирался и готовился каждый космонавт, будь то пилот, штурман, астроном, геолог или физик. Этот принцип отбора оставался незыблемым в течение долгого времени.

Но вот наконец человек в буквальном смысле слова шагнул к звездам, вышел за пределы солнечной системы. Звездолеты, анабиозные камеры, а затем экспресс-каналы устранили все барьеры на пути тех, кто рвался в космос. И сам космос потребовал специалистов и исследователей сотен профессий — от археологов до строителей. Полеты в космос стали обычным явлением, на десятках планет создавались лаборатории и космические станции, геологи буравили инопланетные недра, металлурги и горняки строили шахты, росли предприятия, промышленные комплексы, налаживались транспортные артерии. Но земляне сразу же столкнулись с проблемой, которую им пришлось решать безотлагательно. Выяснилось, что и производительность, и успехи, и настроение, и душевное здоровье людей, вынужденных находиться длительное время на далекой планете, во многом зависят от их характеров.

Несколько позже был четко сформулирован принцип Комплекса, и в дальнейшем и большие экипажи, и сравнительно маленькие группы исследователей формировались в строгом соответствии с ним.

Прошло еще несколько десятилетий. Космос стал для землян родным домом — не найти, пожалуй, человека, который бы не провел три-четыре года своей жизни в

открытом пространстве. Звездолеты и машины были доведены до совершенства, все, что поддается автоматизации, автоматизировано. Те загадки, что ставит перед нами природа, мы рано или поздно решаем. Мы поверили в свое могущество. Мы, люди, и в самом деле стали могущественными. Но каких бы успехов ни достигло человечество, люди не стали, да и не могли стать абсолютно одинаковыми. Есть свой авангард, есть, к сожалению, и люди слабовольные, мнительные, неспособные противостоять испытаниям. Прежде на пути таких людей стоял, как барьер, принцип Комплекса. Дорога в космос была для них закрыта. Это не означает, что она была закрыта для них навсегда. Они могли пройти специальный цикл обучения и в значительной степени приобрести недостающие им качества, закалить свой характер. Но вот некоторое время назад пал и этот последний барьер. Мы решили, что достигли совершенства, с которым не вяжутся никакие ограничения. По воле случая был сформирован и коллектив 17-й шахты, коллектив, не спаянный общими интересами. Потому они и не смогли противостоять этой опасности — искушению Верги.

— Хосе, — повернулся Эркин к юноше, — а как вы открыли эту пещеру?

— Раньше мы частенько устраивали коллективные вылазки в горы. Здесь ведь очень красиво, и, кроме того, это отличная возможность для физической тренировки. И вот во время одной из таких вылазок, примерно полгода назад, случайно набрали на эту пещеру. Нас тогда было трое. Педро, Хаят и я. А когда мы выползли наконец из пещеры, то переглянулись и побрели домой, не проронив ни слова. С тех пор между собой мы никогда не говорили о пещере, но продолжали ходить сюда по ночам.

— Постой, значит, вначале Юлия и Фархад не знали о пещере?

— Нет.

— Но почему ты тогда утверждаешь, что в пещеру ходят все?

— Видимо, по нашему поведению они догадались, что в горах мы открыли нечто необычное. А потом, вероятно, в одну прекрасную ночь пошли за кем-то из нас следом. Я однажды узнал Фархада, когда он поднимался на хребет... Теперь о пещере знают все, это точно.

Они прошли несколько метров молча, потом Хосе снова заговорил:

— В этом ведь нет ничего такого, правда, Эркин?

— В чем?

— Ну, в том, что мы ходим в пещеру. Если бы не проклятушая головная боль, все было бы прекрасно.

Наконец путники подошли к последнему барьеру. Предстояло взобраться на хребет, за которым лежала долина с шахтой и жилым городком.

Никогда еще Эркин так не страдал физически, как во время этого подъема. Приходилось напрягать все силы, чтобы подняться на высоту следующего выступа. Ноги были как ватные, колени подгибались, руки дрожали. Пот струился по всему телу.

Хосе тоже приходилось нелегко. Он поминутно стонал.

Трудно сказать, сколько времени занял подъем. Они отдыхали едва ли не через каждый метр.

Наконец, обессиленные, поднялись наверх и здесь опустились на грунт. Эркин достал из кармана платок, вытер мокрое лицо и шею.

— Эркин! — прошептал Хосе. — Я не хочу возвращаться на Землю. Я не могу без этого огня...

Но Эркин уже не слушал его. Он смотрел вниз. Высокое пламя полыхало над жилым городком. Горел второй дом.

Хосе в возбуждении схватил его за руку:

— Ну! Теперь вы убедились, что я не виноват?

Он, казалось, торжествовал.

— Почему ты считаешь... — повернулся было к нему Эркин и осекся.

— Эркин... что с вами, Эркин?! — испуганно спрашивал Хосе, заглядывая ему в глаза.

— Осел... — прошептал Эркин. — Какой я осел! — Он хлопнул себя ладонью по лбу и воскликнул: — Хосе! Бежим! Скорее!

Наверное, впоследствии Эркин и сам не смог бы вспомнить, как тогда спустился со скалы. По крайней мере, на следующий день он с удивлением разглядывал огромные синяки на локтях и коленях, хотя в ту ночь боли не чувствовал.

XIV

...Когда он подбежал к городку, огонь уже угасал. Сгорел домик Хосе. Груда пепла, какие-то обгоревшие конструкции — вот все, что осталось от строения. Здесь же стояли все космонавты, угрюмо глядя на затухающие языки пламени.

— Надо же... — задумчиво произнес Педро.

— Сгорел дотла, — прошептала Юлия.

— Что-то мне опять худо, — проговорил Фархад. — Пойду-ка прилягу.

Он повернулся и, чуть прихрамывая, поковылял к своему коттеджу.

— Постойте! — остановил его Эркин. — Подойдите поближе, — обратился он к остальным. — Есть серьезный разговор.

Они окружили его полуколыцом. Вид у всех был хмурый.

— Я только что был в пещере, — громко сказал Эркин. — Да, я был в пещере, — еще громче и решительнее повторил он, — там, куда ходит каждый из вас. О том, почему вас тянет туда, у нас еще будет время поговорить. Сейчас у меня другой вопрос. Приближается последний день вашей вахты. И каждый из вас

думает об этом: как остаться на Верге, остаться рядом с пещерой? И каждый подыскивает способ. Верно, Фархад?

Фархад посмотрел на него, пожал плечами и вернулся.

— Может, ты знаешь, Педро? Хаят? Вы, Юлия?

Все пятеро молчали.

— Тогда я вам скажу, какой это может быть способ. По существующей инструкции работа вахты продлевается, если во время дежурства по вине персонала на объекте произошла авария. Так?

Лица космонавтов вытянулись, побледнели...

— Увидев на Верге меня, вы решили, что пересмена экипажей уже началась и что не стоит откладывать дело в долгий ящик. А чтобы отвлечь мое внимание от шахты, устроили этот спектакль с поджогами домов. Кто опровергнет мои доводы?

Фархад поднял голову.

— Все почти так и было... Только Юлия здесь ни при чем. Она и в пещере-то была единственный раз. А молчала потому, что... ну, словом... не хотела подводить нас... Надеялась, что мы возьмем себя в руки...

Юлия всхлипнула и отвернулась.

Фархад продолжал, медленно, но твердо выговаривая каждое слово:

— Все правда. В создавшейся ситуации был действительно один выход из положения: устроить аварию на шахте и заняться устранением ее последствий.

Юлия смотрела на него округлившимися глазами.

— И вы бы пошли на это? Решились бы?

Фархад смутился, но продолжал:

— Об этом никто не знал, кроме меня и... Хаята. Впрочем, причин для тревоги нет. Ведь мы решили организовать такую аварию, которая не вызвала бы остановки технологического процесса. Такая локальная, удобная, игрушечная авария — обвал породы в запасном тоннеле, которым мы практически не пользуемся.

Он поднял глаза на Эркина и тут же опустил их.
— Одним словом... сегодня во время дежурства Хаята... мы осуществили задуманное... Запасной тоннель обрушен...

— А-а-а... — это был крик Педро, искаженный волнением. — А Хосе... Он ведь решил...

Эркин быстро посмотрел по сторонам:

— Хосе! Где Хосе?

Но... его не было.

— Мы ведь прибежали вместе.

Эркин подскочил к Педро:

— Ну, что решил Хосе? — И к Юлии: — Свяжитесь с шахтой, предупредить Хосе, чтобы он не натворил глупостей!

Юлия побежала к диспетчерской.

— Так что же решил Хосе? — наступал Эркин на Педро.

Тот стоял белый как стена. У него зуб не попадал на зуб.

— Брат надумал послать робота, чтобы тот... подрыл колонны главного эскалатора... Тогда придется провести объемные восстановительные работы... Нас бы оставили на Верге... А пользоваться можно было бы и запасным тоннелем.

— Когда он решил обрушить эскалатор?

Из диспетчерской вышла Юлия.

— Ну что? — кинулся к ней Эркин.

Она, ничего не ответив, отвернулась.

— Хосе! — закричал Педро. — Бра-ат!! — И, сорвавшись с места, помчался к шахте.

— Скорее! — крикнул Эркин и кинулся следом.

Педро он настиг уже у самой шахты. Как безумный, бросался тот на входную плиту, стуча в нее кулаками.

— Хосе! Хосе! Ты меня слышишь?

— Педро! Не дури! — Эркин вцепился ему в плечо. — Скорее надевай скафандр.

Последней в дежурку вбежала Юлия.

— Ну? — тихо спросил Эркин.

— Не отвечает.

Люди облачились в скафандры, прошли через все тамбуры. Оставалась последняя дверь, ведущая к эскалатору.

XV

Центральный эскалатор был устроен так: со дна шахты поднимались две высоченные скалы, обтесанные в свое время роботами. От тамбура до ближней скалы было около сорока метров, до дальней — чуть больше восьмидесяти. Двухпролетный эскалатор, начинавшийся от последнего тамбура, опирался на ближнюю скалу и заканчивался на дальней верхушке, которая была срезана и представляла собой круглую площадку диаметром около шести метров. От площадки под прямым углом к эскалатору был устроен легкий мостик, ведущий на галерею.

Эта конструкция была надежной и жесткой...

...Распахнулась последняя дверь.

Люди невольно замерли на месте.

Ближняя скала, на которую опирался эскалатор, уже обрушилась. Эскалатор разломился на неравные части. Переходной мостик на галерею, сделанный из более тонких конструкций и жестко связанный с эскалатором, не выдержав динамического удара, лопнул.

Сейчас земляне видели дальнюю скалу, с которой свешивались в шахту перекрученные, деформированные конструкции. А на вершине этого каменного столба стоял Хосе — маленькая человеческая фигурка на одиноком столбе посреди гигантской пустоты в сердце гор.

Здесь, внутри пещеры, можно было пользоваться радиосвязью.

— Хосе! Хосе! Ты жив! — кричал Педро. По его щекам текли слезы. — Сейчас мы тебя снимем оттуда. Но как ты забрался туда?

— Я послал робота-землероя подкопать промежуточную колонну эскалатора, — сдавленным голосом ответил Хосе. — А сам пошел к запасному тоннелю, чтобы выйти через него на поверхность. Но тоннель оказался заваленным. Я испугался и сразу уже бросился к эскалатору. Едва добежал до площадки — сооружение рухнуло.

Люди начали приходить в себя.

— Я думаю, самое правильное — расчистить запасной тоннель, — сказал Эркин. — Через него можно попасть на галерею и освободить Хосе с помощью лестницы. Смотрите, от выступа галереи до Хосе метров пятнадцать, не больше. Наши роботы — те, что в гордке, — могут расчистить завал?

— Быстро — нет, — ответила Юлия.

— Тогда придется обратиться за помощью к Центру. Юлия, я вас попрошу...

— Смотрите! — воскликнул вдруг Хаят, указывая пальцем вниз.

Груда обломков — все, что осталось от первой скалы, — вдруг зашевелилась. Из-под камней выполз блестящий металлический «жук».

— Это робот-землерой... — начал было Фархад и осекся.

Но все поняли жуткий смысл сказанного.

Робот полз прямо к основанию скалы, на которой стоял Хосе.

— Его надо отключить! — крикнул Эркин.

— Это невозможно! — прошептал Фархад. — У него автономная программа, которую можно контролировать только с пульта.

Да, остановить робота или изменить направление его движения можно было только с пульта, а пульт, находящийся на галерее, отрезан от них, так же как и от Хосе, рухнувшим эскалатором и обвалом в запасном тоннеле.

«Жука» увидел и Хосе.

— Педро! — Его голос дрожал. — Педро, брат! Спаси меня.

— Хосе! Малыш! Не волнуйся! Все будет в порядке! — прохрипел в микрофон Педро.

— Надо срочно сообщить на базу! — Эркин повернулся к Юлии.

— Да что вы заладили: «база, база»! — зло проговорил Фархад. — От базы лету сорок минут, а роботу осталось... — Он посмотрел вниз и замолчал.

Педро повернул к нему искаженное яростью лицо.

— Это все ты... придумал завалить запасной тоннель... Если бы не это, Хосе...

— Перестаньте! Замолчите оба! — Юлия встала между мужчинами.

— Педро! Спаси меня! — Маленькая фигурка застыла на каменном столбе.

Педро в отчаянии воздел руки:

— Да придумайте же что-нибудь... Я не могу этого видеть...

«Жук»-землерой полз медленно, но расстояние до скалы заметно сократилось. Сейчас было абсолютно ясно, что со скалой он не разминется.

— Электролет! — закричала Юлия. — Надо втащить сюда электролет!

— Я сейчас! Я мигом, Хосе! Мы спасем тебя! — Последние слова Педро кричал уже из тамбура.

Оставшись вчетвером, они принялись, как могли, ободрять Хосе. «Жук» неумолимо приближался к скале.

Эркин осмотрел зал и площадку, на которой они стояли, всю шахту. Площадка была достаточно просторной, но для того, чтобы взлететь с нее, требовалось незаурядное мастерство — свод пещеры нависал в этом месте низко.

— Юлия! — велел Эркин. — Ты говори с Хосе, а мы с ребятами пойдем наверх. Надо втащить электролет.

Электролет был легкий, одноместный, но им пришлось изрядно помучиться, прежде чем они втащили его в шахту. Шасси оказалось шире, чем вход в тамбур. Педро взял большой камень и в секунду перебил ось шасси.

Наконец электролет установили у самого края площадки. Педро так стремительно запрыгнул в него, что корпус машины прогнулся.

— А ну, вылезай! — скомандовала Юлия.

— Отойди! — зарычал Педро.

— Я наполовину легче тебя. Немедленно вылезай!

Педро понял ее правоту и нехотя подчинился.

Девушка села на сиденье. Дрогнул винт.

А «жук»-землерой уже приблизился вплотную к каменному столбу и принялся грызть его, отбрасывая по обе стороны своего корпуса мельчайшую пыль.

Юлия сделала то, о чем подумал Эркин, но на что вряд ли отважился бы сам. Она бросила электролет с обрыва вниз. Метров десять тот падал камнем, затем выровнялся, поднялся. Подлетев к колонне, Юлия посадила машину на вершину.

— Ух, — выдохнул Педро. Ноги его не держали. Он сел.

«Жук»-землерой исправно осуществлял возложенную на него команду, он уже на четверть вгрызся в столб.

— Ну, что они там тянут! — нервничал Фархад.

— Взлетайте же! — Педро вновь вскочил на ноги.

— Эй! Что случилось? — спросил Эркин.

Послышался взволнованный голос Юлии:

— Вдвоем взлететь не сможем. Не хватает мощности двигателя.

Стало тихо. Лишь в дальнем конце шахты ухали, жужжали, визжали автоматы.

— Я так и знал! — закричал Эркин. — Нельзя ли сесть на галерею?

— Нет. Слишком узко.

— Юля! Юлечка! Взлети, ну, пожалуйста! — умолял Фархад.

— К черту, все к черту! — заорал Педро. — Юля, давай сюда электролет! Я останусь на этом дьявольском столбе...

— Перестань! — Эркин крепко сжал ему локоть. — Лучше принеси из дежурки тросик.

В глазах Педро появилось осмысленное выражение.

— Бегу!

Электролет вновь взлетел. Но если подняться с площадки Юлии еще удалось, то приземлиться она так и не сумела.

Появился Педро с тросиком, крикнул девушке:

— Постарайся поймать конец троса! Иного выхода у нас нет!

— Скала качается! — закричал Хосе. — Она сейчас упадет!

Наконец-то Юлии удалось поймать конец троса. Одним быстрым движением она завязала узел на раме машины и вновь полетела к столбу.

И тут все увидели, что каменный столб начал клониться.

— Хватайся за трос! Скорее! — крикнула Юлия, подлетая к Хосе. И к коллегам: — Держите крепче свой конец.

Колонна рухнула. Она треснула пополам от основания до верхушки, переломилась в нескольких местах и гулко ударилась о дно шахты.

Хосе висел на тросике, ухватившись за него обеими руками. Педро отвернулся — он не мог видеть этого.

Электролет, испытывая дополнительную нагрузку, неподвижно висел в пространстве. Видимо, Юлии стоило больших трудов удерживать его в таком положении.

— Хосе, двигайся по тросику! — кричали ему космонавты.

— Не могу, нет сил.

— Хосе, кончается заряд аккумуляторов. У нас осталось совсем мало времени, — голос Юлии дрожал.

— Нет, нет, Юлечка. Я тебя не подведу. Я попробую. — Хосе медленно двинулся к площадке.

Казалось, прошла вечность, прежде чем он очутился в объятиях Педро.

Теперь Юлия смогла чуть поднять электролет. Тросик висел по дуге сверху вниз. Юлия привстала в кабине, обхватила тросик руками и ногами и, скользя по нему, быстро съехала вниз.

— Юля! Юлечка! — Фархад подхватил ее на руки.

Электролет хлопнул лопастями еще несколько раз и камнем рухнул на дно шахты, на обломки каменного столба.

Молча вышли люди на поверхность планеты, молча сняли скафандры.

— Простите меня, — тихо сказал Хосе. — Простите, если можете.

— У виновных нет права прощать, — тихо ответил Фархад.

Перевод В. Нечипоренко

ПАМЯТЬ ПРЕДКОВ

Повесть

В прошлый четверг вечером через мое тело в течение короткого промежутка времени проходил поток упорядоченно движущихся электронов. А проще говоря, в прошлый четверг меня здорово шарахнуло током.

Конечно, мало приятного, когда неведомая сила вдруг подбрасывает тебя в воздух, швыряет на пол и заволакивает твое сознание. Но... но все же я благодарен собственной неосторожности. Она помогла мне стать свидетелем, а может быть, и участником невероятных событий, память о которых я сохраню навсегда.

Впрочем, все по порядку.

Итак, в четверг...

Наша лаборатория заканчивала работу над заказом комбината тугоплавких и жаропрочных материалов. Последний месяц мы практически не отдыхали. Я, как руководитель группы, приходил в лабораторию первым и уходил последним. Но дело спорилось. «Малютка», вообравшая в себя последние достижения электронной техники, была в срок подготовлена к испытаниям.

В четверг мы собирались сделать пробное включение. Какова же была наша досада, когда оказалось, что какой-то растяпа установил источник питания с пробитой обмоткой. Чего не случается в спешке! Но все устали и, наверное, потому страшно рассердились. В сердцах мы наговорили друг другу много лишнего. Бывает у нас так иногда. Ехать на базу за новым источ-

ником было уже поздно. Я отправил ребят по домам в надежде, что за ночь они успокоятся, а сам остался в лаборатории. Никаких намерений у меня не было. Просто хотелось посидеть немного в кресле, покурить, посмотреть на «Малютку». Ох и измотала же она всех нас!

Панель «Малютки» была снята, и я видел внутренности установки — все это переплетение проводов, бесчисленные сопротивления, микросхемы, конденсаторы... Постепенно на меня накатило умиротворение. Работа сделана, думал я. Полтора года прошло даром. Завтра привезем с базы источник питания и запустим нашу «Малютку» в работу. Что такое лишний день ожидания по сравнению с месяцами поиска, с десятками бессонных ночей, натеканий на стену, попаданий в тупик? Работа сделана — это главное.

Помню, я курил «Койнот». Обычно сигареты мне хватает на 15 минут. Если бы мне дали высидеть эти четверть часа в кресле, я бы встал и наверняка ушел бы домой. Но вышло иначе.

Дверь лаборатории скрипнула и открылась. На пороге стоял коротенький аккуратный старичок — наш вахтер.

Он поприветствовал меня по старому обычаю:

— Бог помощь, племянник!

— Будьте здоровы! — как полагается, ответил я.

При этом мне пришлось повернуться лицом к двери. Прямо в глаз ударил свет ярчайшей лампы, укрепленной над входом. Кто притащил в лабораторию этот прожектор? Режет глаза. Сколько раз я говорил ребятам, чтобы заменили лампу на менее мощную. Хоть кол на голове теши!

— Будете еще работать? — спросил между тем вахтер, разглядывая «Малютку».

Его вопрос почему-то вызвал у меня раздражение. Живо вспомнилась неудача с пробным включением установки. Опять же эта лампа... Да и вообще, что нужно

здесь этому человеку, не знающему даже, чем отличается анод от катода.

— Да, — ответил я холодно, — а в чем дело?

Он пожал сутулыми плечами:

— Так просто... Поговорить хотелось с живой душой. — Он в некотором смущении осмотрел лабораторию и спросил: — Послушай, племянник, что за блестящую коробку привезли к нам на прошлой неделе? Чуть не уронили тогда на лестнице. Тяжелая, наверное? — И он указал на вакуумное устройство.

— Это, отец, такая штука... — начал было я излагать в популярной форме, и тут меня осенило. Черт возьми! Как же мы могли упустить это из виду, шляпы несчастные! Ведь в вакуумном устройстве есть автономный источник питания! Кусок проволоки — и «Малютку» можно включать немедленно! Необоримое чувство сродни азарту заставило меня вскочить с кресла.

Я и не заметил, как старичок незаметно ретировался...

Я обшарил все столы и шкафы. Что за наваждение! Нет подходящего провода! Как говорит старая пословица, бедняка даже на верблюде собака кусает. Наконец на глаза мне попала катушка с красноватой проволокой небольшого сечения. Не совсем то, что нужно, но все-таки...

Через 15 минут источник вакуумного устройства был подключен к «Малютке»... Должно быть, я не осознал, что делаю. От нервного возбуждения все во мне дрожало... Решительно я нажал на четырехугольную кнопку с надписью «Пуск», предвкушая, как сейчас заработает «Малютка».

Послышался сухой треск. Провод, перегоревший в одном из зажимов, рванулся в мою сторону, обвился вокруг руки...

Отскочить я не успел... Последнее, что я запомнил, — это яркая лампа над входом, которая вдруг стремитель-

но начала расти, превращаясь в ослепительный диск. Диск плыл к моей голове, плавил мозг, испуская огненные кольца. Падения я уже не ощутил.

* * *

Солнца я не видел. Оно было там, высоко в небе, скрытое от меня сплошным зеленым ковром из густой листвы, ветвей и переплетенных лиан. Однако каждая моя клеточка воспринимала солнечный свет. Казалось, лучи прожгли мою кожу и добрались до нервов. Я чувствовал животный, необоримый страх — страх перед светилom.

«Постой! — вдруг обожгла меня мысль. — Какое солнце? Что это за зелень? Откуда здесь деревья?! Где я?!» Я пытался приподнять голову, руку, но не мог пошевелить даже мизинцем. Я не владел своим телом! Тут мне вспомнилась «Малютка», возня с источником, вахтер, лампа, сильный удар.

Быть может, я нахожусь на операционном столе под наркозом и этот тропический лес грезится мне во сне?

Внезапно мое тело — помимо моей воли! — поднялось с земли... Не буду описывать растерянности, изумления, отчаяния, охвативших меня при этом. Я увидел свое тело. Мускулистое, обнаженное, оно было покрыто густой бурой шерсткой. Ступни ног были узкими, я едва удерживал равновесие. Собственно, это были не ноги, а косматые лапы с плоскими загнутыми когтями.

Я стоял на обрывистом берегу какой-то быстрой речушки. Вокруг пышно расстился невообразимый растительный мир: высокие сочные стебли с ярко-зелеными гигантскими листьями, кусты, похожие на гигантские папоротники, красные и желтые цветы величиною с зонтик. Почва была покрыта густой и жесткой травой. Повсюду перебегали какие-то мохнатые жуки, по сравнению с которыми скорпионы и каракурты показались бы божьими коровками. И на всем лежала тень — густая, плотная тень от зеленого ковра наверху, сквозь который все равно проникали страшные невидимые лучи...

Медленно я побрел вдоль берега реки, где тень была как будто гуще.

...Нет, слова «я побрел» не совсем верные. Побрела обезьяна, а я был всего лишь свидетелем ее продвижения. Внезапно я почувствовал резкую боль — в ногу обезьяны впиалась острая колючка. Обезьяна опустилась в траву и принялась вытаскивать колючку... я чуть было не сказал пальцами. Нет! Она протянула к колючке неуклюжую растопыренную пятерню с когтями, желтыми и сточенными. Когти больно скребли кожу вокруг колючки, не в силах ухватить ее. Наконец обезьяна нагнула голову и, вцепившись в колючку желтыми зубами, вырвала ее из ноги вместе с клоком шерсти.

Пока обезьяна занималась этим важным делом, я лихорадочно строил гипотезы, чтобы хоть как-то объяснить происшедшее. Галлюцинация, сон, бред — эти предположения я отбросил сразу же. Слишком реален, осязаем был мир, раскинувшийся передо мной. Наконец я пришел к заключению, которым был вынужден удовлетвориться.

По всей видимости, я погиб, попав под высокое напряжение, мой мозг извлекли из тела и поместили в холодильную камеру, где он пролежал много десятков лет. Затем его вновь активизировали, и сейчас я участвую в каком-то научном эксперименте, цели которого узнаю несколько позднее...

Не очень толковое предположение, но зато я успокоился и даже начал анализировать свое состояние.

Итак, мой разум находится в теле обезьяны, предположительно — первобытной обезьяны. Обезьяна жила своей жизнью. Между моим сознанием и ее дремучим неповоротливым мозгом существовала односторонняя связь — я чувствовал то же, что и она: боль, жару, страх, влагу, голод. Я воспринимал каждое ее движение, любое побуждение. Она же и не догадывалась о моем присутствии. Напряги я всю свою волю — я не

мог бы заставить ее даже почесаться. Я был только зрителем, зрителем какого-то непонятного мне спектакля.

Поэтому, наверное, лучше всего продолжать повествование от третьего лица. И только когда потребуется что-либо объяснить, в разговор буду вмешиваться я.

Итак, обезьяна шла вдоль берега реки. Движения ее были неуверенными и робкими. Ее тяготил страх — оказаться на освещенном солнцем пространстве.

Неподалеку показался развесистый куст, гибкие ветви которого усыпали желтые плоды, похожие на небольшие дыни. На нижних ветках плодов не было — видимо, здесь их уже объели. Достать же плоды с верхних веток обезьяна не могла — слишком тонким и гибким был ствол растения. Рядом с кустом высилась груда камней, лежало несколько сухих веток. Однако обезьяна и не догадывалась, с каким успехом можно их использовать.

Она принялась прыгать. Надо сказать, прыгучесть у нее была отменная. До плодов она так и не дотянулась, но, прыгая, невольно задевала лапами нижние ветви, от этого начинал трястись весь куст. В конце концов несколько «дынь» упало в траву. Обезьяна с жадностью впиалась в мякоть зубами, чавкая и озираясь по сторонам. Кисло-сладкий сок тек по ее мохнатому подбородку, капал на волосатую грудь.

Вдруг она замерла, напряженно склонив набок узколобую голову. В кустах послышался легкий шорох. Раздвинулись листья, показалась страшная звериная морда с небольшими ушами и двумя длинными — чуть не до земли — клыками, похожими на костяные сабли. У зверя были красные глаза, густая жесткая шерсть. Пригибаясь к траве, зверь выбрался из засады — огромный, с могучими полосатыми лапами.

Обезьяна пронзительно закричала и, выронив плод, бросилась бежать по берегу реки. Страх гнал ее в неизвестном направлении...

Бежала обезьяна неимоверно быстро, но зверь (кажется, это был саблезубый тигр) не отставал. Более того, расстояние между ними сокращалось. Нет, не в беге было спасение обезьяны: ей бы добраться до рощицы и там, цепляясь за ветки, прыгать с дерева на дерево, но вокруг были либо сочные ломкие стебли, либо тонкие и гибкие кусты.

Признаюсь честно, если бы мой разум мог руководить действиями обезьяны, я бы все равно не знал, что ей подсказать, настолько неожиданно все случилось.

Страх овладел мною не меньше, чем обезьяной. А вдруг это не эксперимент?! Вдруг все по-настоящему? Погибнуть — и где?! В доисторическом лесу! Да полно! Не сошел ли я с ума?

Отточенные клыки-сабли были реальностью, реальностью был страх и этот дикий бег под сплошным зеленым ковром. Я просил, умолял, заклинал свою обезьяну: «Ну, быстрее! Еще! Нажми!»

Вдруг впереди почти рядом показалась группа деревьев, похожих на развесистые орешины. Вот наше спасение! Чтобы добраться до них, нужно было всего-навсего пересечь неширокую ярко-зеленую поляну, щедро залитую солнцем.

К моему удивлению, перед самой поляной обезьяна остановилась как вкопанная. Ее остановил новый страх, гораздо более сильный, чем страх оказаться в лапах хищника. И это был страх перед солнцем!

Я воспринимал его, но ничего не понимал. Солнце светило жарко, однако вполне терпимо. Выдайся такой денек в моих родных местах, я не упустил бы возможности позагорать.

Остановился и хищник, терзаемый тем же страхом. Он тоскливо завыл, скребя когтями по земле. Сейчас я хорошенько рассмотрел его. Это был поджарый зверь величиной с молодого бычка. Вид у него был такой свирепый, что тигр нашего времени показался бы рядом с

ним котенком. Под полосатой шкурой тугими буграми перекачивались мышцы. На подбородке саблезуба виднелись две природные складки-чехла: в них хищник обычно прятал свои клыки, чтобы те не тупились в густой и жесткой траве.

Нерешительно двинулся саблезуб к обезьяне. Та завизжала, заметалась, не смея ни бежать, ни защищаться. Хищник подошел ближе и полураскрыл пасть, как бы демонстрируя, что, помимо клыков-сабель, у него есть и другое оружие.

И тогда отчаявшаяся обезьяна, окончательно потеряв над собой контроль, решила на невероятный шаг — выбежала на поляну, жмурясь от солнца. Теперь ужас обуял уже хищника. Повернувшись, он стремительно исчез в траве.

«Уф!» — мог бы наконец сказать я. Но не моя обезьяна. Едва хищник исчез, она словно опомнилась и с визгом бросилась в спасительную тень к реке. В одном месте берег был более пологим, в красной глине виднелись небольшие вымоины — пещерки. Не прекращая визжать, обезьяна начала спускаться к воде. Но ее когтистые лапы не удержались на влажной глине, и, поскользнувшись, она мгновенно съехала вниз, вновь оказавшись на солнце.

Теперь я тоже боялся его. Лучи светила били по голове, как тяжелый молот, красный диск пылал, как раскаленная сковородка. Все померкло в моих глазах.

* * *

Сознание медленно возвращалось ко мне. Ныло все тело. Наверное, я стонал. Голова словно свинцом налилась, но постепенно глаза обретали способность видеть.

Я... лежал в лаборатории на полу. Рядом с моей правой рукой валялся оборвавшийся провод. Он свисал наподобие пружины.

С трудом поднявшись, я принялся наводить порядок

в лаборатории. Отключил источник. Скорее, скорее прочь эти чертовы провода! Мельком глянув на часы, я с удивлением обнаружил, что мое обморочное состояние продолжалось менее пятнадцати минут. Ну, конечно, со мной был обморок! Однако как объяснить видения и чувства, которые я испытывал в эту четверть часа? Даже сейчас, находясь в своей лаборатории, я не сомневался в реальности только что пережитой погони. Тропический лес, обезьяна, саблезуб, непонятный страх перед солнцем — я в жизни не думал о таких вещах. Отчего же они так ясно пригрезились мне? У меня не было никакого, даже самого абсурдного объяснения. Никогда я не был так ошарашен, сбит с толку, как в эти минуты.

И тут мой рассеянный взгляд упал на «Малютку». Я увидел несколько перегоревших и почерневших узлов. Короткое замыкание? Этого только недоставало! Первым моим побуждением было заменить вышедшие из строя детали. Увы! Все наши запчасти и инструменты хранились в большом металлическом шкафу, ключ от которого имел только завлабораторией Аброр-ака. Значит, завтра, когда ребята придут на работу... Что я им скажу? У меня перехватило дыхание.

Усталость, удар током, невероятный сон, авария «Малютки» — все это разом обрушилось на меня. Оцепенев, стоял я посредине лаборатории.

В коридоре послышались шаги. Дверь открылась. Вошли Аброр-ака и Альберт Евдокимович, наш ведущий конструктор.

— Проезжаем мимо, смотрим — свет в окнах горит. Значит, запустили «Малютку»? — весело спросил Аброр-ака. Но оживление тут же погасло на его лице. — Что с тобой, Камал? — тревожно спросил он.

Я стоял ни жив ни мертв.

— Эгей! — присвистнул Альберт Евдокимович, уставившись на «Малютку».

Густые брови Аброр-аки поползли вверх.

— Что здесь произошло, Камал?

Огненные кольца снова поплыли перед моими глазами. Я почувствовал, что проваливаюсь в адскую пропасть, на дне которой пылал ослепительный диск.

— Что с тобой, Камал? Камал! Камал, говори! — неслись мне вдогонку слова.

Но бездна уже поглотила меня.

* * *

Не могу передать весь ужас, когда мне стало ясно, что я вновь пробудился в теле обезьяны. Можно было строить любые предположения по поводу первого эпизода, но оказаться в доисторическом лесу вторично... Нет!

Я отчаянно принялся напрягать память. Я вспоминал детство, дом, знакомых, родственников, недавнюю туристическую поездку в Болгарию, своих коллег, работу над «Малюткой», математические формулы, разные забавные случаи, даже анекдоты. Всеми силами я стремился стряхнуть с себя наваждение. Тщетно! Более того, с каждой минутой я все отчетливее ощущал реальность окружающего меня мира.

Я снова оказался в первобытном лесу. Но этот лес был уже иным. Не сочные стебли и не гибкие кустарники окружали меня. Стволы мощных деревьев уходили высоко в небо, раскинув там широкие кроны. Мягкую болотистую землю покрывал влажный мох. Среди болезненно-светлой зелени виднелись маленькие желтые цветы. При каждом шаге почва чавкала, словно горестно вздыхая.

Лес был полон животных. Я видел грациозные силуэты антилоп, смутные очертания хищников, округлые контуры травоядных. Но странным было поведение этих существ. словно неведомая болезнь поразила обитателей леса. Животные передвигались вяло, низко пригнув голову к земле, старались укрыться в тени. Они явно

сторонились светила, но делали это как будто по привычке, поводя по сторонам мутными, безразличными глазами.

Да, лес вокруг был иным. И обезьяна, в теле которой я оказался, тоже была другой. Это был крупный, рослый самец, тело которого покрывала короткая шерсть. Длинные передние лапы почти достигали колен. Лапы ли? Я увидел хорошо развитую гибкую ладонь, подвижные пальцы с плоскими, хотя и острыми ногтями. Нет, это уже не лапа. Это рука.

Ступни ног трансформировались менее заметно, хотя и стали шире. Во всяком случае, теперь животное гораздо легче сохраняло равновесие, передвигаясь на двух конечностях.

Я сказал «животное» и тут же подумал — не ошибся ли? Мозг существа был темен, им управляли древние инстинкты, но я чувствовал, как упорно пробивается сквозь их толщу зародыш смутной мысли.

Кто же это существо? Еще не человек, но уже не животное.

Наблюдения за окружающей средой и поведением моего существа позволили мне на некоторое время отвлечься от тревожных дум. Но постепенно отчаянье вновь овладело мною. Это не сон и не бред, говорил я себе. Но что произошло? Какой волной унесло меня из двадцатого века на многие тысячелетия назад? Причем унесло только мой разум, оставив неизвестно где тело. Я лихорадочно перебирал самые смелые гипотезы моего времени и даже... сюжеты фантастических романов, но ответа не находил.

По-прежнему я воспринимал малейшее побуждение существа, в теле которого оказался, но ни в коей степени не мог повлиять на его поведение.

Между тем обезьянчеловек шел вдоль быстрого ручья, что огибал горную гряду. Я заметил, что он старательно обходит освещенные солнцем места. И еще я понял, что ему нездоровится. Он не был серьезно болен,

но его организм, упорно сопротивляющийся наступлению какого-то недуга, уже ослабевал в этой борьбе.

Внезапно обезьяночеловек остановился, пристально уставившись на ручей. В воде у самого берега медленно шевелила плавниками крупная рыба.

Существо отступило на несколько шагов и принялось поспешно озиаться по сторонам. Я воспринял его радость, когда ему на глаза попалась толстая сухая ветка с узловатым утолщением на конце.

Ухватив эту импровизированную дубинку обеими руками, обезьяночеловек бросился к ручью и замолотил ею по воде. Я пораился силе его ударов. Какое-то время ничего нельзя было разглядеть, лишь брызги летели далеко в сторону. Наконец брюхом кверху всплыла рыба.

Существо с жадностью схватило ее, отшвырнув ставшую теперь ненужной дубинку. Усевшись под деревом, прямо на его корявый корень, обезьяночеловек впился в рыбу зубами и ногтями. Однако жесткая чешуя не поддавалась его усилиям. Тогда он выковырял из земли камень, причем не первый попавшийся, а с острым краем и вспорол этим камнем рыбину. С четверть часа продолжалось пиршество...

Насытившись, обезьяночеловек опять пошел вдоль ручья. Чувство голода он утолил, но хворь, подтачивающая его силы, не отступила — это я понимал ясно.

Внезапно у него закружилась голова, и он устало опустился на землю, тяжело дыша и бессмысленно глядя перед собой.

На той стороне ручья в скале виднелась расщелина, вернее, узкий вход в пещеру. Оттуда веяло прохладой. Бесчисленное количество раз проходил обезьяночеловек мимо этого места, не обращая никакого внимания на пещеру. Он и сейчас равнодушно прошел бы мимо, если бы не острый приступ слабости.

Он бессмысленно смотрел на густую тень, отбрасываемую скалой, и внезапно его мозг как бы озарился

вспышкой. Подобно молнии, в этом дремучем сознании блеснула мысль.

С трудом поднявшись с земли, обезьяночеловек вброд перешел ручей и несмело влез в пещеру. Пещерка была небольшая, сухая и хорошо проветривалась. Мой реципиент, хрипло вздыхая, растянулся на полу.

Не знаю, сколько прошло времени — может, двадцать минут, может, полчаса, но вдруг я с удивлением обнаружил, что состояние обезьяночеловека заметно улучшилось. Исчезла ноющая головная боль, болезненная вялость. Я начал догадываться, что это связано каким-то образом с тем, что пещера надежно оградила обезьяночеловека от действия солнечных лучей. Неужели в те времена солнце таило в себе какую-то опасность? Однако поразмыслить над этим явлением я не успел.

Мой реципиент захрапел. Как это ни странно, вместе с ним уснул и я.

* * *

Вновь я почувствовал, что мое сознание начинает выплывать из небытия. Где же я окажусь? В доисторическом лесу? В далеком будущем? В моем XX веке?

Я открыл глаза (если только это выражение приемлемо) и с горечью убедился, что по-прежнему нахожусь в чужом теле. Но это было уже другое тело — тело Молодого Охотника из эпохи Зари Человечества.

«Что ж! — сказал я себе. — Надо набраться мужества и ждать... В конце концов все должно объясниться... А пока... пусть пока события текут своим чередом».

Молодой Охотник был мускулист и кряжист, с грубой красноватой кожей. У него был низкий треугольный лоб, сильные надбровные дуги и тяжелый свинцовый взгляд, хотя по натуре он, кажется, был добрым малым.

На квадратные плечи он накинул старую оленью шкуру, всю в прорехах и проплешинах.

Сейчас Молодой Охотник стоял в толпе своих соплеменников у подножия Священной Скалы. Первобытные люди — около сотни особей — сбились в плотное полукольцо. У большинства был изможденный вид. Старики и старухи едва держались на ногах, а ведь им едва перевалило за тридцать.

Странное чувство охватило меня при виде этих существ с лицами, словно наспех вытесанными из камня. Даже обезьяна с ее звериными повадками произвела на меня менее тягостное впечатление, чем эти карикатурные творения, как бы пародирующие род человеческий.

Впрочем, детеныши первобытных людей были даже милы. В их черных глазенках светилось любопытство, они готовы были без устали возиться в пыли. Малыши грызли какие-то стебли, выковыривали из земли белые хрустящие корни и совали их в рот.

Хороша была и Быстроногая, на которую то и дело поглядывал Молодой Охотник. Эта самка почти не сутулилась, а шерстка покрывала только ее плечи и ноги. Сквозь грубые черты ее лица, такие же грубые, как и у других самок, пробивалось тем не менее нечто светлое и нетленное... Да-да, смею утверждать — на земле зарождалась красота...

И, поняв это, я преисполнился если не симпатии, то сочувствия по отношению ко всему племени.

Между тем первобытные люди, как оказалось, обсуждали вопрос, право на который история признает лишь за их далекими потомками, — «быть или не быть?».

Внутри полукруга друг против друга стояли Вождь и Вещунья — тощая высокая старуха с жесткими белыми волосами, делающими ее голову похожей на большой одуванчик.

Вещунья проговорила лающим хриплым голосом, раскачиваясь из стороны в сторону и полужакрыв глаза:

— Охотники опять вернулись ни с чем. Уже много дней мы не ели мяса. Завтра нужно идти на охоту в Нижний Лес.

— Идти в Нижний Лес, — безропотно повторила за ней вся толпа.

Надо сказать, что речь людей была примитивной, даже убогой, в ней почти отсутствовали глаголы. И если здесь я вкладываю в их уста грамматически правильные фразы, то делаю это только для ясности и точной передачи смысла сказанного.

— Но в Нижнем Лесу охотятся Рыжеволосые, — набывшись, отвечал Вождь — очень крупный, сильный самец с широким, сплюснутым носом и большим ртом, почти пастью. Чувствовалось, что Вождь и Вещунья — враги.

— Нужно выгнать Рыжеволосых из Нижнего Леса и овладеть их пещерой. — Старуха запрокинула кверху уродливое лицо, не лишенное, однако, выразительности.

— Выгнать Рыжеволосых, — зашелестели остальные, и первобытный ужас оживил их маленькие глазки.

— Мы не можем выгнать Рыжеволосых. Они сильнее. У нас мало мужчин. Очень многие не вернулись с охоты. — Вождь был тверд.

— Духи Солнца помогут нам стать сильнее! — вдруг пронзительно закричала Вещунья. — Надо просить духов, и они помогут нам.

— А нельзя ли попросить духов помочь нам на охоте?

— Не оскорбляй духов, иначе поплатишься, — с угрозой произнесла Вещунья. Затем повернулась лицом к Священной Скале и вознесла руки к небу, прокричав: — Станьте пылью, люди племени Само! Просите у духов помощи!

Все племя повалилось на землю, распласталось в пыли. Мужчины, женщины, старики, дети извивались, лежа, всем телом, катались по земле, натываясь друг на друга, и были на одной ноте низкими грубыми голосами. Так продолжалось довольно долго.

Внезапно старуха обернулась, ее всклокоченные седые волосы походили на ореол.

— Духи Солнца услышали нас! — закричала она. — Радуйся, племя Само! Духи услышали нас!

Раздался восторженный вопль, который по знаку Вещуньи сменился абсолютной тишиной. Старуха обвела толпу безумным взглядом.

— Духи требуют жертву, — сказала она. — Они будут ждать до завтрашнего вечера. Если мы их не ублажим — нас ждет страшная беда.

— Завтра я сам поведу охотников! — воскликнул Вождь.

Итак, вопрос был решен. Вещунья осталась у Скалы, чтобы продолжить беседу с духами, а люди вслед за Вождем побрели к своей пещере. Чем дальше удалялось племя от Скалы, тем увереннее становился Вождь. Здесь, в пещере, его власть была неограниченной. В нее не вмешивались даже духи.

Каждому нашлось дело.

Хранительницы огня отправились за хворостом для костра, что день и ночь — годы подряд — горел в пещере. Кормилицы занялись маленькими детьми, стряпухи принялись толочь в больших каменных ступах собранное днем зерно и корни — единственную пищу племени в последние дни. Старики и детишки чинили шкуры, убрали пещеру.

Что же касается молодых здоровых мужчин, то те занялись приготовлениями к завтрашней охоте. На плоских шершавых камнях они точили копья — простые, подчас корявые заостренные палки, правили кремневые ножи и скребки для снятия шкур.

Пещера представляла собой продолговатый подземный зал с входом, защищенным от нападения диких зверей копьями и камнями. У каждого члена племени Само в пещере было свое определенное место, менять которое можно было только с разрешения Вождя. Муж-

чины-охотники занимали самый лучший угол пещеры, теплый и сухой.

Невесело было сегодня в пещере. Трудные времена настали для племени Само. Зарос илом Ближний Ручей, из-за этого пересохло Теплое Озеро, куда звери ходили на водопой. Ушел зверь, ушла рыба. Хорошая охота была в Нижнем Лесу, но Рыжеволосые не пускали туда охотников племени Само, рычали при их появлении, грозили копьями. Приближалась зима, а припасов не было. К тому же несколько охотников утонули недавно в болоте. Вот почему так недовольны люди, вот почему с жадностью слушали они Вещунью...

Наконец поспел скудный ужин. Вождь разрешил приступать к еде. На большие зеленые листья горкой наложили массу, напоминающую густое тесто. Первую порцию взял себе Вождь, вторую, как всегда, одна из девушек отнесла Вещунье в пещеру духов у Священной Скалы.

Охотники ели досыта, чтобы набраться сил. Последними накормили стариков...

Ранним утром охотники вышли в путь. На этот раз Вождь повел их вдоль подножия горного хребта в сторону болота. Место там было опасное, зато дичь встречалась чаще.

Всего охотников было двенадцать. Вождь разделил их на группы по два-три человека, и они разбрелись по лесу. У каждого было копье, на поясе висел очень острый кремневый нож длиной в полторы ладони. На каждую группу пришлось по каменному топору.

Молодой Охотник шел рядом с Вождем, переполненный радостью. Всякий раз, когда он выходил на охоту, его охватывало упоительное чувство борьбы, желание доказать свою силу и храбрость. Как хотелось ему именно сегодня выследить дичь! Он думал о том, какими глазами посмотрит на него Быстроногая, вернись он с добычей, и сам как зверь рыскал по сторонам в поисках следа.

Но в лесу было пусто. Тогда Молодой Охотник, набравшись смелости, заговорил с Вождем о том, что давно уже не давало ему покоя.

— Быть может, в Синих Горах охота лучше? — Он указал рукой на вершины, что вздымались над лесом.

— Наши отцы и деды никогда не охотились в Синих Горах. Нам нельзя нарушать их обычаи, иначе духи покарают нас, — спокойно ответил Вождь.

Юноша смущенно опустил голову.

Вдруг впереди между стволами мелькнуло что-то серое. Мелькнуло и остановилось.

Охотники тоже остановились, узнав леопарда. Их тела напряглись, узловатые пальцы крепче сжали копыя. Хищник был крупным, сильным зверем. Мне даже показалось, что он крупнее нынешнего тигра. Он зарычал, показывая огненно-красную пасть. Но люди, хотя и были настороже, панического страха не испытывали, ибо в природе уже наступил великий перелом — человек стал сильнее зверя. Эту силу придали ему не только копые, нож и каменный топор, но главным образом чувство коллективизма. Обезьяны при виде хищника с криками бросались врассыпную, зверь догонял одну из них и задира. Человек же, подвергшийся нападению дикого животного, звал на помощь, и соплеменники общими усилиями вызволяли его, хотя рисковали при этом жизнями. Но иначе было нельзя. Иначе человек и не стал бы хозяином леса.

Наверное, леопарду уже приходилось сталкиваться с людьми, и он запомнил, что от этих странных двуногих лучше держаться подальше. Мотнув напоследок мордой, он попятился и исчез в чаще.

Эта встреча показалась охотникам добрым предзнаменованием. Они уверовали, что охота сегодня будет удачной, встретятся им и другие животные.

Вдруг Вождь взял Молодого Охотника за руку и замер на месте. Оба прислушались, втянув воздух широкими ноздрями. В лесу слышался шорох, пахло кровью.

Прячась за стволами деревьев, люди осторожно двинулись вперед. Возле зарослей багрово-темных кустов терзал остатки лани огромный бурый медведь. В некотором отдалении беспокойно переминались большие черные птицы в надежде поживиться остатками трапезы.

Мне часто приходилось видеть медведей: в зоопарке, в цирке. И всегда они казались мне добродушными, симпатичными существами. Я даже удивлялся — ну, какие же они хищники, эти косолапые!

Но медведь, пожирающий лань, был свиреп и страшен. В нем чувствовалась безжалостная сила. Резкие движения говорили о мгновенной реакции. Пасть напоминала акулю — мощные челюсти, смертельная хватка. Однако Вождь и Молодой Охотник не обращали внимания на перепачканную кровью морду хищника, на его длинные когти; они грезили о гряде вкусного мяса, заключенного в эту бурую шкуру.

Участь зверя была решена. Вождь сделал знак Молодому Охотнику, а сам бесшумно двинулся к зверю. Тот, занятый добычей, ничего не замечал.

Наконец Вождь подкрался достаточно близко, чтобы начать охоту. Приготовив к броску копье, он пронзительно закричал.

Медведь от неожиданности оставил добычу и, поднявшись на задние лапы, яростно заревел.

И тут Вождь метнул копье. Как опытный охотник, он должен был попасть в глотку. Это лучший способ хорошо закончить охоту. Вождь считался лучшим охотником в племени. Именно за это его и выбрали Вождем.

Но сейчас он промахнулся. Наверное, дрогнула рука. Копье лишь слегка задело зверя, не причинив ему особого вреда.

Вождю подобные промахи не прощались. Сгорая от стыда, Вождь выхватил из-за кожаного пояса кремневый нож и бросился на медведя.

Где-то неподалеку слышались крики других охотников, спешивших на помощь. Бросился вперед и Моло-

дой Охотник, крепко сжимая свое копье обеими руками и готовясь вонзить его в узкую белую полосу, что виднелась на животе медведя.

Наверное, хищник попросту успел насытиться, и оттого ему было не жаль расстаться с добычей. Молниеносно повернувшись, он ринулся в чашу. Было слышно, как там с хрустом ломаются ветки и шуршит потревоженная листва.

Несколько часов охотники преследовали ускользающую добычу. След вывел их к горам, но среди камней и валунов они его потеряли.

После этого удача отвернулась от людей. Даже мышки и той не встретилось им на пути. Медленно, понулив головы, брели они к стоянке, трепеща, что духи Солнца призовут их к ответу. Вождь был угрюм. Его и так пошатнувшейся власти приходил конец. Смущенным и растерянным выглядел Молодой Охотник. Вождь промахнулся на охоте! Значит, духи и в самом деле отвернулись от него?

Все племя вышло им навстречу. Оказалось, первая группа тоже вернулась ни с чем. Ужас вселился в сердца людей. Молодой Охотник увидел печальное лицо Быстроногой, и внезапно его пронзило страстное желание укрыть, защитить, заслонить ее от надвигающейся беды.

Люди расступились. От Священной Скалы шла Вещунья. В руке она держала длинную палку с острым концом. На нее обычно накалывались лучшие куски мяса, которые относили на вершину Скалы по вырубленным в ней ступенькам.

Вещунья молча протянула палку Вождю и запрокинула голову.

Вождь сделал отрицательный жест.

Старуха издала истошный вопль:

— Ты обманул духов! Они не простят! Горе нам! Горе нам, люди племени Само!

Люди, так же как и вчера, распластались в пыли, слышался плач, рыдания, проклятья...

Вещунья наступала на Вождя:

— Ты должен держать ответ перед духами! Они сами решат твою судьбу! — И она указала рукой на Священную Скалу.

Страшными были слова Вещуньи. Даже такой мужественный человек, как Вождь, побледнел и как-то съежился.

— Иди! Духи будут говорить с тобой! — вновь прокричала Вещунья.

Вождь повиновался.

Священная Скала представляла собой вросший в землю валун, внешне чем-то похожий на постамент известного памятника Петру Первому, только в несколько раз больший. В более пологом склоне были вырублены ступеньки. На острых камнях под скалой белели кости животных, высыхали остатки шкур. Видимо, здесь регулярно совершались жертвоприношения. Площадка вокруг Скалы была лишена какой бы то ни было растительности, плотным слоем лежала мелкая красноватая пыль.

Словом, Священная Скала была самой обыкновенной скалой с ровной площадкой наверху. Подъем на эту площадку не грозил никакими осложнениями. Мне был понятен страх людей, чувства Вождя, искренне верившего в духов. Но никакой реальной опасности для него я не видел.

Вождь поднимался все выше по крутым шербатым ступеням. Его волосатые колени дрожали, он что-то тихо шептал толстыми губами.

Люди племени Само провожали его взглядами, полными ужаса. Духов обманывать нельзя. А раз нет обещанной жертвы, то что же произойдет?

Наконец Вождь достиг вершины и замер на ней в напряженной позе, вобрав голову в плечи, словно ожидая удара.

— Встань у края на белый камень. Жди ответа духов, — с угрозой произнесла старуха.

Вождь повиновался. Люди замерли, ожидая, как поступят великие духи Солнца, которые могут все: дарить удачу на охоте, хороший урожай кореньев и плодов, наполнять реки и озера рыбой. А еще духи умеют наказывать: приносить смерть, голод, холодные зимы, болезни.

Вдруг Вождь вскрикнул, как-то нелепо согнулся и начал клониться в сторону обрыва. Секунда — и он беззвучно рухнул вниз на острые камни. Послышался сухой треск, будто раскололи большой орех.

Вопль ужаса застрял в каждом горле. Племя рухнуло на колени. Духи всемогущи, духи могучи. Они карают, если им не приносить подарков. Люди извивались в пыли, умоляя духов сжалиться и простить их. Громче всех вопила Вещунья, которая рвала на себе волосы.

Признаться, я был озадачен таким поворотом событий. Потом, несколько поразмыслив, я пришел к выводу, что происшедшее каким-то образом связано с белым камнем, на который встал Вождь перед своей гибелью.

Первобытные люди с ужасом смотрели на распростертое тело того, кто еще недавно был их вожаком. Наверное, каждый видел небольшую, похожую на репей шарообразную колючку, торчащую из его подвернутой левой пятки. Никто не придавал ей ни малейшего значения, ибо подобные колючки ежедневно десятками цеплялись к телам людей и к шкурам, в которые они одевались.

Меня же эта колючка навела на мысль. Видимо, в белом камне на Священной Скале было несколько лунок, в которые Вещунья положила эти колючки, заблаговременно пропитанные каким-то ядом сильного паралитического действия. Скорее всего на белый камень можно было встать лишь так, что одна из колючек обязательно впивалась в ногу.

Вот и все, вздохнул я. Единоборство Вождя и Ве-

шуньи за власть над племенем закончилось в пользу последней. Грустные мысли навевала эта победа. Хотя Вождь и был сторонником традиционного уклада жизни, его здравый смысл не раз спасал племя от голодного вымирания и других опасностей. Теперь же безраздельная власть над людьми перешла в руки выжившей из ума старухи, считавшей, что единственный верный путь — это борьба с Рыжеволосыми, то есть соседним племенем, более сильным и многочисленным.

Кстати говоря, старуха при всем своем коварстве сама искренне верила в духов Солнца. Она была убеждена, что все ее поступки заранее одобрены духами и подсказаны ими. И хотя она сама подстроила гибель Вождя, но внушила себе, что того наказали духи Солнца.

Наконец старуха сделала знак, и люди, изнеможенные и обессиленные, поднялись с земли. Вещунья велела всем идти в пещеру и готовиться к завтрашнему нападению на Рыжеволосых. Женщинам предстояло приготовить сытный ужин из последних припасов, мужчинам — привести в порядок оружие. Сама же старуха поднялась на вершину Священной Скалы, чтобы побеседовать с духами и попросить их о помощи. И когда она, стоя там, вознесла к небу свои худые с обгрызенными ногтями руки, а ветер растрепал ее длинные седые волосы, казалось, это невидимые духи вступили с нею в тайную беседу.

Ранним утром еще до восхода солнца начался этот бессмысленный и дикий поход. Перед выступлением Вещунья прокричала охрипшим на ветру голосом, что духи обещали свое покровительство мужчинам племени Само. Пусть мужчины смело идут к пещере Рыжеволосых, а она, Вещунья, вновь поднимется на Священную Скалу и будет неустанно просить духов о победе.

После этого своеобразного напутствия мужчины —

около сорока человек — двинулись в путь. Шли они нестройной толпой, время от времени испуская воинственные крики и потрясая копьями, будто подбадривая себя. Мало-помалу люди пришли в возбуждение, как хищники перед решающим прыжком.

Следом за мужчинами — метрах в трехстах — молча шли два десятка молодых женщин и девушек. Зачем? Воодушевлять своих соплеменников? Врачевать раненых? Оплакивать и погребать тех, кому суждено погибнуть? Этого я так и не узнал.

Среди женской группы была Быстроногая. Молодому Охотнику очень хотелось, чтобы она одобрительно посмотрела на него, и поэтому он кричал громче всех, напрягая свои и без того могучие мышцы, грозил копьем горизонту в белесой дымке.

Мужчины спустились по ярко-зеленому лугу, поросшему цветами и густой травой, к ручью, перешли его вброд и поднялись на невысокое каменистое плато.

С плато открывался необозримый вид. Виднелась большая долина, окруженная кольцом зубчатых гор. Ближние горы были пестры, как туркменский ковер, более отдаленные стояли синие, фиолетовые, еще дальше — голубые, словно подернутые туманом. В долине привольно раскинулся Нижний Лес. В ослепительно голубом небе царили невиданных размеров птицы. Жизнь была всюду — за каждым деревом, под каждым камнем. Суетились какие-то жучки, ящерики, мелкие твари. В лесу слышались крики зверей.

Сердце мое наполнилось болью и обидой. Я думал об огромной территории с неисчислимыми богатствами, которые могли бы прокормить тысячи, десятки тысяч людей, а не то что два немногочисленных племени. Но какой парадокс! Вместо того чтобы объединиться и совместными усилиями познавать этот беспредельный для первобытного существа мир, два племени готовы кинуться друг на друга с копьями и кремневыми ножами.

Из лесу вышли трое охотников. Это были Рыжево-

лосые. Если не считать светлой окраски волос, внешне они мало чем отличались от людей племени Само.

Завидев неприятеля, нападающие испустили яростный вопль и бросились со склона вниз.

Рыжеволосые некоторое время смотрели на них с недоумением, затем повернули и скрылись в чаще.

Мужчины Само пустились по их следу. Лес в этом месте был гуще, пышнее. Упругие ветви хлестали по телам, острые травинки и листья ранили кожу, тугой воздух рвал легкие, но возбужденные предстоящей схваткой люди не ощущали ни боли, ни усталости.

Неожиданно заросли кончились. Глазам охотников открылась большая поляна, упирающаяся в невысокую горную грядку. На пологом склоне гряды тесной толпой стояли Рыжеволосые, вооруженные копьями и каменными топорами. При виде людей Само они оскалили зубы, как хищные звери, и зарычали.

Запыхавшиеся мужчины Само замедлили шаг и остановились как бы в нерешительности. Инстинкт подсказывал им, что Рыжеволосые гораздо сильнее, но дремучий разум не находил верного решения.

В небе пылало жаркое тропическое солнце. Оно било людям Само в глаза, слепило их. Люди щурились, обменивались бестолковыми взглядами. Им казалось, что это духи Солнца подают им какой-то знак, но какой — определить без Вещуньи они не могли.

Некоторое время обе группы первобытных людей попеременно издавали яростные вопли, грозно потрясая оружием. Казалось, два этих племени собрались на поляне лишь для того, чтобы накричаться вволю и попугать друг друга, а затем спокойно разойтись по пещерам.

Воинственный пыл людей Само шел на убыль. В первых, их было вдвое меньше, во-вторых, начала сказываться усталость, слишком много сил было затрачено на дорогу сюда.

Но тем большее возбуждение охватывало Рыжеволосых. Своими же криками они оглушили самих себя,

а вид более слабого противника привел их наконец в неукротимую ярость. Я видел их налившиеся кровью глаза, набухшие мышцы, пену, выступившую на губах.

В этот момент один из людей Само неловко задел острым концом копья своего соплеменника по плечу. Брызнула кровь, вид которой опьянил Рыжеволосых. Дело было решено.

С раскрытыми ртами (скорее, пастями, а не ртами), страшные, озверевшие, ринулись они со склона на людей Само. Наверное, это была одна из первых военных атак на земле.

Люди Само не выдержали напряжения и бросились бежать. Вслед им полетели копья и камни. Послышался треск, хруст, кто-то завопил по-звериному.

Достигнув леса, мужчины Само столкнулись со своими соплеменниками. Те стояли, сбившись в кучку, растерянные, ничего не понимающие. Молодой Охотник увидел Быстроногую. Она стояла у дерева, прикрывая лицо тоненькой зеленой веточкой, словно надеясь защититься этой веточкой от опасности. Из-за зеленых листочков мерцали ее черные, расширенные от ужаса глаза. И вдруг Молодой Охотник ощутил неодолимое желание прикрыть Быстроногую своей грудью. И это желание наполнило его радостью. Не той первобытной радостью, которую дает предвкушение сытного обеда, а радостью новой, непонятной, щемящей. Под напором этой радости отступил инстинкт самосохранения. Молодой Охотник был готов умереть за Быстроногую.

В этот момент Рыжеволосые настигли всю группу. Сражение развернулось на небольшом пятачке между густыми деревьями. Здесь копья и топоры стали почти бесполезными, ибо цеплялись за ветви и лианы. В ход пошли кремневые ножи, кулаки и зубы. То тут, то там слышался визг, тяжелое дыхание или протяжный вопль. Полуобнаженные, лохматые, в звериных шкурах люди катались по земле, норовя вцепиться друг другу зубами в горло.

Молодой Охотник дрался как пещерный лев. Уже двое Рыжеволосых с раздробленными челюстями валялись у его ног. Он считал, что защищает Быстроногую. Но Быстроногой давно уже не было за его спиной...

Мощный удар камнем в руку заставил Молодого Охотника зашататься. Второй удар — в голову — сбил его с ног. Словно сквозь сон, доносились до него звуки утихающей битвы. Затем он почувствовал, что его связывают лианами и куда-то тащат. Страшно болела голова и обе руки.

Излишне напоминать, что, находясь в теле Молодого Охотника, я тоже прошел через все эти ощущения...

Сколько прошло времени, Молодой Охотник не знал, но постепенно к нему вернулись силы. Он даже сумел распутать лианы, которыми были связаны его ноги.

Он лежал на поляне, неподалеку от того места, где происходило сражение. Рядом с ним лежали еще шесть мужчин Само. Они негромко стонали. Чуть в стороне неподвижно сидели на траве несколько их соплеменниц. У Молодого Охотника помутилось в глазах — Быстроногой среди них не было.

Поблизости расхаживало несколько Рыжеволосых. Они свирепо поглядывали на пленников, то и дело поднимая к плечам каменные топоры.

В лесу слышался какой-то шум, словно сквозь чащу проридалась большая толпа. Шум становился все явственней. Наконец на поляну вышли другие Рыжеволосые. Они привели с собой всех людей племени Само — женщин, стариков, детей. Здесь была и Вещунья. Рыжеволосые относились к ней почтительно. Видимо, они решили, что с теми, кто служит духам, лучше не ссориться, чтобы не накликать на свою голову беды. Быстроногой не было и среди вновь прибывших.

Тем временем на поляну высыпало все племя Рыжеволосых. Окружив людей Само плотным кольцом, победители в упор рассматривали побежденных. Детишки смеялись, строили гримасы и кувыркались в траве, вы-

искивая на стеблях жучков, которых между делом отправляли себе в рот.

Вперед вышел Вожак Рыжеволосых — косматый, дикого вида и дикой силы человек, похожий вросшей в плечи головой на вепря. Начал вершиться скорый первобытный суд.

Настала тишина. Рыжеволосые умолкли в предвкушении редкостного зрелища и с любопытством смотрели на пленников. Даже малыши, забыв на время о подножном корме, замерли, вцепившись в своих матерей.

Прежде всего Вожак спросил у Вещуньи, будет ли она просить своих духов, чтобы те помогали Рыжеволосым. За это он обещал сытно кормить мясом и ее, и духов. Старуха согласилась, поставив одно условие: Рыжеволосые должны уважать духов Солнца и слушать их советы. Этим ответом Вожак остался доволен. Он велел увести Вещунью в пещеру и хорошенько накормить ее.

Потом он осмотрел девушек и женщин Само, выбрав из них самых молодых и крепких. Отныне они будут женами Рыжеволосых, сказал он. И дети от них будут Рыжеволосыми.

Точно так же поступил он с детьми, отобрав среди них всех здоровых и сильных.

Оставшихся — по большей части стариков и старух — Вожак велел увести подальше в лес и оставить там. Охотиться они все равно не смогут и в конце концов умрут от голода или же станут добычей хищников.

Оставалось решить судьбу пленных мужчин — семейных сильных, здоровых мужчин. Вожак стоял возле них в раздумье. На его узком треугольном лбу обозначились глубокие складки. Этих людей нужно убить, сказал он наконец. Если их оставить в племени, они будут мстить Рыжеволосым, а если бросить в лесу, будут охотиться на зверей, которые принадлежат Рыжеволосым. Вожак поднял руку вверх, а затем резко опустил ее вниз.

В центр круга вошли трое Рыжеволосых с узкими каменными топорами, приблизились к несчастным пленникам. Топоры поднялись и опустились, трава и песок под нею заалели. Забилась в агонии и вторая жертва.

И тут инстинкт самосохранения взял свое. Молодой Охотник вскочил на ноги, освободился от распутанных ранее лиан и помчался вперед к спасительной чаще. Все произошло так быстро, что Рыжеволосые были ошарашены. А когда пришли в себя, беглец уже был далеко. Не оглядываясь, продираясь он сквозь заросли, бежал через лес, через плато к своей пещере, единственному месту на планете, которое знал. Он не думал о погоне, о боли, о будущем, он вообще ни о чем не думал. Одна страсть гнала его вперед — во что бы то ни стало добраться до пещеры.

...В пещере было темно и пусто. Рыжеволосые не только увели с собой людей, но и погасили очаг, огонь в котором поддерживался изо дня в день в течение многих лет, унесли шкуры, ступы, припасы, ножи — весь нехитрый скарб маленького племени.

Молодой Охотник сел на большой плоский камень в центре пещеры и бессильно уронил голову на грудь. Цели он достиг, но что делать дальше? Что делать одному, раненому, темному человеку в неоглядном враждебном мире?

Вдруг в дальнем углу пещеры послышался тихий шорох. Охотник вскочил, готовый к худшему.

Глаза его уже привыкли к мраку, царившему здесь. Охотник увидел... Из глубины пещеры к нему шла Быстроногая. Шла осторожно, робко, точно боясь поранить ногу. Остановилась рядом и погладила жесткой красноватой ладонью его плечо.

— Тебя не убили? — спросил он, не смея шелохнуться.

— Я убежала, — ответила она и потрогала его руку. — Очень больно?

— Нет, совсем не больно. — Ему как будто и в самом деле стало гораздо легче.

— Я вылечу тебя, — пообещала она, — старуха показала мне травы. — И Быстроногая неожиданно заплакала.

— Почему ты плачешь? — спросил Молодой Охотник, впервые притрагиваясь к ней. В нем вновь пробудилось чувство, испытанное в лесу перед схваткой с Рыжеволосыми.

— Что с нами будет? — всхлипнула она. — Рыжеволосые придут и убьют нас.

— Мы спрячемся.

— У нас нет ни огня, ни пищи.

— Мы будем охотиться. А огонь я сумею развести. Мы уйдем отсюда через горы и там найдем новую пещеру. — Он становился увереннее с каждым словом.

— Разве у нас хватит на это сил?

— Хватит! — потрянул он головой. — Я — сильный, ты — сильная. А потом у нас родится сын, а потом еще много сыновей и дочерей. У нас будет новое племя. — И Молодой Охотник осторожно сжал ее сильную руку.

* * *

Тут моя голова странно закружилась. Сознание затуманилось, словно отделяясь от тела Молодого Охотника. «Приключения продолжаются», — только и успел подумать я, проваливаясь в никуда.

* * *

Очнулся я на обыкновенной металлической больничной койке. Но все-таки эта койка меня ни в чем не убеждала, как не убеждала и чисто выбеленная скромная комната, в которой я находился. Разве можно было поручиться, что за стенами этой комнаты не расстилается доисторический лес, где взывает к духам Солнца Ве-

шунья, выслеживает дичь Молодой Охотник, а в пещере разводит огонь Быстроногая?! А может, я уже в иной эпохе, в теле какого-нибудь средневекового рыцаря?

Я приподнял голову и с превеликой радостью убедился, что нахожусь в собственном теле. Хотя я и был покрыт теплым шерстяным одеялом, но ощущал — каждая мышца повинуется разуму, моему разуму. Лишь перебинтованная рука внушала некоторое беспокойство.

Однако, где я ее поранил? Уж не в схватке ли с племенем Рыжеволосых? Должен сказать, что первобытная эпоха теперь казалась мне более реальной, чем последние события в лаборатории.

В моей комнате было небольшое окно, задернутое белой занавесочкой. Однако занавеску задернули не до конца, и, приглядевшись, я понял, что за окном город, большой, шумный, современный город.

Если судить по обстановке в комнате, то я нахожусь в свое время, в последней четверти двадцатого века.

Однако... мало ли что...

Открылась дверь, в комнату вошел невысокий человек в белом халате. У него была аккуратная курчавая бородка и сухое, умное лицо исследователя. На большом носу сидели очки с сильными линзами.

Застав меня бодрствующим, он обрадовался.

— Ага! — воскликнул с удовлетворением. — Я вижу, дело пошло на поправку. Как самочувствие?

— Вполне нормально! — ответил я и ощутил, как заныла рука, поврежденная в стычке с Рыжеволосыми — тьфу! — вероятно, при падении в лаборатории.

— Меня зовут Эхсон Низамович, — сказал человек, — я главврач и одновременно хирург больницы, в которую вы имели несчастье попасть.

— Выходит, меня лечили вы?

— Правильнее сказать, я был одним из тех, кто занимался вашим здоровьем, — ответил он, тонко улыбаясь. Похоже, он был славным парнем, этот главврач.

— Никогда не думал, что медицина так здорово

шагнула вперед. — Мне хотелось сделать ему комплимент. — Я получил массу впечатлений.

— Каких впечатлений? — слегка нахмурился доктор.

— Самых разных. Ведь я попал в доисторическую эпоху. Первобытнообщинный строй, охота, стычка с соседним племенем, поклонение духам Солнца — понимаете?

— Понимаю. — Он пристально посмотрел на меня, положил ладонь на лоб, пробормотал: — Как будто нормальная. — Потом добавил тихо: — Нет, о выздоровлении говорить еще рано. — И опять посмотрел на меня как на тихопомешанного.

— Доктор, я абсолютно здоров! — воскликнул я, сообразив внезапно, что к моим приключениям в телах сначала обезьяны, а потом Молодого Охотника медицина, а также Эхсон Низамович отношения не имеют.

Словом, повторилась сцена, не раз виденная мною в кинокомедиях. Доктор запретил мне разговаривать, велел обязательно уснуть и пообещал через несколько дней выслушать мои объяснения.

Он ушел, оставив меня в глубоком недоумении. Машины времени в наши дни не существует. Это ясно. И все-таки... каким-то образом я побывал в далекой эпохе, был свидетелем зари человечества. Как мне это удалось? Кто объяснит? Кто поверит?

Уснуть так и не пришлось. Через некоторое время в палату зашла медсестра Наргиза, по первому впечатлению очень серьезная и неулыбчивая девушка. К счастью, внешность оказалась обманчивой, характер у Наргизы был живой и общительный. Она выложила мне все новости.

В больницу меня привезли вчера вечером в тяжелом состоянии. У меня была абсолютная потеря сознания, причина которой не вполне понятна. Похоже, я попал под сильное напряжение, толковала мне Наргиза, однако сотрудники лаборатории категорически отрицают это.

Они утверждают, что я стоял посреди комнаты, потом неожиданно заметался и упал. При падении задел рукой за острый угол металлического стола и поранил ее. Так или иначе, а пришлось со мной повозиться.

Наргиза мне все это подробно рассказала.

От нее я узнал, что лежу в центральной городской больнице. Несколько раз в больницу звонили из лаборатории, справлялись о моем здоровье. Утром приезжали Аброр-ака и Альберт Евдокимович.

Наступили короткие зимние сумерки. Крупными пушистыми хлопьями повалил снег. Я смотрел, как мелькают за окном мириады снежинок, и мои мысли словно бы смешались с этим мельтешением.

Выходит, я был в обмороке? И все это мне пригрезилось? Но откуда эта предельная ясность, ощущение реальности всего происходящего? Откуда эта уверенность, что я действительно побывал в первобытной эпохе? Еще и еще раз я вспоминал страх всего живого перед Солнцем, судьбу маленького племени Само, битву в тропическом лесу, Быстроногую... Никогда ранее я не представлял себе ничего подобного. Значит, мои видения не могли быть просто игрой воображения. Нельзя вообразить то, о чем ты никогда не думал.

Почти до утра я пролежал, не смыкая глаз, стараясь составить лаконичный и ясный рассказ для Эхсона Низамовича. Я надеялся, что в конце концов он заинтересуется моими приключениями.

Однако наша с ним беседа на следующий день началась не совсем так, как я предполагал.

Осмотрев меня, Эхсон Низамович удовлетворенно хмыкнул и потрогал свою ассирийскую бородку.

— У вас удивительно крепкий организм, хотя по фигуре этого не скажешь, — произнес он, — ума не приложу, каким образом ваше сердце выдержало такой удар.

— Все благодаря моему прадеду Сабирджан-табибу.

— Который жил в доисторическом лесу? — подозрительно спросил доктор.

Я рассмеялся.

— Нет. Он жил в прошлом веке в местечке Чорсу под Ташкентом, но был хорошо известен от Бухары до Андижана. Для своего времени он был передовым человеком и знающим врачом.

— Прекрасно, но какая тут связь?

— А вот какая. В молодости прадед учился в Индии, долго жил там и овладел искусством йогов. Часть знаний он передал своему сыну, тот своему, и какие-то крупницы, естественно, достались по наследству и мне. Словом, я могу регулировать биение собственного сердца и успел его замедлить до того, как провод коснулся моего тела.

Эхсон Низамович только крикнул:

— Нда-а! С вами не соскучишься.

По выражению его прищуренных колющих глаз я понял, что отныне могу рассчитывать по крайней мере на острый интерес к собственной персоне. Тем лучше! И я начал свой рассказ, который Эхсон Низамович выслушал не перебивая. Я чувствовал — его охватывает возбуждение исследователя, нащупавшего интересную проблему.

Когда я закончил, он снял очки, протер их краешком халата и проговорил, массируя рубчик на переносице:

— С вами произошел в общем-то нередкий, но ярко выраженный случай — пробуждение генетической памяти. Вы, вероятно, слышали, что человеческий мозг — это, по сути дела, склад-небоскреб, этажи которого заполняются информацией по мере развития индивидуума. Нижние этажи этого склада уже заняты информацией, накопленной всеми предыдущими поколениями. Эта информация поступает в наш мозг через гены. Она закодирована, и расшифровывать ее человек еще не научился.

— Выходит, я каким-то образом расшифровал ее?

— Вот именно, каким-то образом... Думаю, все дело в сочетании ряда факторов: стрессовое состояние, напряжение воли, непредвиденная ситуация, ваши способности йога... На какое-то время вы отключились от внешнего мира, а потом ваше сознание ошиблось дверью и попало не на тот этаж. И вы прочитали три эпизода из многих миллионов, хранящихся в вашей памяти, прежде чем снова подняться наверх.

— Науке известны подобные случаи?

— Я не располагаю статистикой. Но, думаю, многие оказывались в подобном положении, однако не придавали этому значения. Считали прочтенную на нижних этажах информацию бредом, галлюцинацией, сном. К тому же случайная расшифровка носит, как правило, отрывочный характер. У вас получилось иначе.

— Значит, Молодой Охотник существовал в действительности?

— Да, много тысяч лет назад. Скорее всего он и Быстроногая — одни из самых отдаленных ваших предков. — Эхсон Низамович усмехнулся: — Интересно, где, в каком лесу охотились мои?

— Что же с ними стало потом?

— Скорее всего ушли в горы. Просуществовать в ту эпоху вдвоем они вряд ли сумели бы. Вероятно, в горах они встретили другое, более миролюбивое племя, которое приняло их в свою пещеру.

— Знаете, мне даже как-то жаль, что я их никогда больше не увижу — Молодого Охотника и Быстроногую.

— Погодите горевать. Рано или поздно наука научится расшифровывать генетический код, и тогда каждый человек сможет побывать в любой эпохе по собственному усмотрению. Представляете, какие возможности для науки, для развития человеческих эмоций!

— Как вы думаете, доктор, — осторожно спросил я, — моя эпопея имеет какую-нибудь научную ценность?

— Громадную! — Эхсон Низамович вскочил со стула и заходил по палате маленькими быстрыми шагами. — Особенно интересно ваше первое воспоминание.

— Первое? Но ведь там не было ничего особенного... Обезьяна убегала от хищника, погоня... страх... непонятный страх перед солнцем...

— Вот! — Эхсон Низамович резко поднял кверху указательный палец. — Страх перед солнцем! — Он потрогал бороду и, сощурившись, спросил: — Насколько вы слышаны о теории Дарвина?

— В общих чертах...

— Что значит в общих чертах?

— Знаю, что человек произошел от обезьяны.

— А задумывались ли вы когда-нибудь над тем, почему этот процесс не продолжается?

— То есть?

— Почему в нашу историческую эпоху обезьяны дают в потомстве обезьян, а не преобразуются в чело-века?

— Ну, доктор... — Я пожал плечами. — Видимо, так было заложено природой. С точки зрения нравственности, что ли... Ну, представьте, что на земле наряду с людьми существуют неандертальцы, австралопитеки — правильно я их назвал?

— Правильно.

— До сих пор на земле не искоренены расизм, фашизм... И это в отношениях между людьми. А если бы нашими соседями были и переходные виды? Сколько дополнительных проблем пришлось бы решать! Нет, природа мудра! Она правильно сделала в свое время, проведя резкую черту между человеком и остальным живым миром.

— Мудра-то она мудра, но ведь эту мудрость надо как-то объяснить.

— Наука пока бессильна.

— Не скажите. Вы знаете, что такое геомагнитные инверсии Земли?

— В общем-то я работаю в институте электроники. Если бы вы завели речь о приборах, научном оборудовании, я бы еще с вами потягался. А геомагнитные инверсии... Случайно это не смена магнитных полюсов Земли?

— Случайно смена. Через определенные промежутки времени — раз в несколько тысяч лет — наша старушка Земля меняет свои магнитные полюса, то есть северный становится южным и наоборот. В обычном состоянии Земля как бы окружена магнитным полем. Она-то и предохраняет планету от космической радиации. Но это в обычном состоянии...

— Начинаю понимать. В какой-то момент инверсии наступает нейтральное состояние. Земля остается без магнитного прикрытия, так?

— Верно. И радиация достигает поверхности планеты, воздействуя на генетическую систему живых организмов. Менее приспособляемые виды погибают, остальные претерпевают мутации.

— То есть скачкообразный процесс эволюции с изменением некоторых свойств и признаков вида?

— Да. Именно это и произошло многие тысячи лет назад с обезьянами. Геомагнитные инверсии способствовали превращению обезьяны в человека благодаря труду. Хотя, возможно, род человеческий прошел через несколько мутаций, каждый раз преобразуясь. И после каждой такой мутации последовательно появлялись — дриопитек, австралопитек, питекантроп, неандерталец и, наконец, — Гомо Сапиенс — Человек! Во всяком случае, периоды геомагнитных инверсий Земли в точности совпадают с узловыми моментами эволюционного становления Человека. Кстати, с помощью облучения были созданы искусственные мутанты, например растения...

— Так вот оно какое, солнце!

— Разумеется, все это только теория, имеющая, правда, многочисленных сторонников. А теперь вы, сами не ведая, дали основательные свидетельства в ее поль-

зу. И этот ваш обезьяночеловек... Существо, которое первым догадалось войти и поселиться в пещере. Ведь это, если угодно, Ньютон своего времени.

— Значит, я был свидетелем инверсии?

— Одной из инверсий, последствия которой породили инстинктивный страх перед солнцем. Магнитные полюса заняли надлежащие им места, а этот страх, ставший культом светила, остался. Солнца боялись. Ему поклонялись. Вы видели жестокость, насилие, смерть. Но тогда же появились и другие ростки — любовь, чувство коллективизма, привычка к труду. Они развивались, эти ростки, и делали человека сильнее и лучше...

В палату заглянула Наргиза.

— Эхсон Низамович, там приехали из института к Камалу Сабирджановичу. Пускать?

Эхсон Низамович кивнул головой:

— Пускать. Теперь за нашего пациента можно не опасаться.

Перевод В. Нечипоренко

БЛЕСК АЛМАЗА

Повесть

1. ЗАГАДКА РЕНЭ

Кажется, не было во всей исследованной части Вселенной более загадочной планеты, чем Ренэ.

Открыли ее еще в пору первых межзвездных полетов, тогда же была сфотографирована значительная часть ее поверхности.

На снимках был виден мрачный, безжизненный мир: бескрайние каменистые плато, пустыни, выжженные жаркими лучами, нагромождения скал, каньоны и ущелья, отверстия пещер, языки застывшей лавы...

Снимки, сделанные затем с более близкого расстояния, не добавили к уже известному ничего нового: почти вся поверхность планеты оказалась покрытой овальными плоскими камнями различной величины.

Откуда на Ренэ столько овальных камней? Поначалу решили, что это остатки метеоритных дождей. Однако от этой версии пришлось отказаться: атмосфера планеты была настолько плотной, что даже очень крупные метеориты вряд ли могли достичь ее поверхности.

Вероятно, все дело было в песчаных бурях. Они разрушают горные породы, поднимают и переносят на большие расстояния обломки, рассеивают их по пустыням. Они же, эти бури, шлифуют камни, придают им с течением времени овальную форму.

Итак, все объяснилось, и планета Ренэ при первом отдаленном знакомстве ничем не поразила воображение

ученых Земли. До поры до времени земляне, расширяя познания о космосе, обходили ее стороной.

Прошло несколько десятилетий.

Постепенно из мира, затерянного где-то на околицах изученного космоса, планета Ренэ превращалась едва ли не в основной узел пересечения звездных трасс.

Было решено создать в ее окрестностях промежуточную станцию для ремонта, снабжения и координации полетов звездолетов. Материалы для строительства станции выгоднее всего было, конечно, изыскать на самой планете.

На каменистое плато опустился первый автоматический геологоразведчик. Посадка прошла благополучно. Телекамеры работали нормально. Видимость и связь были отличными. Вездеход медленно катил по плато, а люди за пультом управления в Космическом Центре уже готовились дать автомату команду на остановку и взятие проб грунта, как вдруг пропали и изображение, и связь. Тщетно инженеры дежурили несколько недель у пульта, связь так и не возобновилась.

Снова и снова ученые прокручивали последнюю запись телесигналов автоматического вездехода. Она была на редкость монотонной. Практически ровное плато. Неширокие трещины, пологие канавки. На горизонте зубчатая стена причудливых скал. Вокруг все те же плоские овальные камни. И мгновенное прекращение сигналов.

Ни малейшего намека на опасность.

Быть может, внезапно налетела песчаная буря?

Но для посадки специально выбрали каменистое плато, окруженное горными грядками.

Может быть, планета способна экранировать радиоволны? Искажать их направление?

Но почему тогда вначале связь все-таки существовала?

Оказывается, малоинтересная, бесперспективная планета скрывает какую-то тайну. К Ренэ ушел еще

один автомат-разведчик и еще один — результат был тот же. И тогда к Ренэ отправилась экспедиция во главе с капитаном Старком.

«Фотон» опустился на то же каменистое плато, что и первые автоматы. Здесь космонавтов ожидала неожиданность: шины, пластмассовые детали, два-три изолятора — вот все, что осталось от вездеходов. И никаких следов, способных объяснить происшедшее. Густой красноватый воздух, безмятежные скалы, пещеры в них...

Первым делом Старк обратил внимание на пещеры. Если плато отлично просматривается на много километров вперед, то пещеры могут что-то скрывать. Экипаж начал готовиться к исследованию ближайшей пещеры.

«Фотон», находившийся на Ренэ, поддерживал связь с Землей, и в Космическом Центре были убеждены, что дела у Старка идут хорошо.

Но в тот момент, когда все внимание космонавтов было приковано к пещере, которой почти достиг вездеход, изображение на экране пропало. Взволнованный Старк сообщил, что пропала и связь с вездеходом. Правда, в бинокль командир «Фотона» хорошо видел вездеход. Тот остановился у самой пещеры. До нее было километра два напрямую через плато. Вездеход был как будто в полной целости и сохранности, но почему он остановился, Старк понять не мог.

И тут же с еще большей тревогой в голосе Старк передал, что со стороны дальнего участка плато к «Фотону» с громадной скоростью движется песчаная туча.

Почти тут же пропала телесвязь и с «Фотоном».

А через секунду Старк прокричал в эфир:

— Ни в коем случае не совершайте больше посадок на Ренэ, не изучив...

«Изучив» — было его последним словом.

«Фотон», так же как и автоматические станции, умолк навсегда.

Теперь каждому было совершенно ясно, что разгадать тайну планеты сможет только хорошо подготовленная экспедиция. И как нельзя кстати оказалось то, что в это время на стапелях Титанограда — индустриального центра Марса — заканчивался монтаж звездолета «Алмаз».

«Фотон» исчез в конце февраля, «Алмаз» должны были испытывать в начале марта.

В общем-то «Алмаз» готовился для другой звездной экспедиции, но ввиду чрезвычайных обстоятельств Космический Центр решил использовать его для разведки планеты Ренэ.

Одновременно всем космонавтам, ученым, социологам были разосланы тесты, где приводились последние слова Старка: «Ни в коем случае не совершайте больше посадок на Ренэ, не изучив...» Предлагалось закончить эту фразу наиболее убедительным доказательством.

Олмос Азизович Азизов, космонавт высшего класса, въехал на своем электромобиле на 38-й этаж Космического Центра. Здесь он поставил машину в служебную ячейку и пошел по широкому кольцевому коридору.

Азизов волновался. Кажется, уже не новичок в космосе и не одна экспедиция за плечами, а вот получил сегодня вызов из Центра и целых три дня не находил себе места.

Радий Артурович Винтицкий уже ждал Азизова. Он поднялся навстречу космонавту, крепко пожал руку. Они были почти одногодками, и Винтицкий, до того как его избрали руководителем Центра, тоже немало полетал. И хотя они не участвовали ни в одной совместной экс-

педиции, тем не менее отлично знали друг друга и были на «ты».

Винтицкий переложил на столе какие-то бумажки, задал несколько общих вопросов о здоровье, настроении, о семье.

— Ну как, — спросил он наконец, — есть желание еще разок прогуляться по Галактике?

— Смотря что за прогулка, — осторожно ответил Азизов.

— Да тут рядом, — словно речь шла о соседней комнате, обронил Радий Артурович.

— Насколько я знаю, планируется только одна подобная экспедиция — Ренэ?

— Да, Ренэ.

Некоторое время сидели молча.

— Жарко! — первым нарушил молчание Азизов.

Винтицкий нажал на одну из клавиш пульта. В кабинет въехала тележка-автомат, уставленная бутылочками. Огибая стол, она подкатила к Винтицкому:

— Я не хочу, — отмахнулся тот.

Тележка развернулась и подъехала к Азизову.

Он взял с подноса высокий бокал, смешал лимонный сок с минеральной водой.

— А экипаж?

— Экипаж, как всегда, подбирает командир из кандидатур, предложенных Высшим Советом.

— Какой состав утвердили на этот раз?

— Три человека, причем вместе с командиром. Тебе предстоит подобрать еще двоих.

— Но почему столь ограничен экипаж?

— Совет решил, что этого достаточно. Во-первых, «Алмаз» наспигован автоматикой и кибернетикой, ну, а во-вторых, тот риск, которому вы подвергаетесь, не станет меньше, если на борту «Алмаза» будет еще тридцать человек. Кроме того... — Винтицкий замаялся.

— Я слушаю, — нетерпеливо проговорил Азизов.

— Кроме того, существует мнение, и к нему нельзя

не прислушаться, что на планете Ренэ земляне столкнулись с проблемой, которая, возможно, не будет решена в ближайшем будущем. На вас возлагается в основном разведывательная миссия. Вы должны собрать дополнительные данные и вернуться. Обязательно вернуться, слышишь, Олмос. Возможно, — он закрыл глаза и покачал головой, — еще не одна экспедиция побывает там, прежде чем мы разгадаем тайны Ренэ. Но учти, Олмос, это я говорю тебе одному.

— Ясно.

Винтицкий достал из ящика стола лист бумаги и протянул командиру.

— Вот список. Здесь двенадцать человек. Ты прекрасно знаешь каждого. Я не тороплю тебя, но... в общем, думай. — И он пододвинул к себе лежащий на краю стола журнал.

— Я беру Шахбоза Муратова, — едва взглянув в список, сказал Азизов.

— Муратов слишком молод.

— В его годы я налетал втрое меньше. У него светлая голова.

— Муратов неважный биолог и совсем плохой медик.

— Зато там понадобится отличный физик, прекрасный химик и знающий геолог. А Муратов как раз и является таким специалистом.

Винтицкий хотел еще что-то возразить, но воодушевленный Азизов перебил его:

— И кроме того, у Муратова есть качество, которым невозможно пренебрегать, особенно в нашем деле.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался Винтицкий, оторвавшись от журнала.

— Везучесть.

— Ну, знаешь!

— Знаю, — коротко отрезал Азизов. — Потому и говорю.

Винтицкий улыбнулся, развел руками:

— Что ж, тебе виднее... Будем считать кандидатуру Шахбоза Муратова утвержденной. Кто второй?

Азизов повертел список и отложил в сторону.

— Второго здесь нет.

Винтицкий с удивлением приподнял бровь:

— Как это понимать?

— Понимать это надо так, что второй член экипажа сидит в настоящий момент в Алма-Атинском метеоцентре и, возможно, даже не помышляет о путешествии на Ренэ. Его имя Укен Аvezов.

— Но ведь он не космонавт. Он, наверное, и с Земли никуда не выбирался.

— Почему же? Проходил практику на Венере, бывал на Сатурне. Неужели ты полагаешь, что я возьму неоперившегося птенца?

— Ренэ... — вздохнул Винтицкий и спрятал список кандидатов в стол. — Ну что ж... Пусть будет Укен Аvezов. Но, — он предостерегающе поднял указательный палец, — до включения в состав экспедиции этот твой Аvezов должен пройти испытания на тренажере.

— Не возражаю.

— Хорошо. Тогда срочно вызывай его сюда, а я попрошу, чтобы ребята подобрали для него подходящую программу.

После небольшой паузы Винтицкий спросил у Азизова:

— Ты тоже веришь в версию о песчаных бурях?

— Я считаю, что мы должны как можно подробнее изучить это явление. Только когда мы будем в полной уверенности, что песчаные бури безопасны, только тогда сможем начать поиски в других направлениях, — уклончиво ответил командир.

— Понятно. Кстати, а чертежи «Алмаза» ты просмотрел?

— Ну разумеется.

— Там небольшое изменение. Мы переделали посадочный блок.

— Я слышал об этом.

— Хочешь посмотреть макет?

Винтицкий прошел в угол кабинета и сдернул покрывало с какого-то громоздкого предмета. Под покрывалом был стеклянный куб, внутри которого на зеленой подставке покоился макет посадочного блока.

— Но ведь это... — пробормотал удивленный Азизов.

— Чему ты удивляешься? Конструкторы получили задание разработать особо устойчивый блок. И задание они выполнили, нашли оптимальную форму.

— Но ведь это точная копия камней с Ренэ! — воскликнул Азизов.

— Только гораздо больших размеров.

— И все же странное совпадение...

* * *

Укен Аvezов застегнул шлем с датчиками на контрольный контакт и, провожаемый подбадривающими взглядами проверяющих, спустился через узкий люк в камеру.

Странно! Еще две недели назад не было для него болсе интересного дела, чем подготовка к летней экспедиции в Гималаи. Там, в обсерватории Всемирного метеоцентра, он рассчитывал собрать недостающие данные для своей новой работы.

Неожиданно события круто изменили привычный уклад жизни.

Все началось с визита известного космонавта Азизова. Олмос Азизович приходил, чтобы навести справки о природе космических вихрей. Укен охотно давал пояснения. Ему было лестно, что знаменитый гость с таким вниманием и интересом слушает его.

Затем последовал вызов из Космического Центра, где Аvezову предложили пройти испытания на трена-

жере. «Зачем?» — недоумевал Укен. Он не собирается в полет. Но вот вчера появилось сообщение, что командиром звездолета «Алмаз» назначен Азизов. Нет ли здесь взаимосвязи с вызовом его в Космический Центр?

— Готовы? — послышалось в шлемофоне.

— Готов, — четко ответил Укен.

— До старта осталось тридцать секунд. Счастливого полета!

Там, «наверху», явно иронизировали. Ребята выполнили просьбу Винтицкого и подобрали ему «веселенькую» программу: Укену предстояло «совершить посадку» на планету Финтифлюшка.

— Спасибо за напутствие, — в тон ответил Укен. Чуть подумал и пообещал: — Ждите сувениры.

Закрылся люк. Погас свет. Кресло качнулось, и Укен почувствовал, что мчится с громадной скоростью по черному тоннелю.

Конечно, Укен не был новичком в космоплавании. С одной стороны, он отчетливо осознавал: все, что сейчас произойдет с ним, — произойдет не всерьез, не на самом деле, это имитация настоящего. С другой стороны, он прекрасно знал: сознание испытуемого настолько втягивается в тренажный процесс, что начинаешь относиться абсолютно реально к своим нереальным приключениям. И он волновался: сумеет ли не отвлечься, выполнить задание как надо? А главное — не попадет ли в смешное положение? Ведь там, «наверху», бесстрастно зафиксировается любой его промах.

Негромко запела сирена, давая знать, что корабль приближается к Финтифлюшке. Прямо в глаза ударил нестерпимо яркий зеленый свет звезды Корсар. На Финтифлюшку Укену нужно было сесть с теневой стороны. Почему — этого он не знал. Нужно было, и все — так приказывала программа.

Он развернулся и облетел планету. Диск Корсара исчез за ее краем. Мгновенно наступил непроглядный

мрак. Укен включил посадочные прожектора и начал снижение, то и дело поглядывая в иллюминатор.

Поверхность планеты была неровной. Повсюду торчали небольшие горбатые холмики, точно кочки в болоте. Выбрав холмик побольше и поровнее, Укен повел корабль к нему. У самой поверхности он включил тормозной двигатель. Корабль несильно ткнулся в грунт Финтифлюшки.

Облачившись в легкий скафандр, Укен вышел из корабля. Грунт под ногами был твердый как металл. Он спустился вниз с холма. В низинке грунт был таким же твердым. Поверхность планеты словно покрывал слой металла.

Вдруг в луче прожектора появилась из темноты какая-то глыба. Глыба медленно выползала из-за соседнего холма. Укен присмотрелся внимательно и вздрогнул. Он увидел безобразную пасть, два маленьких красных глаза и отвратительную ноздрию между ними. Страшилище оттолкнулось от почвы и потянуло к Укену две толстые лапы с желтыми длинными когтями. Чудище вдруг замерло на миг, и из его ноздри вырвалась зеленая молния. Укен почувствовал, как воспламенилась краска на скафандре, но не побежал к противопожарному устройству, усилием воли заставил себя остаться на месте, полагая, что это еще не самое страшное.

Из-за горизонта стремительно выбегал яркий Корсар. Повсюду отчетливо слышалось какое-то шипение, бульканье. Встревоженный Авезов посмотрел под ноги, где только что ощущал металлическую твердость грунта.

Поверхность Финтифлюшки таяла на глазах. Таяла так же, как тает лед, положенный на горячую плиту. Холмики еще держались кое-как, но в низинах уже переливалась и бурлила грязная густая жижа. Вот уже и холмики начали медленно погружаться в пучину этой расплавленной грязи.

Укен рванулся назад к кораблю, который уже покачивало на оседающем холме.

Старт! Немедленный старт!

Но бежать так бесславно с неизвестной планеты? Нет, не затем он сюда «летел»!

Укен обшарил взглядом приборную доску пульта управления, и тут его осенило. Мгновенно он ткнул пальцем в кнопку с надписью: «Холод».

Заработала холодильная установка, нагнетая холод вокруг корабля. Жижа быстро затвердевала. Вот уже целый островок наморожен вокруг корабля.

Укен вытер со лба холодный пот и включил двигатель. Корабль оторвался от поверхности и медленно «пошел ввысь».

Укен вздохнул облегченно.

Но корабль вдруг качнуло и повело куда-то в сторону. Он сбился с курса? Укен посмотрел на приборы. Проклятье! Он попал в замкнутый воздушный поток. Такие потоки не редкость в атмосфере Финтифлюшки. Теперь можно даже выключить двигатель, и корабль все равно будет выписывать бесконечные восьмерки.

Корабль подходил к верхней петле восьмерки. Укен нажимал на кнопки, стремясь выйти из петли по касательной. На мгновение корабль застыл в мертвой точке. Совсем немного оставалось ему, чтобы вырваться на свободу — для этого надо было лишь максимально увеличить тягу, но, к сожалению, никакого резерва энергии у Укена уже не было. Корабль снова свалился в петлю, а Авезов зажмурился от отчаяния.

Когда Укен снова открыл глаза, то не имел ни малейшего представления о времени. Сколько продолжался его полет? Месяц? Год?

— С благополучным возвращением! — слышался в шлемофоне голос дежурного. На этот раз, кроме иронии, в нем угадывалось и уважение. — Мы ждем вас!

Укен отстегнул ремни.

— Иду!

Поднялся через узкий люк в светлое помещение. Здесь толпилось человек десять-двенадцать, и среди них Азизов.

* * *

Азизов остался доволен «Алмазом». Что и говорить, корабль был отличный.

Опробование звездолета проводилось в районе обсерватории Крайней, занимающей в космосе место, диаметрально противоположное Плутону. «Алмаз» был опробован во всех режимах и заслужил самую высокую оценку командира.

В тот день произвели и испытание посадочного блока «Бургут».

До старта оставалось два дня.

Азизов улетел домой к семье, а Муратов и Аvezов обосновались пока на Крайней.

Шахбоз сидел в библиотеке, еще и еще раз просматривая чертежи посадочного блока. Решено было, что «Бургут» поведет он. Не упустить бы чего.

Поначалу работалось плохо. Он смотрел на белые листы, а воображение то и дело рисовало фантастические картины их полета — одну нереальнее другой.

Наконец он сумел сосредоточиться: кропотливо разобрал схему стыковочного узла и удовлетворенно хмыкнул. Ну вот! Удалось отыскать деталь, назначение которой было не совсем ясно. Значит, не напрасно просматривал чертежи вновь и вновь.

Шахбоз отодвинул от себя альбом. Куда это запропастился Укен? Пора, пожалуй, и ужинать. После ужина он полистает еще пару альбомов, что-нибудь почитает, а там и на покой. Проснется — уже будет завтра. Еще денек — и в путь! Скорее бы!

— Укен! — позвал Шахбоз.

Открылась дверь, вошел Укен. Одно полотенце у него было повязано на поясе, другое переброшено через плечо, в руке он держал большую ложку.

— Не пора ли ужинать? — спросил он Шахбоза с улыбкой на смуглом лице.

— Я для того и позвал тебя. Но что за вид такой? Зачем? — Шахбоз потянулся к кнопке вызова дежурного робота.

— погоди, друг! — остановил его Укен. — Не надо сегодня ни роботов, ни синтетической еды. Сегодня я тебя угощаю.

Они вышли в гостиную. Стол уже был накрыт. Посередине стоял небольшой котелок, плотно накрытый крышкой.

— Ну что ж, пировать так пировать, — весело сказал Шахбоз, усаживаясь за стол.

Укен разложил по тарелкам куски мяса и нарезанные квадратиками сочни теста. Отдельно разлил по чашкам бульон.

— Как называется эта божественная еда, чей дух щекочет мне ноздри? — спросил Шахбоз.

— Бешбармак. Кушанье моих предков.

Шахбоз покачал головой.

— Да, наши предки понимали толк в кулинарии. Этого у них не отнимешь. Ну что ж, за наш успешный полет! Может быть, ты и на «Алмазе» возьмешь на себя обязанности повара?

— Ты ешь, ешь, — подкладывал ему лучшие куски Укен.

Когда с бешбармаком было покончено, Укен вопросительно глянул на Шахбоза.

— А теперь можно вопрос задать тебе? В связи с нашими сегодняшними испытаниями защитного поля «Бургута».

— Давай. За такой царский ужин отвечу на любой твой вопрос, — весело разрешил Шахбоз.

— Только прошу тебя, Шахбоз, даже если тебе покажутся наивными мои вопросы, не смейся. Я ведь не профессиональный космонавт.

— Уж не прибедняйся, Укен. Спрашивай.

— Так вот. Объясни мне, какую форму имеет защитное поле «Бургута»?

— Но ты видел — «Бургут» по форме напоминает сплющенное яйцо. Точно такую форму имеет и защитное поле. Некоторым искривлением силовых линий у полюсов можно пренебречь. А где у «Бургута» полюсы, я думаю, ты знаешь.

— Ясно. Но насколько надежно это защитное поле?

— Давай продолжим прежнюю аналогию с яйцом. «Бургут» — это желток, а внешняя граница силового поля — скорлупа. Но скорлупа простого яйца — хрупкая, скорлупа же «Бургута» — его защитное поле — непроницаема для посторонних предметов.

— Иными словами, защитное поле как бы увеличивает толщину обшивки «Бургута»?

— Сам «Бургут», по сути, беззащитен и хрупок. Простой метеорит запросто пробьет обшивку. А наткнувшись на силовое поле, даже крупный метеорит мгновенно испарится.

— Понятно. Значит, «Бургут» — желток, защитное поле — скорлупа яйца. Пока «Бургут» опускается на чужую планету, пока он находится в атмосфере, яйцо остается яйцом. Но что происходит с силовым полем в момент приземления? «Бургут» так и не коснется грунта? Силовое поле под его днищем будет удерживать блок на некоторой высоте от поверхности планеты?

— В принципе это возможно, — ответил Шахбоз, — но нецелесообразно, так как требует огромного расхода энергии и ничего не дает.

— Значит, днище «Бургута» все же коснется планеты?

— Конечно.

— А что при этом произойдет с силовым полем?

— Линии, разумеется, искривятся в зависимости от свойств грунта. Теперь это уже будет не яйцо, а, скажем, пирожок. Но действие силового поля от этого не станет слабее.

— То есть «Бургут» по-прежнему будет защищен и снизу?

— Конечно.

— Так. Ну а тот кусочек грунта, который попал внутрь силового поля, внутрь скорлупы? Тот грунт, на котором будет стоять «Бургут»?

— Этот кусочек теперь будет составлять одно целое с кораблем, то есть он сам защищен от влияния извне. Но вот его влияние на корабль уже не зависит от силового поля. Ты это хотел услышать от меня?

— Да, это.

— Тогда учти следующую вещь. Перед посадкой этот самый грунт, о котором мы с тобой толкуем, прожигается и обрабатывается специальным облучением. Все бактерии, микробы, вся органика в нем уничтожается. Так что абсолютно никакой опасности он не представляет.

— Ясно.

— А зачем это тебе?

— Когда мы сегодня испытывали «Бургут» и садились на полигоне, я вдруг подумал об этом кусочке грунта. Ты ведь знаешь, я новичок в космосе.

Время было позднее, но сон не шел. Долго еще в гостиную звучали голоса Шахбоза и Укена.

* * *

Ренэ была единственной планетой затухающей красной звезды Годво. Название планета получила в свое время от имени известного астронома Ренэ, доказавшего ее существование теоретически.

Впрочем, не всегда мир звезды Годво состоял из одной планеты. Когда-то их было гораздо больше.

Но уже много миллиардов лет назад Годво вступила в пору заката. Она тускнела, гасла, истощала энер-

гию. Нарушались привычные связи. Планеты теряли скорость, уменьшался диаметр их орбит, и постепенно одна за другой они сваливались на красное светило.

И вот теперь на расстоянии семидесяти миллионов километров от Годво кружится в космосе единственный уцелевший кусочек материи, чтобы через несколько миллиардов лет разделить судьбу своих предшественниц.

Азизов переключил все системы корабля на автоматическое управление и облегченно вздохнул. Наконец-то они у цели! «Алмаз» — искусственный спутник Ренэ. Первый этап путешествия, можно сказать, закончился благополучно.

Через сутки они начнут исследования Ренэ. Через сутки, может быть, у них появится какая-то зацепка. А сейчас — отдых. Полный покой и отдых в восстановительных камерах.

Конечно, им хотелось взглянуть на Ренэ уже сегодня, прямо сейчас. Но командир был непреклонен: после семидесяти бессонных часов, пусть даже под пристальным наблюдением биорегуляторов, они нуждались в восстановлении сил.

Все сделанное ими до сих пор — всего лишь пролог. Настоящая работа начнется через сутки. И кто знает, каких сил потребует она от членов экипажа.

* * *

Олмос Азизович, Шахбоз и Укен в круглом зале «Алмаза» не спускали глаз с фиолетового экрана. Это поверхность планеты Ренэ переливалась на нем всеми фиолетовыми оттенками.

Автоматический телеразведчик парил в атмосфере Ренэ. До сих пор все шло хорошо, связь не прерывалась ни на минуту.

Внизу проплывала бескрайняя сиреневая пустыня. Кое-где высились темные растрескавшиеся валуны. Вокруг валунов, а также и на них самих лежали плоские овальные камни. Звезда Годво еще обладала достаточной энергией, чтобы нагреть их до семидесяти градусов по Цельсию.

Вдруг на одном из участков обозримой площади песок пришел в движение. По-видимому, мощные встречные потоки воздуха взвинтили песчаный смерч на высоту нескольких сотен метров. Песчинки кружились все быстрее и быстрее. Основание смерча начало увеличиваться в диаметре. Песчаный столб слегка наклонился в одну, потом в другую сторону, а затем, словно отыскав нужное направление, резко накренился и помчался по пустыне, увлекая за собой все новые и новые массы песка. Теперь это был уже не смерч — фиолетовая продолговатая туча неслась по пустыне, и из нее то и дело вылетали огромные валуны и рассыпались, ударяясь о землю.

— Ну что, — обратился Азизов к коллегам, — пожертвуем ради науки одним телеспутником?

— Конечно, — отозвался Шахбоз. — Уж лучше мы сами пожертвуем разведчиком, чем ждать, пока эта фиолетовая обманщица утянет его у нас без спроса.

— Бедный телеспутник! — притворно запричитал Укен. — Недолго парил ты в свободном пространстве. Так будь же последней жертвой на этой «благословенной и гостеприимной» планете!

Перейдя на ручное управление, Азизов быстро погнал телеспутник за вихрем и спикировал его вниз, чтобы автомат попал в самый центр песчаной тучи.

Изображение на экране заметалось, запрыгало, задергалось. Сам телеспутник трепетал в песчаных струях, как рыбка, попавшая в сеть. Его двигатели, достаточно мощные, почти не помогали ему. Его тянуло вместе с тучей к бледно-синим зубчатым скалам, появившимся

на горизонте. Азизов сориентировал телеспутник по ходу движения тучи, увеличил скорость почти до максимума, автомат с большим трудом, но все же выскользнул из бешено крутящихся потоков песка и воздуха. Командир поднял его на высоту, недоступную для смерча, и повернулся к космонавтам:

— Понимаете что-нибудь?

— Связь не пропадала ни на секунду, — возбужденно ответил Шахбоз. — Выходит, причина молчания «Фотона» вовсе не в песчаных бурях.

— У урагана практически нет опережающей волны, — проговорил Укен, — летящий песок не в состоянии экранировать даже радиосвязь, не говоря уже о точечном канале... Короче, по первому впечатлению это самый обыкновенный ураган. Разумеется, обыкновенный для этой планеты. Скорость, конечно, дикая...

— И вылетает вихрь совсем не из пещер, — подмигнул ему Шахбоз.

— Так я и думал... — пробормотал командир.

— Вы что-то сказали? — переспросил Шахбоз.

— Да, продолжаем обзор.

Телеспутник помчался в сторону зубчатых гор. За их стеной должно было тянуться ровное каменистое плато. Именно там замолчали первые автоматические станции, совершившие посадку на Ренэ. Именно там пропала и экспедиция Старка.

Горная гряда оказалась длинной и узкой. За ней потянулись ущелья, разломы, выходы на поверхность планеты каких-то каменных плит. В отвесных скалах виднелось множество пещер. В основном это были узкие трещины с обвалившимися краями. Но некоторые из пещер поражали своими размерами и очертаниями отверстий. Они были круглыми или же овальными. Что делалось в их глубине, различить было невозможно. Лучи Годво не проникали туда, а опускать телеразведчик ниже было рискованно, да и бесполезно.

За пещерами раскинулось каменистое плато — ров-

ный кусок скального пласта, на котором не удержаться ни одной песчинке, зато здесь было множество овальных камней, раскиданных тут и там.

— Стоп! — вдруг вскрикнули космонавты разом.

Телеспутник развернулся и, описывая плавные сужающиеся круги, приблизился к месту, так заинтересовавшему землян. Посредине плато высилось странное сооружение.

— Что это?! — воскликнул Шахбоз.

— Искусственное сооружение!.. — прошептал Укен.

— Да, искусственное сооружение, — нахмутив брови, ответил Азизов. — Перед вами «Фотон». Вернее, то, что от него осталось.

— «Фотон»!..

С ужасом и жалостью смотрели космонавты на остатки некогда славного корабля.

От звездолета остались, по сути, только внутренние перегородки. Обшивки не было, как не было и защитных экранов. Энергетический отсек представлял собой темную спекшуюся массу. Жилые помещения, главный пульт корабля, восстановительные камеры пришли в полную негодность.

У экипажа «Алмаза» до последней минуты теплилась надежда на спасение своих коллег. Но теперь...

Долго ходил по кругу телеспутник. Светился фиолетовый экран. Тихо и уныло было в круглом зале «Алмаза». Первым нарушил молчание Азизов. Впрочем, до него никто и не отважился бы заговорить. У Азизова на «Фотоне» были друзья...

— Впечатление такое, что корабль размонтирован, — мрачно произнес он.

— Похоже.

— Обратите внимание: внутренние перегородки почти не повреждены.

— Какой смысл космонавтам было размонтировать звездолет?

— Им — никакого!

— Значит...

— Значит, корабль разобрали другие.

— Но кто?

— Это нам с вами и предстоит узнать. Посмотрим, что с вездеходом, — проговорил Азизов.

Вездеход с «Фотона» обнаружили метрах в тридцати от входа в одну из пещер. Вернее, не сам вездеход, а то, что от него осталось — остекление кабины, несколько рубчатых ободов колес, пластиковые перегородки и щиты. Особенно поражало сохранившееся остекление кабины вездехода. Остекление изготовлялось из сверхпрочного сплава, а затем еще и намертво вделывалось в металлический корпус вездехода. Отделить остекление от корпуса самим космонавтам было практически невозможно. Такая необходимость вообще не предусматривалась конструкцией машины. Подобная операция никогда не проделывалась и на заводах. Если было нужно заменить корпус вездехода, то его меняли вместе с остеклением. Только такой способ обеспечивал надежную герметизацию корпуса. И вот теперь экипаж «Алмаза» с удивлением смотрел на остекление, аккуратнейшим образом отделенное от корпуса.

— Олмос Азизович, — заговорил Шахбоз, — обратите внимание, и на «Фотоне», и на вездеходе отсутствуют металлические части.

— Посмотрите, как умело размонтирован и корабль, и вездеход. Чувствуются навыки и сноровка.

— Да. Но этот великий умелец к тому же отличается и жестокостью. Разобрав корабль, он вольно или невольно способствовал гибели экипажа.

— Олмос Азизович, а может быть, сам экипаж по каким-либо причинам демонтировал корабль?

Азизов невесело улыбнулся:

— Исключается. В распоряжении экипажа нет для этого достаточных технических средств.

— Тогда кто это мог сделать?

— Не знаю.

— Разобрать «Фотон» могли только разумные существа. Возможно, они обитают в пещерах.

— Вряд ли. Раз уж они не побоялись выйти на поверхность и разобрать машины, то какой смысл им постоянно сидеть в пещерах? Да и выходы из пещер имели бы, вероятно, тогда другой внешний вид.

— А может быть, длительное пребывание на поверхности таит для них опасность?

— Какую? Метеоритной опасности нет. Атмосфера достаточно плотна. Песчаные бури не так уж и опасны. Да и можно предсказывать их. К тому же в районе плато они, по-видимому, бывают не часто. Но главное не в этом. Разумные существа, способные с таким поразительным мастерством разобрать инопланетный корабль, по-видимому, не отсиживались бы в пещерах, а разработали какие-то меры против грозящей опасности. Думается, что этот вариант отпадает.

— А может быть, они специально так? — подал голос Укен.

— Что — специально?

— Сидят в пещерах и ждут. А как только на планету опустится чужой звездолет, они хватают его — и с концами...

Космонавты рассмеялись.

— Укен, — спросил Азизов, — какова вероятность посадки на маленькую, затерянную на окраине Галактики планету чужих звездолетов? Сколько их наберется, скажем, за миллиард лет? И что же? Им сидеть ради этого ничтожного шанса в пещерах?!

Наступило молчание.

— Тогда, вероятно, кроме «Фотона» и нас, на Ренэ бывали и другие гости? Возможно, они и сейчас наблюдают за нами. Чем-то их привлекла к себе Ренэ.

Командир кивнул головой:

— Возможно. Однако, прежде чем подводить окончательную черту, давайте еще раз исследуем внутрен-

ности «Фотона». Если экипаж погиб, то должны ведь остаться тела или, в крайнем случае, скелеты.

Азизов вновь перешел на ручное управление аппаратом.

Телеспутник подлетел вплотную к «Фотону», затем осторожно нырнул в него и пошел кружить по этажам. С бьющимися сердцами наблюдали космонавты за экраном.

Вот сейчас появятся на нем неподвижные тела, разорванные скафандры... Напряжение достигло предела. Телеспутник достиг верхнего этажа, выскользнул из «Фотона» и поднялся над плато. В звездолете не было никого.

— Значит...

— Значит, они стали пленниками?

— Чьими?

— Тех, других.

— Возможно, даже живы до сих пор?

Азизов нажатием клавиши выключил экран.

— Товарищи, на основании всего увиденного нам необходимо принять решение.

Он встал с кресла, походил некоторое время в задумчивости по залу и заговорил снова:

— Мы здесь находимся с единственной целью — разгадать тайну Ренэ. Перед нашим отлетом высказывались различные предположения о свойствах Ренэ. Наиболее вероятной причиной прекращения связи считались песчаные бури. Это и понятно. Никаких других особенностей на Ренэ не обнаружилось. Мы видели песчаную бурю. Мы будем наблюдать и изучать другие подобные бури. Но уже сейчас можно сделать важный вывод — на связь песчаные бури не влияют. Значит, у планеты есть другая тайна, следов которой мы еще не нащупали. Возможно, дальнейший поиск сопряжен с громадной опасностью. И мы сейчас должны вынести решение, как нам поступить — продолжать поиск или же возвращаться.

Шахбоз вскочил с кресла, порываясь что-то сказать, но командир сделал предостерегающий жест:

— Я еще не закончил.

Он снова сделал несколько шагов по залу и продолжал:

— Подведем баланс: наши плюсы и минусы. Начнем с минусов. Наше полное незнание предмета поиска — раз, гибель «Фотона» и вездехода — два, странное состояние их останков — три, отсутствие экипажа — четыре. Наши плюсы: готовность к встрече с неожиданным — раз, усовершенствованное защитное поле — два, «Бургут» — три. Кроме того, как всем известно, если даже по каким-либо причинам «Бургут» не сумеет взлететь, то специальный электромагнитный блок все равно доставит его на «Алмаз». Это — четыре. Шансы вроде бы равны. А сейчас я хочу услышать ваше мнение. По традиции первым слушаем младшего. Давай, Укен.

Укен встал. Его обычно добродушное лицо было суровым.

— Сколько было хлопот перед отлетом сюда... И выходит, все напрасно? Ну, вернемся мы на Землю... А что скажем людям? Что причина вовсе не в песчаных бурях? Так об этом можно сообщить и по каналам связи. Корабль у нас хороший, мы... как будто тоже ничего... Не знаю... Мне, например, возвращаться стыдно...

Укен сел.

— Ты, Шахбоз?

Поднялся Муратов. Длинные, изогнутые, как у девушки, брови сошлись у переносицы. Вид точно у хищной птицы, рвущейся в бой. Горячие слова так и просятся на язык.

Но Муратов заговорил спокойно и рассудительно:

— Да, риск есть. И риск велик. Но ведь и Гагарин рисковал, когда впервые сделал виток вокруг Земли. Почему же мы должны быть лишены права на риск? Теперь о том балансе, который вы подвели. Разрешите

внести в него поправки. Во-первых, по уточненным данным, экипаж «Фотона» проявил беспечность при посадке на Ренэ. Они готовились к встрече только с песчаными бурями. Во-вторых, как известно, защитное поле «Фотона» было включено лишь после посадки корабля. А нужно было это сделать до того. В-третьих, экипаж «Фотона», совершив посадку на планету, лишил себя возможности отступить в опасный момент. Нами учтено и это, «Алмаз» остается на орбите. Итак, баланс в нашу пользу.

— Хорошо, Шахбоз. Садись.

Азизов подошел к своему креслу и опустился в него.

— Спасибо, друзья. Я не ошибся в вас.

Некоторое время он молчал, полужакрыв глаза. Потом заговорил глухо:

— Итак, нам следует проявить максимум осторожности и терпения. Порядок работы следующий. Сначала посадим «Бургут» на каменистое плато у пещеры. Без экипажа. Как известно, первые авторазведчики на поверхности Ренэ пробыли до момента прекращения сигнала около трех часов, «Фотон» — восемь. Увеличим это время наполовину и будем считать его контрольным. Это составит двенадцать часов. Если за двенадцать часов с «Бургутом» ничего не произойдет, будем считать, что испытания прошли успешно, после чего следующий рейс «Бургут» совершит вместе с экипажем. Порядок работы остается прежним. «Бургут» садится на поверхность и двенадцать часов находится в неподвижности. Если за это время не случится ничего непредвиденного, блок получит разрешение на перемещение и первым делом попытается продвинуться к пещере, возле которой лежат остатки вездехода. Теперь о составе экипажа...

Космонавты подтянулись. Кого же предпочел командир?

— Обстоятельства таковы, что двое из нас должны находиться на борту «Бургута». Ибо, по всей вероят-

ности, многое будет зависеть не от показания приборов, а от человеческих ощущений, от внимания, от визуального обзора, от умения сопоставлять и рассуждать. Работать придется в постоянном напряжении, а одному человеку это не под силу. Третий член экипажа остается на борту «Алмаза». Его задача — постоянный контроль за «Бургутом» и связь с ним, готовность в любой момент прийти на помощь, умение найти правильное решение. Ясно, что остающийся на борту «Алмаза» должен быть самым опытным из нас. К моему глубочайшему сожалению, таким космонавтом являюсь я.

При последних словах Азизова Шахбоз и Укен весело переглянулись, и Укен даже озорно подмигнул Шахбозу.

...Раздался щелчок тумблера. «Алмаз» заметно вздрогнул. Распахнулись створки его грузового отсека, и оттуда выплыл, слегка вращаясь, «Бургут», готовый к своей необычной работе.

* * *

Небо вокруг было такое же, как и везде на окраинах Галактики. Немигающие желтые звезды неярко светили из своих созвездий. Несколько звезд казались чуть крупнее. Одной из них было солнце.

Раскаленный диск Годво только что спрятался за горизонт. На каменистом плато наступила непроглядная фиолетовая ночь. Светящийся ореол всех оттенков фиолетового цвета окружил планету.

«Бургут» по-прежнему плавал рядом с «Алмазом». Вокруг него колдовали Шахбоз и Укен. Необходимо было осмотреть посадочный блок, наполнить его баки горючим, проверить систему шасси. Все это можно было сделать автоматически, не выходя из «Алмаза». Но Укен и Шахбоз, уже несколько утомленные длительным пребыванием в комфортабельных салонах корабля, упростили Азизова разрешить им сделать все эти опера-

ции вручную. Сейчас, облаченные в легкие скафандры, они парили в невесомости вокруг «Бургута».

Наконец осмотр закончили. «Бургут» был в полном порядке. Космонавты вернулись на «Алмаз».

Азизов включил приборы инфракрасного видения и дал команду «Бургуту» на автоматическую посадку.

Медленно вращаясь, «Бургут» пошел вниз. Из его дюз вырывалось голубое пламя. На экране снова появилось каменистое плато, остатки «Фотона» и вездехода, пещера.

Метрах в двенадцати от намеченной пещеры была удобная ровная площадка. Космонавты решили посадить блок на нее. Заработали боковые дюзы «Бургута». Теперь он двигался над плато на воздушной подушке. Медленно блок подобрался к площадке и осторожно опустился на грунт. Изображение на экране слегка дрогнуло.

Космонавты переглянулись. Не подведет ли «Бургут»?

Ослепительно вспыхнули его голубые прожекторы, круговую освещая все подступы к блоку. Яркий сноп света ворвался в мрак пещеры. Можно было разглядеть шероховатость стен, выступы и разломы. Сразу за входным отверстием пещерный лаз круто поворачивал в сторону. Куда он ведет, можно было только гадать.

Космонавты посмотрели на часы.

— По часам звездолета, — подытожил командир, — сейчас восемь часов 15 минут. Значит, «Бургуту» оставаться на Ренэ двенадцать часов. А мы тем временем подкрепим силы. Но одновременно придется и нести вахту.

* * *

Трудно передать, с каким напряжением космонавты смотрели на экран, когда часовая стрелка приблизилась к четырем. Уже около восьми часов «Бургут» на-

ходил на поверхности Ренэ. Ровно столько, сколько пробыл на ней «Фотон».

Часы показали половину пятого, затем пять, шесть, семь. Связь с «Бургутом» не прекращалась. Все было в норме.

Ровно в восемь пятнадцать командир дал «Бургуту» команду на взлет. Испытания прошли успешно, но выглядел Азизов встревоженным.

— Неужели мы что-то просмотрели? — прошептал он.

— В чем дело, Олмос Азизович? — не удержался Укен. — Полный порядок, по-моему!

— В том-то и беда, что полный порядок, — отозвался Шахбоз.

— Да, — согласился с ним командир, — мы не приблизились к разгадке ни на шаг. По-прежнему неизвестно, с какой стороны ждать опасность и насколько готов к ней «Бургут».

— Олмос Азизович, а может быть, уже нет никакой опасности? Раньше что-то было, а сейчас нету. Ну, допустим, побывали здесь посланцы другой цивилизации, увезли с собой экипаж «Фотона» и оборудование звездолета, а теперь планета опять необитаема, как и миллионы лет до того.

— А не кажется вам, что это слишком странное совпадение: одновременное прибытие на Ренэ «Фотона» и других гостей?

— Но они могли попросту иметь тут свой сторожевой пост. А затем, приняв сигнал, прилететь сюда, — продолжал развивать свою мысль Укен.

— Всего за восемь часов? А в случаях с автоматическими станциями даже за три?

— И потом, какая-то слишком странная цивилизация: зачем бы им похищать с необитаемой планеты экипаж другого мира и демонтировать чужой звездолет? — добавил Шахбоз. — Нет, тут что-то не то.

— Считаю необходимым исследовать пещеру, — твердо проговорил Азизов.

— А может быть, все-таки что-то произошло? Мы не заметили, а защита «Бургута» выдержала.

— Во всяком случае, «Бургут» доказал, что способен подолгу оставаться на поверхности.

— Надо садиться.

Азизов положил руки на плечи своих спутников.

— Надевайте скафандры. Готовьтесь к посадке.

— Есть!

* * *

Медленно кружась, «Бургут» во второй раз опустился на каменистое плато. Чтобы не рисковать понапрасну, космонавты посадили его на прежнее место у пещеры. Сразу же вышел на связь Азизов.

— С благополучным приземлением! Как самочувствие?

— Отличное!

— Осмотрелись? Что удалось установить?

— Особых новостей нет. «Бургут» находится в устойчивом положении. Под нами гладкая площадка без камней. Вообще-то таких мест здесь немного. По плато в беспорядке разбросаны огромные валуны, а вокруг них множество овальных камней поменьше. Сама поверхность плато производит странное впечатление — она вся покрыта небольшими лунками.

— Лунками?

— Да, диаметром примерно в пять-шесть сантиметров.

— Эти лунки образуют какой-нибудь рисунок?

— Нет, расположены бессистемно.

— И под «Бургутом» лунки тоже есть?

— Да, и превеликое множество.

— Ну, хорошо, а что пещера?

— Пещера представляет собой горизонтальный тон-

нель с очень неровными краями. По-видимому, образовалась в результате выветривания пласта легкой породы. Высота — три метра, ширина — семь. Мы ее просматриваем метра на четыре. На этих четырех метрах ничего интересного нет. Да, кстати, лунок перед входом в пещеру нет.

— Олмос Азизович! — послышался взволнованный голос Укена. — Я увидел! Увидел!

— Что ты увидел, Укен? — спросил Азизов, представив себе, как тот моргает сейчас левым глазом.

— У самой скалы лежит какая-то голубая штука!

— Это, кажется, панель с «Фотона», — заключил Шахбоз.

— Панель с «Фотона»? Как же она попала туда? Ведь сам «Фотон» далековато от скалы, верно?

— Да, 4 километра 560 метров.

— Может быть, на ней что-нибудь написано? Или нанесен какой-нибудь знак?

— Панель слегка присыпана грунтом. Отсюда не разобрать.

— Ребята, панель необходимо взять.

— Ясно, Олмос Азизович, — отозвался Шахбоз, — я мигом.

— Нет, Шахбоз, — ответил командир, — уже не получится.

— Что такое?

— Не хотел вам говорить, думал, пройдет мимо... В восточной пустыне недавно образовался гигантский смерч. Он мчится в вашу сторону, пройдет над вами через несколько минут. Приготовьтесь. Введи в действие присоски. Возможно, нас уже испытывают...

— Ничего страшного. Выдержим.

На экране замельтешил фиолетовый песок. Корпус «Бургута» слегка раскачивался. Раскачивался вместе с защитным полем. Ветер выл, как голодный волк. Телелокаторы не могли пробить бешеные струи песка. Фиолетовая туча клубилась над плато. Однако связь не

прекращалась. Космонавты заверяли, что «Бургут» ведет себя выше всяких похвал.

Два часа продолжались сумасшедшие пляски ветра и песка. Наконец буря улеглась. На плато снова полились жаркие лучи Годво.

— Кажется, выдержали, Олмос Азизович, — с гордостью докладывал командиру Шахбоз. — Все системы корабля функционируют нормально.

— Хорошо. Что с панелью?

— Панель исчезла.

— Это неудивительно после такого вихря.

— Разрешите поискать.

— Ну, искать ее придется на площади в несколько тысяч квадратных километров.

— Но все-таки? Вдруг где-нибудь зацепилась? Одино шанс из тысячи у нас есть.

— Что ж, придется отпустить тебя. Но только под защитой силового поля.

— Разумеется.

Азизов в кабине «Алмаза» уже встал, чтобы приготовить себе лимонный сок с минеральной водой, но в этот момент его остановил растерянный голос Шахбоза:

— Олмос Азизович, кто-то сложил вокруг «Бургута» камни...

— Не понял... — Он и в самом деле ничего не понял.

— Ну, эти овальные камешки... Они сейчас лежат вокруг корабля, как раз на границе силового поля.

— Раньше их не было?

— Кажется, нет...

— Кажется или не было?

— Мы поначалу не обратили внимания... А сейчас это очень хорошо заметно.

— А как лежат камни? Стеной? Или в один слой?

— В один слой, как будто кто-то хотел вымостить площадку вокруг корабля.

— И все это произошло во время бури?

— Похоже.

— Очевидно, именно буря принесла с собой камни, а наше силовое поле сложило их вокруг корабля?

— Я снова увидел ее! — ворвался в радиорубку ликующий голос Укена. — Вот она лежит!

— Кто?

— Та голубая штука с «Фотона». Ее задуло в пещеру.

— Ты не ошибся, Укен?

— Он прав! — подтвердил и Шахбоз. — Панель задуло в пещеру. Правда, мы видим только один уголок, но сомнений быть не может — это она.

— Надо ее достать.

— Я достану, Олмос Азизович.

— Подведите «Бургут» как можно ближе к пещере. Необходимо, чтобы панель оказалась в зоне силовой защиты. Только после этого разрешаю выход из корабля.

— Ясно.

— Шахбоз, поручаю достать панель тебе. И не мешкай. Возьмешь панель и тут же возвращайся на корабль. А ты, Укен, все время будь на связи.

— Ясно.

«Бургут» опять вздрогнул. Это вышли из-под днища его шасси. Неторопливо корабль приблизился к пещере. Открыв люк, Шахбоз спрыгнул на грунт и вошел в пещеру.

И в тот момент, когда он скрылся в широком отверстии, на экране промелькнуло такое, чему Азизов отказался верить.

Собственно, в горе было несколько пещер. Космонавты заинтересовались именно этой лишь потому, что возле нее погиб вездеход с «Фотона». Это была самая крупная пещера. Другие казались поменьше. Возле одной из них лежал громадный валун, видимо, заброшенный сюда бурей. Этот валун скрывал от «Бургута» вход

в соседнюю пещеру. Но Азизов при помощи телеспутника видел все.

С изумлением увидел он, как из этой пещеры выбралось на плато неведомое существо. У существа была квадратная голова и огромный горб на спине.

Передвигалось оно на двух конечностях. Кожа его была ядовито-желтого цвета.

Существо постояло у входа, затем, переваливаясь при ходьбе, обогнуло камень и приблизилось к «Бургуту».

Потрясенный Азизов закричал:

— Укен! Укен! Немедленно возвращай Шахбоза назад! Укен!

Ответа не было.

Шахбоз не появлялся из пещеры.

Желтое горбатое существо, все так же переваливаясь, подошло к «Бургуту» вплотную. «Что же с защитным полем?» — пронеслось у Азизова. Как замороженный, смотрел он на экран, чувствуя свою полную беспомощность.

Вдруг в «Бургуте» открылся люк. Его открыл сам Укен. Существо ввалилось в корабль. Прошло несколько томительных минут.

Шахбоз все не появлялся.

Люк «Бургута» снова открылся, появился загадочный обитатель планеты Ренэ, а за ним... Укен.

Существо по-прежнему переваливалось при ходьбе, Укен же прыгал из стороны в сторону, точно заяц.

Так они приблизились к пещере и вскоре скрылись в ней.

* * *

Кто мог предположить подобное?! Да что там предположить! Кто поверит в это?

Если он передаст подобное сообщение на Землю, там решат, что Азизов спятил. Известный космонавт и командир корабля Азизов от страха сошел с ума!

На Земле хорошо известно, что планета Ренэ необитаема. Жизнь на ней невозможна!

В Космическом Центре с предельной серьезностью отнеслись бы к любому его сообщению о необыкновенных свойствах песчаных бурь, о грандиозных сотрясениях почвы, об извержениях вулканов, о потоках раскаленной лавы, о магнитных полях и радиоактивной пыли, но — такое!..

Да, сомнений быть не может: в Космическом Центре его сообщение о гибели экипажа и появлении живого существа на Ренэ, причем существа разумного, ибо оно сумело каким-то образом отключить защитное поле и повлиять на поступки Укена, примут за бред.

Первым его чувством было отчаяние, а первым желанием — стремление мчаться на помощь.

Но какую помощь мог оказать он своим товарищам? Опуститься на каменистое плато рядом с пещерой и тем самым увеличить число жертв? Ибо несомненно, что желтокожие ренэйцы завладеют тогда и «Алмазом», и его командиром.

Облучить пещеры? Но горные складки хорошо защищают подземные галереи от любого излучения.

Обстрелять горы? Но это значит заживо похоронить космонавтов, которые, может быть, еще будут долго жить. Будут жить... Где?

Шахбоз... Укен... Ребята... Где вы?

Шахбоз, такой суровый на вид и такой мягкий и уступчивый, когда речь идет о товарищах.

А Укен? Этот круглолицый добродушный метеоролог, которого он вытащил из лаборатории и которого погубил здесь! Стоило ли это делать?!

«Конечно, стоило, — возразил себе Азизов. — Укен был нужен на Ренэ. Во-первых, это он сделал самое точное заключение о песчаных бурях, в опасность которых мало верил я сам, но которым придавалось решающее значение на Земле. А во-вторых, только человек, непривычный к космическим путешествиям, обладаю-

ший свежестью восприятия, мог заметить нечто, имеющее отношение к загадке Ренэ...

Укен был таким человеком.

«Был!» — это слово хлестнуло командира по нервам. Был!

Какое проклятое слово!

Оно вдруг заполнило собой весь корабль.

Как лев, загнанный в клетку, метался Азизов по просторному салону «Алмаза».

То он упрекал себя в беспечности и недальновидности, то поражался, вспоминая горбатое существо, то с жадностью всматривался в экран, надеясь, что вот-вот из пещеры выйдут Шахбоз и Укен...

Он расслабился на какое-то мгновение, пришел в отчаянье, как и всякий смертный... Но он был командиром, а командирский долг повелевал действовать. Еще предстояла борьба. Напряжение спало. Надо было все взвесить спокойно, трезво, расчетливо.

Что делать в ближайшем будущем, Азизов знал. Он будет вращаться вместе с планетой, будет вести неусыпное наблюдение за пещерой. С помощью восстановительной камеры можно сохранить длительную работоспособность без сна.

Надо раздобыть веские доказательства существования на Ренэ горбунов с квадратными головами. Надо, чтобы на Земле поверили в них. Надо доказать, что тайна Ренэ запрятана глубже, чем предполагалось.

Немедленно надо составить донесение для Космического Центра.

Так думал он в ту минуту, когда больше всего на свете ему хотелось посадить «Алмаз» на плато и броситься в пещеру на поиск своих спутников.

Азизов не страшился грозящей опасности. Его оstantавливал долг перед Землей.

Знания давались людям нелегко. За них нередко приходилось расплачиваться жизнями людей. Может быть, так будет не всегда... Но пока...

Из пещеры вышли двое: Шахбоз и обитатель Ренэ. Они подошли к «Бургуту» и вдруг полезли под его днище. Через минуту Шахбоз забрался в «Бургут» и вытащил из него инструменты. С ними опять полез под посадочный блок.

Наконец после довольно долгого пребывания внизу Шахбоз и абориген выбрались наружу. Через открытый люк они зашли внутрь корабля, люк захлопнулся. «Бургут» дрогнул и, медленно вращаясь, начал подниматься над поверхностью.

И вновь, как зачарованный, смотрел Азизов на происходящее. Когда надежда на успех экспедиции была уже почти потеряна, вдруг появился и Шахбоз, и таинственный житель Ренэ. Более того, «Бургут» несет их к «Алмазу». И Укен наверняка жив-здоров — в это Азизов уверовал сразу, как только увидел Шахбоза.

Неужели тайна Ренэ разгадана?..

«Бургут» остановился метрах в ста от звездолета. Азизов опять встревожился. Что случилось?

Распахнулся люк. Шахбоз вышел в космос. Но что он делает? В руке у него фонарик, и он то включает его, то выключает.

Азизов мгновенно понял — сигнализирует. У них на «Бургуте» что-то случилось с радиосвязью, и Шахбоз догадался прибегнуть к помощи азбуки Морзе.

«Бургут» заражен, не приближайтесь к нему, приготовьте дезинфекционные камеры и два комплекта стерильной одежды», — просигналил он.

Гася и включая свет в салоне, командир ответил: «Вас понял, через минуту все будет готово». — «Отправляйте блок обратно на Ренэ», — просигналил Шахбоз.

Тем временем и второй пассажир «Бургута» выбрался в космос. Сейчас на них падали огромные черные тени звездолета, и рассмотреть аборигена Азизову никак не удавалось. Путники подлетели к шлюз-камере.

Азизов нажал на клавишу. Распахнулись створки шлюз-камеры, пропустив в звездолет Шахбоза и его спутника.

Дезинфекция обычно длилась около десяти минут. О чем только не передумал Азизов за эти долгие десять минут, каких только картин не нарисовало его воображение! Вот сейчас он увидит жителя подземных пещер Ренэ. Неужели Шахбозу и Укену удалось установить с ними контакт?

Погасли красные лампочки на пульте. Период дезинфекции закончен. Распахнулись внутренние створки шлюз-камеры.

По коридору зазвучали шаги.

Азизов умышленно выключил все телеустановки. Он не хотел смотреть на экран. Он должен увидеть все своими глазами.

Вот шаги уже рядом.

Азизов поднялся навстречу.

Два человека вошли в зал.

Командир ожидал чего угодно, но не этого.

В салон вошли Шахбоз и Пит Старк, командир «Фотона».

* * *

— Не правда ли, мы преподнесли вам сюрприз? — проговорил Старк, пожимая Азизову руку.

— Пит, дружище, ты? — только и мог вымолвить командир «Алмаза».

В общем-то, они не были большими друзьями, хотя, конечно, хорошо знали друг друга. Но сейчас не было для Азизова более дорогого и близкого человека, чем Пит Старк. Он даже про Шахбоза забыл.

Пита Азизов видел последний раз на Крайней — Старк готовился тогда к полету на Ренэ, а Азизов испытывал звездолет «Титан».

Тогда Старк был розовощеким мускулистым здоро-

вячком, только-только вступившим в свой шестой десяток. А сейчас в салоне стоял седой худощавый старик. Пришлось ему, наверное, хлебнуть горя за это время. Но все же держится бодро, улыбается.

— Олмос Азизович, — напомнил о себе Шахбоз, — надо подготовить стерильную одежду, а также освободить несколько помещений. Через некоторое время «Бургут» доставит сюда Укена и весь экипаж «Фотона».

— Не весь, — помрачнел Старк, — четверых мы похоронили здесь.

— Четверых! — ответил Азизов. — Да мы всех давно похоронили!

— Значит, долго жить будем, — отшутился Старк и спросил чуть тише: — И на Земле тоже нас похоронили?

— Нет! На Земле вас ждут. — Азизов знал о привязанности Старка к семье и ответил как можно решительнее.

У Старка промелькнула благодарная улыбка.

А Азизов уже забрасывал его вопросами:

— Но как вы спаслись? Что случилось с «Фотоном»? Вы разгадали тайну Ренэ? А о том, что твое последнее сообщение было принято на Земле только наполовину, ты знаешь? «Ни в коем случае не садитесь на Ренэ, не изучив...» И все...

— Да, Шахбоз мне говорил.

Азизов повернулся к Муратову:

— А что с «Бургутом»? Да рассказывайте же наконец!

— Олмос Азизович, я все объясню, но, чтобы соблюдалась последовательность, начать, наверное, следует не мне.

— Ты спрашиваешь, разгадана ли тайна Ренэ? — переспросил Старк. — Ну, что же, слушай нашу одиссею и решай сам, в какой степени мы разгадали ее.

Тут он увидел на столике лимонный сок и минеральную воду.

— Сто лет не пил лимонного сока.

Смешав в бокале напитки, он с удовольствием выпил коктейль.

— Самую большую ошибку мы допустили, когда приняли решение посадить «Фотон» на Ренэ. Но у нас не было особых причин опасаться. Планета на сто процентов выглядела безжизненной и необитаемой. Песчаные бури нас не очень-то пугали. Повредить «Фотону» они не могли. Итак, мы сели на плато и сразу же приступили к исследованиям. Что произошло в последующие восемь часов, и ты, и в Космическом Центре прекрасно знают. Мы спустили вездеход и направили его к пещере, чтобы осмотреть ее — чистая формальность. В это время остальные члены экипажа занялись проверкой и осмотром систем корабля.

Ваш механик Адам залез под самое днище корабля, чтобы проверить систему стабилизации. И там он увидел такое... Все днище «Фотона» покрывали маленькие овальные камушки.

— Как это — покрывали?

— Так же, как улитки покрывают понравившийся им лист.

— Ты хочешь сказать, что камни присосались к днищу?

— Этого мало. Камни по шасси добрались до корпуса и уже потом присосались к днищу.

— Но ведь это, Пит... Ведь это — жизнь?!

— Да, Олмос. Это можно назвать неорганической жизнью. Представляю, сколько именитых мужей набросятся на нас с кулаками за эту новость. Но давай об этом поговорим позже. А сейчас разреши мне закончить рассказ.

Итак, Адам увидел множество камней под днищем. Но главное заключалось в другом. Эти камни с удивительной жадностью пожирали металл. Правда, «пожирали» не совсем точное слово. Они каким-то образом разлагали металл на элементарные частицы, поглощая

при этом всю выделяющуюся энергию. Этот факт мы установили уже позднее.

— Невероятно!

— Они совершенно не интересовались неметаллическими деталями. Их привлекал только металл. Адам — парень проворный. Он тут же примчался ко мне и все выложил. Как раз в это время у меня пропала связь с вездеходом. Я слушал Адама, вспоминая погибшие автоматические станции, и вдруг как-то интуитивно почувствовал причину опасности. Немедленно выйдя на связь с Землей, я прокричал изо всех сил: «Ни в коем случае не совершайте больше посадок на Ренэ, не изучив природы овальных камней».

Однако не успел я докончить фразы, как в салоне погас свет. Значит, камни уже добрались до энергоблока. Всего лишь восемь часов понадобилось им, чтобы прогрызть брюхо корабля и добраться до его сердца. Как часто я укорял себя впоследствии, что в ту роковую минуту не мог выразиться кратко. Стоило мне крикнуть: «Бойтесь камней!» — и на Земле поняли бы меня. Но что поделаешь?! В минуту волнения зачастую поступаешь вопреки логике. Я знал, что последние мои слова не дошли до вас. Это и угнетало меня. Итак, после того как погас свет, мы все ринулись вниз, вооружившись кто чем мог. Увы! Опять мы действовали в спешке. Мы принялись очищать поверхность корабля от налипших камней, позабыв, что в наших скафандрах есть металлические части. Так мы сразу же потеряли двух своих товарищей.

— А камни вам удалось счистить?

— Не больше десяти процентов. У всех начала чесаться кожа. Потом на ней выступили красные пятна. Видишь?

— Вы установили причину их появления?

— Это ожоги. Итак, мы почти бесполезно воевали с камнями, а они тем временем сожрали корабль почти на треть. Мы поняли, что, если не примем срочных

мер, овальные камни не остановятся до тех пор, пока не сожрут весь наш металл, в том числе и на скафандрах.

Это были трудные минуты. Два наших товарища уже лежали мертвыми среди камней-пожирателей.

Надо было срочно создать внутри корабля хотя бы одно герметически закрытое помещение, не имеющее в обшивке ни грамма металла. Вы знаете, что «Фотон» был разделен на секции пластиковыми перегородками. Но ведь все кабинеты, каюты, проходы, камеры и лаборатории группировались вокруг вертикального ствола, сделанного из металла. Кроме того, вся внешняя обшивка «Фотона» также была металлической.

Без споров мы решили заняться нашей гостиной. Это было самое объемное помещение на корабле. Мы разделились. Половина людей сдирала обшивку со стен других помещений, таскала листы пластика в гостиную и, прикладывая их друг к другу, заливала швы универсальным клеем. На всякий случай мы решили положить на стены гостиной три слоя такого покрытия. Кроме того, для полной безопасности пришлось оборвать все каналы энергии, связи и управления, стекающиеся сюда. Мы установили на панели несколько аккумуляторных батарей, и они кое-как освещали коридоры гибнущего «Фотона».

Другая половина экипажа занималась тем, что тащила в гостиную все, что могло нам пригодиться впоследствии.

Прежде всего перенесли продукты, весь запас кислорода, научные приборы, аккумуляторы, книги. Особенно много хлопот доставили продукты. Провизия хранилась у нас на третьем этаже, а гостиная расположена на шестом. Роботы уже не работали, транспортеры бездействовали... На ходу оставался один-единственный автоматический погрузчик. Грузчик перевозил контейнеры потяжелее, а все прочее наши ребята перенесли на собственных руках. Вот тогда я порадовался,

что всегда требовал от них хорошей физической подготовки.

Мы собрали едва лишь половину того, что намечали, когда по коридорам «Фотона» стало опасно ходить. Повсюду зияли дыры. Овальные камни, которые мы тут же окрестили «улитками», медленно ползли по стенам, потолкам и переходам, оставляя за собой пустоту. Корабль несколько раз наклонялся и вздрагивал. Мы догадались, что он оседает, лишенный надежного металлического основания.

Еще две-три ходки — и мы забаррикадировались в гостиной, не зная, чего нам ожидать в ближайшее время. Быть может, поглотив металл, «улитки» примутся за все прочее?

Но от такого ожидания можно сойти с ума. Надо чем-то заниматься, что-то делать, чтобы не оставалось места отчаянию.

Мы начали с ревизии принесенных вещей. С кислородом и продуктами дело обстояло неплохо: запаса хватало года на два-три. Гораздо хуже мы были обеспечены техническими средствами. Автоматический погрузчик, пара лазерных автоматов, несколько сотен аккумуляторов — вот и весь арсенал. А главное — у нас не было средств для точечной связи с Землей. Единственное, чем мы располагали в этом смысле, — радиосвязь. Мы отправили сообщение, — Старк невесело улыбнулся, — оно, видимо, все еще идет к Земле.

Азизов кивнул.

— Правда, у нас были другие приборы, и мы надеялись со временем скомбинировать из них что-нибудь стоящее. Как говорит старая пословица: «Голь на выдумки хитра».

Отсиживались мы в своем убежище около семидесяти часов. Первые сорок часов «Фотон» продолжал оседать, из чего мы заключили, что поедание продолжается. Наконец наступил относительный покой. По-видимому, «пиршество» «улиток» окончилось. Нас не трога-

ли. Никто не буравил легких стен нашей призрачной крепости. Нужно было самим отважиться на вылазку. И мы отважились.

Но прежде крепко намучились со скафандрами. Необходимо было заменить в них все металлические детали. На первый взгляд занятие довольно простое. Но когда приступили к нему вплотную, то ахнули, каким огромным количеством металлических деталей начинен скафандр. Особенно много возни было с гермошлемом. Наконец нашли простой выход, взяли несколько пластмассовых коробок из-под крупы, врезали в них стекло — и готово. А вообще, скажу откровенно, наши ребята проявили настоящие чудеса смекалки, прежде чем скафандры стали пригодными для выхода на поверхность Ренэ. Для верности мы их обмазали изоляционным лаком — ярко-желтым и довольно скверно пахнущим.

— А я принял вас за местных чудищ, — признался Азизов.

— Рано или поздно ты бы, Олмос, разобрался. Успокоился бы, все взвесил и понял, кто на самом деле эти желтые горбуны.

— Я обязан был узнать сразу, — огорченно ответил Азизов.

— Ну! — успокоил его Старк. — Если бы мы узнавали все сразу, то в космос и летать-то стало бы неинтересно. Итак, на четвертые сутки пребывания на планете пятеро космонавтов из нашего экипажа вышли из гостиной. Среди них был и я. Неутешительное зрелище предстало перед нашими глазами. Голый остов обглоданного корабля, у пещеры такой же обглоданный вездеход и безмятежные «улитки», возлежащие на плато. Остаться в «Фотоне» дольше было опасно. Сильные бури могли перевернуть нашу клетку и тем самым разом покончить с нами. Надо было искать убежище понадежнее. Мы сразу же обратили внимание на пещеры.

На второй день после выхода из гостиной добрались до пещер. Как они образовались, мы и понятия не имели,

но, к нашему счастью, «улиток» здесь не было совсем. Как мы заметили позднее, они вообще избегают тени.

С пещерами нам почти сразу же повезло. Отыскивали огромный подземный зал, имеющий несколько выходов на плато. Потом начали перетаскивать туда все уцелевшее с «Фотона». Неметаллы удалось перенести в довольно спокойной обстановке, если не считать того, что до пещеры от «Фотона» напрямую было около пяти километров, груза несколько сот тонн, а нас семнадцать человек, одетых в неуклюжие скафандры. Вот это была эпопея! Но что началось, когда мы взялись за металл! Нечего и говорить, что автоматический погрузчик мы потеряли сразу же. «Улитки» сожрали его за три часа полностью. А когда таскали в пещеру банки, приборы и аккумуляторы, нас самих едва не сожрали, несмотря на то, что для «улиток» мы совершенно несъедобны. Мы делали так: пятеро несли поклажу, а остальные отбивались от «улиток». К тому времени мы уже кое-чему научились.

Перетаскивание у нас заняло не одну неделю.

— А потом? Ведь у вас еще оставалось столько времени до нашего прилета.

— О, нам и тут не приходилось скучать. Четверо наших работали над устройством точечной связи. Мы еще не потеряли надежды связаться с Землей. Остальные изучали Ренэ. Песчаные бури, «улиток», Годво. Кроме того, мы ждали. Мы ждали, не появится ли на ночном небе маленькая движущаяся звездочка. Мы установили ночные дежурства и каждую ночь обшаривали небольшим телескопом небо. Скажу откровенно, нас поддерживала только вера в эту звездочку.

Мы вели вахтенные журналы. Там записано немало интересного. Не знаю, как получилось, но мы прозевали ваш прилет. Может быть, потому, что не ожидали его так быстро. Прозевали мы и первую посадку «Бургута».

— Извини, Пит, я тебя перебыю. Почему «Бургут» в первый раз не подвергся нападению «улиток»?

— Чистая случайность. «Бургут» сел на площадку, на которой первоначально не было «улиток». Когда же те почувляли металл и двинулись к кораблю, то наткнулись на силовое поле. Во время же второй посадки «Бургут» тронулся к пещере и поневоле проехал по «улиткам», они оказались внутри силового поля. И тут-то камни немедленно набросились на блок. К счастью, их оказалось немного, и они не успели существенно повредить «Бургут». Но обшивку местами попортили. Мы с Шахбозом залатали прорехи, однако вводить «Бургут» в соприкосновение с «Алмазом» не рекомендуем.

Итак, я остановился на том, что первую посадку «Бургута» мы проморгали. Но вторую засекли почти сразу. Дальше рассказывай ты, Шахбоз.

— Мы подъехали к пещере, и я пошел за панелью, — начал Шахбоз. — Поднял панель, сделал из любопытства еще несколько шагов и заглянул за поворот подземного хода. Я увидел освещенную галерею, уставленную панелями с «Фотона» и деталями оборудования. Галерея вела в обширный зал, посередине которого высилось некое подобие дома без окон, с единственной дверью. Я стоял и смотрел на этот дом, как вдруг в моих наушниках раздался голос: «Друг! С тобой говорит капитан «Фотона» Старк. Подойди к домику и войди в него».

— Да, — подтвердил Старк. — Мы хотели, чтобы Шахбоз зашел в наше герметизированное помещение сам и увидел нас без скафандров. Ибо, чего доброго, и он принял бы нас за каких-нибудь подземных обитателей.

Что касается Укена, то с ним нам тоже удалось связаться по рации. Передатчик у нас слабенький, радиус уверенного приема до километра, так что на «Алмазе» нас не было слышно.

Мы сообщили Укену о себе. Укен удивился, обрадовался, спросил, у нас ли Шахбоз. И буквально тут же связь оборвалась. Мы поняли, что «улитки» добрались

уже и до «Бургута». Следовало спешить. Надо было немедленно объяснить Укену опасность хотя бы прикосновения к «улиткам». «Бургут» стоял уже лишенный связи, со всех сторон к нему медленно стекались «улитки». Адам — а это был он — подошел к кораблю. Укен открыл люк, Адаму пришлось забраться в блок и там давать пояснения Укену.

Тем временем мы настроили прибор, который успели сконструировать специально для борьбы с «улитками». Есть у них слабое место — очень чувствительны к электрическим разрядам, действующим на определенные точки их тел.

Потом небольшая возня под днищем «Бургута» — и вот наконец посадочный блок в полной безопасности, а вместе с ним и мы.

— Олмос Азизович, — проговорил Шахбоз, — «Бургут» стартует с Ренэ. Через полчаса нас на «Алмазе» будет уже шестеро.

— Хорошо, Шахбоз. Проследи за полетом.

Сам же он взял Старка за руку, и они отошли в сторону от пульта.

— Пит, что представляют собой эти камни, эти «улитки»?

— Видишь ли, Олмос, у нас было слишком мало возможностей для их исследования. Кое-что мы, конечно, сделали, но этого слишком мало, чтобы делать окончательный вывод.

— Ну а предварительные соображения?

— Предварительные соображения... «Улитки» умеют передвигаться. Они поглощают энергию своей звезды. Каким-то образом разлагают металл. Они даже образительны. Здесь ведь часты песчаные бури. Вот «улитки» и пробуравили для себя по всему плато луночки и при приближении урагана опускают в них свои присоски.

— Ты говоришь о них как о живых существах?

— Вероятно, так оно и есть. Мы, люди, привыкли

мыслить в определенном диапазоне. Повсюду в космосе мы ищем органическую жизнь. Наша самая большая мечта — отыскать обитаемую планету, жители которой дышат кислородом, делятся на мужчин и женщин, и вообще похожи на нас как две капли воды. Но почему не предположить, что есть и другая жизнь?

— Иными словами, тайна Ренэ так и не разгадана?

— Нет.

— Но разгадать ее нужно.

Старк огляделся.

— Просторно у вас тут. Так я, пожалуй, больных отправлю, а сам останусь на «Алмазе». Да и из ребят кое-кто, думаю, захочет остаться.

Азизов радостно заулыбался:

— Я не против.

Он подошел к пульту.

— Шахбоз, у нас на борту гости. Должны же мы проявить гостеприимство.

— Обязательно проявим. Жаль только, что Укен немного задержался. Он большой мастер по этой части.

— А мы его подождем. Наши гости никуда не спешат. Да и мы не завершили дела, ради которого прилетели сюда. Так ведь, Старк?

Старк склонил голову в знак согласия.

II. К «ЧЕРНОЙ ДЫРЕ»

О «черных дырах» достоверно известно лишь то, что о них достоверно ничего не известно.

*Из выступления
на астрономическом
конгрессе*

Теперь, когда дело было сделано, он наконец-то мог хорошенько отдохнуть. Правда, спать Азизов не собирался. Не верилось, что после такого нервного напряже-

ния сумеет быстро заснуть. Он решил просто полежать в своей каюте и неторопливо поразмыслить о событиях сегодняшнего дня. Однако неожиданно для самого себя уснул и проспал шесть часов как младенец — без сновидений.

Его никто не беспокоил. Видимо, спасенный экипаж «Фотона» спал еще крепче, впервые за два года оказавшись в абсолютной безопасности.

Азизов открыл глаза, потянулся, сел на пружинящей постели. В груди разливалась приятная истома. Азизов был горд, счастлив и растроган. До чего же это здорово, что в соседних каютах сейчас ворочаются с боку на бок, храпят, посвистывают во сне спасенные тобою товарищи!

Расслабленный Азизов вышел в коридор, выглянул в широкий иллюминатор. Внизу величественно проплывал оранжево-красный диск Ренэ. Так-так. Неужели на планете и вправду обнаружена неорганическая жизнь? Или же это всего-навсего какие-то особенные физико-химические реакции? С завтрашнего дня они приступят к детальным исследованиям. А сегодня полный отдых. Покой и тишина. И ни слова о Ренэ, о Годво, о космосе. Физические возможности человека в отличие от воображения не беспредельны. Насвистывая веселую песенку, он прошел к центральному пульту. Сейчас вахту нес Шахбоз Муратов. Зная, что нынешнее дежурство не более чем формальность, Азизов приблизился к Шахбозу и уже хотел дружески похлопать пилота по плечу, когда тот обернулся. Выражение лица дежурного было тревожным, и это сразу же передалось Азизову.

— Что случилось? — негромко спросил он, делая резкое движение плечами, как бы стряхивая с себя остатки сна.

— Срочная космограмма, командир. Только что принял, — ответил Шахбоз.

Азизов взял пластину космограммы. То, что он прочитал, бесконечно удивило его.

«Борт «Алмаза», Азизову.

Немедленно готовьтесь к отлету. Старт — сразу же после получения дополнительного указания.

Земля, Центральное управление космоплавания, Бородкин».

Азизов задумался. Вот те раз! Удружил Валентин Денисович, ничего не скажешь! Но что все это значит? Ведь у них уже был план, четкий и конкретный. Через два месяца ожидалось прибытие второго корабля с Земли. А тем временем они — экипаж Азизова и команда Пита Старка — собирались заняться исследованиями на Ренэ... И потом, что значит «готовьтесь к отлету»? Земле прекрасно известно, что на «Алмазе» только 15 экспресс-камер, а космонавтов с учетом спасенных — 17... Нет, возвращение на Землю без второго корабля невозможно. А плоды упорных трудов Пита и его товарищей? Взять и бросить на произвол судьбы? А наконец, загадка черных камней-«улиток»?

Азизов по давней привычке помассировал подбородок. Человек в высшей степени дисциплинированный, обладающий повышенным чувством ответственности, он, получив нелогичный приказ, всегда настаивал на необходимых разъяснениях. Правда, подобные приказы приходили редко.

— Может быть, наше донесение исказилось? — с тайной надеждой спросил он Шахбоза. — На Земле что-то неправильно поняли и, в свою очередь, проявили ненужную осторожность?..

— Исключено! — с уверенностью произнес пилот. — Вот подтверждение о приеме.

Азизов вздохнул.

— Придется еще раз выходить на связь. Черт побери, сколько энергии попусту выбрасываем на ветер! Ладно, готовь аппарат.

Космограмму он постарался составить как можно лаконичнее, памятуя, что каждое лишнее слово, передан-

ное на Землю, — это энергия, запасы которой на «Алмазе» были отнюдь не безграничны.

«Земля, Центр, Бородкину.

Стартовать не смогу. Жду второй корабль. До его прилета — изучение Ренэ. Перспективно.

Азизов».

Отправив ответ, он несколько поостыл и вновь задумался. Нет, не могла Земля без особых на то причин дать такое распоряжение. Азизов хорошо знал Бородкина. Перестраховщиком того не назовешь. И в то же время... «Алмаз» — прекрасный корабль, в отличном состоянии. Второй звездолет будет на Ренэ через каких-нибудь два месяца... Ничтожный срок по космическим масштабам. Что может произойти за это время?

— Может, что-нибудь со вторым звездолетом? — как бы прочитав мысли командира, предположил Шахбоз.

— При чем здесь звездолет? — взмахнул рукой Азизов.

— А что же тогда?

— Хотел бы я знать!

Послышался характерный сигнал, опять заработало приемное устройство связи. Поступило новое сообщение от Бородкина.

Азизов прочитал:

«Вам надлежит увести «Алмаз» из зоны притяжения Ренэ. В точке с координатами... — далее следовал ряд символов и цифр, — ждите встречи с «Бураном». После встречи и перераспределения экипажа незамедлительно стартовать к Земле или к любой другой обитаемой планете. Подробности позднее».

Азизов сел в кресло-качалку и, качаясь, просидел в нем молча четверть часа.

— Шахбоз! — сказал он наконец, глядя на юношу уставшими глазами. — Прошу, пока никому ни слова. И позови, пожалуйста, Пита. Нужно посоветоваться.

Впервые за последние два года Пит Старк — командир уничтоженного «улитками» космического корабля «Фотон» — позволил себе расслабиться. Он увидел сон, который так хотел и так боялся увидеть раньше. Возвращение со звезд. Возвращение на Землю. Космопорт, залитый солнечными лучами, море людей и цветов. Но и радостные человеческие лица, и яркие краски были словно подернуты туманом. Явственно виделась лишь Лена с детьми. Жена ничуть не изменилась за эти годы, и ему даже сделалось чуть-чуть обидно.

Он крепко поцеловал ее пахнущие мятой губы, тут же бросился к детям — сыну Артуру и дочери Алисе. Боже мой! Как они выросли! Только сейчас, прижимая к груди головы детей и целуя их, он по-настоящему понял, что такое два года.

...Вдруг новое видение. Будто бы прошло уже несколько дней после его возвращения на Землю. Он, все еще не привыкший к жене и детям, едет с ними в открытом автомобиле по пустынной горной дороге, усеянной черными овальными камнями.

Внезапно шофер резко просигналил.

— Зачем? — спросил его Пит. — Ведь на дороге никого нет.

Шофер странно улыбнулся и проговорил:

— Впереди опасность, большая опасность.

И снова нажал на сигнал.

Пит проснулся и несколько секунд лежал не шевелясь, с открытыми глазами, прежде чем понял, что работает сигнал вызова. Он резко поднялся, с сожалением ощущая, как растворяется сладкое очарование только что виденного сна, и открыл дверь каюты.

На пороге стоял Шахбоз.

— Чего тебе, парень? — спросил Пит.

— Извините, командор. Олмос Азизович просил вас

срочно подняться в радиорубку. Хочет переговорить по важному делу.

— Хорошо. — Пит по-спортивному быстро натянул теплый свитер — любимую свою одежду, взъерошил пятерней короткие волосы и вышел в коридор. Отдельные эпизоды сна все еще мелькали в его сознании, и он не собирался окончательно гнать их от себя.

Азизов стоял возле экрана ретранслятора задумавшись. Нервные, сильные пальцы рук были крепко сцеплены за спиной. Обернувшись на звук шагов, он кивнул Питу и указал на кресло:

— Извини, старина, что не дал отдохнуть.

— Пустяки...

— И еще за то, что пришлось вытащить тебя в рубку. Но понимаешь, в любую секунду может поступить экстренное сообщение...

Серьезный тон командира корабля окончательно пробудил Пита.

— Я думаю, ты меня позвал не для того, чтобы извиняться.

— Нет. — И Азизов рассказал другу о последних сообщениях с Земли.

Пит был опытным гиперлучевиком. В сложных ситуациях он, как утверждали многие его коллеги, сохранял не только спокойствие и выдержку, но и прирожденное чувство юмора.

— Знаешь, Олмос, в Центре работают далеко не всезнайки, — пробурчал он с таким невозмутимым видом, что Азизов не мог сдержать улыбку. — У меня, как ты знаешь, нет причин, чтобы не желать быстрого свидания с Землей, однако... черт возьми! Давай же будем рассуждать логически.

— Давай, — согласился Олмос. — Именно для этого я и попросил тебя зайти.

— Когда «Буран» будет в зоне Ренэ?

— Через два месяца, ты же знаешь.

— Если мы покинем гравитационное поле Ренэ и бу-

дем болтаться в открытом космосе, «Буран» ведь от этого раньше не прилетит, верно?

— Абсолютно.

— С другой стороны — сами, без «Бурана», мы до Земли не доберемся. Нас 17 человек, а экспресс-переходных камер только 15. Хочешь не хочешь, а ждать «Буран» придется. Согласен?

— До сих пор все было логично.

— Теперь слушай дальше. Бездельничать два месяца в открытом космосе — это же с ума можно сойти от скуки. Это же дикий ужас! Почему бы нам не подождать «Буран» на Ренэ? Проведем несколько интересных экспериментов, задумка у меня есть. Глядишь, и время пройдет незаметно, и польза кое-какая будет.

— По-твоему, я и сам не мог до этого додуматься?

— Так в чем же дело?

— Логика логикой, Пит, а приказ есть приказ.

— Но если приказ противоречит логике? — усмехнулся Пит.

— Мы не можем так утверждать, поскольку не знаем исходных данных.

— Но «Буран», как ни крути, придет только через два месяца, а гравитационное поле Ренэ мы в состоянии покинуть за два-три часа! — воскликнул Пит. Человек сдержанный, он иногда проявлял юношескую горячность. Похоже, и сейчас он порядком взвинтил свои нервы. — Не знаю, как ты считаешь, а по-моему, это чистейшей воды бюрократизм! Кто-то в Центре решил перестраховаться на всякий случай. Как бы чего не вышло! — Неожиданно он плюнул на пол.

— Успокойся, Пит, — попросил его Азизов. — Их можно понять. Они беспокоятся за наши жизни.

— А я тебе говорю, что никакой опасности нет! Да, «улитки» сожрали мой корабль! Но это была встреча с неведомым. А теперь для нас «улитки» не опаснее, чем какой-нибудь мышонок. Два года я жил на Ренэ, два года! Согласен еще на два месяца! Но только на

Ренэ! Ждать «Буран» на орбите не хочу! Уверен, мои ребята тоже не согласятся. А нас большинство!

— Ну, что ж... — начал Азизов.

Договорить он не успел. Раздался мелодичный гудок, заработала система связи.

Третье по счету за сегодняшний день сообщение с Земли объясняло все.

«Ренэ, борт корабля «Алмаз», Азизову, Старку.

По подтвержденным данным Главного вычислительного информцентра, планетная система Годво, в которую входит планета Ренэ, некоторое время назад попала под влияние сильной гравитационной массы в секторе звезды Лебедь-Х-3, изменила направление своего движения и сейчас движется в сторону звезды со значительным ускорением. По комплексным данным информатора, вся система через 300 лет должна достичь области гравитационной массы. Учитывая ряд факторов, предполагаем, что в секторе звезды Лебедь-Х-3 существует «черная дыра».

Вам надлежит немедленно по получении этого сообщения прекратить все работы, покинуть поле тяготения Годво и выйти в условленную точку пространства для встречи с «Бураном».

Центр космических полетов, Бородин».

— Фьюить! — только и присвистнул Пит Старк.

— Вот это сюрприз! Точно такой же, когда вы вошли в «Алмаз», — озабоченно произнес Азизов и тут же поправил себя: — Я имею в виду неожиданность... — Его пальцы, барабанившие по столу, выдавали нервное возбуждение. И правда, новость ошеломила его. Он не знал, с какой стороны начать ее обсуждение.

— В общем, дьявольщина! — громыхнул кулаком по столу Пит. Затем внезапно выпрямился в кресле, на лице появилось растерянное выражение. — Олмос, — тихо проговорил он, — значит, все эти «улитки», вся эта неорганическая жизнь погибнет? Так?

— Погибнет или исчезнет — разница небольшая...

— Но как же... — Пит неловко развел руками. — Ведь это уникальная, может быть, редчайшая форма жизни...

— Ты думаешь, я не понимаю! — Азизов проникновенно посмотрел на Пита. — Но изменить движение планетной системы в космосе нам пока не под силу... Так что будем выполнять приказ — готовиться к отлету...

Он подошел к видеоэкрану и остановился, сосредоточенно о чем-то размышляя.

— Послушай, Олмос, — жалостливым тоном заговорил Пит, — а может, прихватим с собой несколько дюжин этих «улиток», а? Расселим их на каком-нибудь астероиде — пусть живут, а?

— Может быть, может быть... — рассеянно отвечал Азизов.

— За безопасность полета можешь не волноваться. Мы сунем их в пластиковый ящик, а его окружим двойным магнитным полем. Олмос... Олмос! Что ты там бормочешь?

Азизов и в самом деле прошептал несколько слов, из которых можно было только разобрать «...черная дыра».

Тут он быстро повернулся к Питу, в глазах блеснули веселые огоньки.

— Пит! Дружище! Есть идея! — воскликнул он.

— Ну?!

— Рейс «Бурана» нужно отменить.

— Ничего себе идея!

— Ты слушай, слушай! Возражать будешь потом. Итак, рейс «Бурана» отменить. «Алмаз» возвращается на Землю с 14 или 15 членами экипажа. Двое или трое остаются на Ренэ, определяют места наибольшего скопления «улиток»...

Пит не дал ему договорить, вскочил с кресла:

— Начинаю понимать! А Земля тем временем подготавливает несколько кораблей, приспособленных для вывоза «улиток»...

— Верно! Кроме того, ученые подыщут какую-нибудь подходящую необитаемую планету для них. Мы сохраним эту форму жизни...

Пит с чувством пожал руку Азизову.

— Олмос! Ты молодчина. Когда-нибудь «улитки» поставят тебе памятник. Если поумнеют, конечно.

— Ничего, сочтемся славою, — отшутился тот.

Пит крикнул, нахмурил лохматые брови.

— А успеем ли? — спросил он с сомнением. — Ведь гравитационное поле Ренэ теперь будет усиливаться с каждым днем. Смогут ли наши корабли взлететь с планеты через два-три месяца?

— Думаю, сумеют. Ведь ускорение движения Ренэ началось относительно недавно. Впрочем, не будем гадать. Давай прикинем на ЭВМ. Возьмем максимальные параметры...

Он быстро ввел данные в машину, вскоре на табло зажегся результат.

— Видишь, у нас в запасе не менее года...

— При условии, что не произойдет ничего непредвиденного...

— Но два-три месяца гарантированы в любом случае. В сущности, все это нужно уточнить. Сегодня же всем экипажем возьмемся за работу...

Наступила долгая напряженная пауза. Оба космонавта думали об одном и том же. Первым не выдержал Пит.

— Кто? — хрипло спросил он.

— Я, — спокойно ответил Азизов.

— Почему ты?

— Так надо.

— А если я?

— Нет.

Они обменивались вопросами и ответами, словно перебрасывали друг другу мяч.

— Тут спорить не о чем, — возразил Азизов. — Ты устал, нуждаешься в моральной и физической под-

зарядке. Так что на Ренэ останусь я. Ты поведешь «Алмаз» на Землю.

Пит опустил голову.

— Со мной останется еще один человек, — продолжал Азизов. — Но это должен быть парень из твоего экипажа. Такой, который знает все об «улитках» и не станет особо расстраиваться из-за небольшого опоздания домой. У тебя есть кто-нибудь на примете?

Старк решительно кивнул:

— Адам! Это фанатик космоса.

Азизов сделал гримасу:

— Я не в восторге от фанатиков.

— Да нет же! — оживленно заговорил Пит. — Я, может быть, не так выразился. Он фанатик, ну... в хорошем смысле слова. Между прочим, именно Адам первым заметил, что «улитки» пожирают наш корабль. Если бы не он — как знать! — что стало бы с нами? И несколько характерных особенностей «улиток» приметил тоже он.

— Что ж! Если Адам согласится, я не возражаю, — ответил Азизов. — Да и вообще не забывай, что наши с тобой планы так и останутся планами, если нас не поддержит экипаж.

— Ну, за своих я ручаюсь! — энергично воскликнул Пит.

— А я за своих! Тем не менее поговорить надо. Даю сигнал общего сбора. — Он нажал клавишу и как-то задумчиво, мечтательно улыбнулся.

— Ты чего? — спросил Старк.

— А знаешь, я ведь в юности занимался теорией «черных дыр» и даже написал одно исследование...

— Кто только ими не занимался! — вздохнул Старк. Тут же решительно произнес: — А я вот что еще предлагаю. Рейс «Бурана» отменять не нужно. Пускай он летит, как намечено. Все-таки здесь будет чуть пораньше. Мало ли чего? А на втором корабле нужно привезти спецаппаратуру и установить ее на Ренэ. Знаешь,

зачем? Чтобы она давала потом информацию об изменении свойств пространства-времени по мере приближения планеты к «черной дыре»...

Распахнулись створки входной двери. В рубку поспешно входили позевывающие космонавты. Небо на видеоэкране было темным, словно все звезды и планеты уже втянула в себя и поглотила таинственная «черная дыра».

* * *

Посадочный блок «Бургут» опустился рядом с пещерой. Место посадки предварительно облучили не- сильным электромагнитным полем, разогнавшим «улиток». Сейчас они сгрудились в отдалении, впитывая в себя жаркие лучи Годво и как бы выжидая того момента, когда силовое поле исчезнет и можно будет досыта полакомиться металлом, из которого был построен «Бургут».

Олмос и Адам выбрались наружу. Им предстояло вдвоем провести на Ренэ десять недель.

— Ну что? Будем обживать? — спросил командир.

— Пожалуй...

Если Азизов пользовался репутацией человека сдержанного и немногословного, то Адам и вовсе производил впечатление углубленного в себя молчуна. Внешность у него была заметной — легкая спортивная фигура, худощавое лицо с резкими, словно вырезанными резцом чертами, черные, горящие глаза. Могло показаться, что этот молодой мужчина скорее склонен к эмоциональным вспышкам, чем к длительному молчанию и невозмутимости. Однако не нужно забывать, что Адам был космолетчиком с немалым стажем. А космос учит взвешивать каждое слово...

— Начнем разгружать?

— Сначала посмотрим хижину.

Хижинной космонавты Пита Старка называли домик, который они построили в пещере из остатков «Фотона».

В это время раздался металлический лязг и скрежет. Из люка показались две неуклюжие конечности, наконец на грунт тяжело спрыгнул «Себарга-3012».

Это был робот, до отказа начиненный позитронной техникой. Он уже побывал в пяти или шести космических экспедициях и считал себя занятым путешественником. Кто-то дал роботу прозвище Беганас, и оно намертво закрепилось за ним.

На Земле давно уже отказались от идеи придавать роботам абсолютное сходство с людьми. А было время — в этом видели чуть ли не главное. Потом ударились в другую крайность. В конце концов «золотая серединка» была найдена — роботов, особенно бытовых, стали наделять примитивными характерами и «мультипликационной» внешностью, памятуя, что эти изделия должны не только выполнять большую часть физической работы, но и развлекать, успокаивать человека.

Недаром Пит Старк поручил Азизова и Адама заботам Беганаса. Беганас был простодушно-наивно-хитрым болтунишкой. Говорил он врасстяжку, задавал глупые вопросы, смешно выпучивал круглые глаза, усердно тер ладонью переносицу, умел притвориться пораженным, удивленным или восхищенным. Это было в высшей степени коммуникабельное существо. Опытных, заслуженных космонавтов Беганас называл «дядюшками», тех, кто был моложе и покладистей, — «братишками». Если же роботу приходилось обращаться сразу к нескольким космонавтам, то он патетически поднимал руки кверху и восклицал: «Друзья мои! Братцы мои!» Само собой разумеется, что, несмотря на простецкую внешность, Беганас отлично справлялся с обязанностями электронно-вычислительной машины, информатора второго класса, библиоколлектора, не говоря уже о семи десятках рабочих профессий, которыми робот владел безукоризненно.

Сейчас Беганас был просто в восторге от того, что

и ему предстоит путешествие к «черной дыре». Правда, он не знал, что же это такое. Ему просто нравилось это название — «черная дыра». Было в нем что-то таинственное и непонятное.

— Эх, дурак я, дурак, братцы мои! — жаловался он Азизову и Адаму, поочередно поворачивая к ним забавную рожицу.

— Отчего вдруг такая самокритика?

— А не учил я в детстве астрофизику — вот чего! — выпалил робот.

— Давай, давай, Беганас, — улыбнулся Азизов, — учиться никогда не поздно.

— Особенно астрофизике, — добавил Адам.

— Ой, правда? — обрадовался Беганас. — Тогда можно я прямо сейчас спрошу?

— Валяй, чего уж там!

— А вы не будете смеяться?

— Смелее, Беганас!

Тот крикнул, словно собираясь с духом, и стремительно выпалил:

— А что такое «черная дыра»?

Азизов и Адам рассмеялись в ответ:

— Спроси что-нибудь полегче.

— Ну, хотя бы приблизительно... — канючил за спиной Беганас.

— Адам, растолкуй ему, — попросил Азизов.

— Видишь ли... — задумчиво проговорил Адам, — ты, наверное, знаешь, что такое вторая космическая скорость? Это скорость, которую необходимо сообщить объекту, чтобы он смог одолеть притяжение небесного тела и покинуть его орбиту. Например, чтобы умчаться с Луны, нужно иметь начальную скорость чуть больше трех километров в секунду. Для Земли эта величина достигает уже одиннадцати целых восьми десятых километра в секунду. Словом, есть закономерность: чем массивнее небесное тело, тем большую скорость нужно

иметь, чтобы вырваться из зоны его притяжения. Теперь представь себе, что в космосе существуют тела такой огромной массы, что для «взлета» с них недостаточно даже начальной скорости в 300 тысяч километров в секунду. Легко сообразить, что за пределы этих сверхмассивных тел не вырывается никакая информация, ни лучик света, ни волна излучения. Эти тела абсолютно невидимые и потому получили название «черных дыр». Понял?

— Ой-ой-ой! — картинно запричитал Беганас, в паническом ужасе закрывая лицо руками. — А можно еще спросить?

— Не стесняйся, Беганас. Дай нам возможность блеснуть эрудицией.

— Значит, «черные дыры» очень-очень большие?

— Вовсе нет. Например, и Земля может стать «черной дырой», если...

— Если?

— Если сжать ее до размера шарика с радиусом в 1 сантиметр.

— А как же... а как... — мысли Беганаса разбегались. — А как узнали про «черные дыры», если их не видно и не слышно?

— Ну, поначалу их существование предсказали теоретически. А практически... У «черных дыр» очень сильное поле тяготения, которое притягивает любое тело, вещество или излучение. Потом... бывают двойные звездные системы, в которых одна звезда — яркий гигант, а другая — «черная дыра». В этих случаях «черная дыра», конечно же, начинает притягивать к себе газ из оболочки звезды-гиганта. Слои газа текут к дыре по спиральным орбитам, трутся друг о друга, разогреваясь до миллионов градусов, и дают рентгеновское излучение, которое и можно обнаружить. Вот тебе еще один способ обнаружения «черных дыр». Есть и другие.

— А вот еще... — снова заговорил Беганас, — я где-

то не то читал, не то слышал, что «черная дыра» — это ворота в антимир? Это правда?

— Ого!

Азизов и Адам переглянулись.

— А ведь наш Беганас не так-то прост?

— Плутиска! Так ты, выходит, морочил нам голову?

— Да нет же! Я просто так спросил. Нечаянно. Не верите, да? Не веришь, дядюшка?

— Ладно, Адам, объясни ему, — подмигнул спутнику Азизов.

— Охотно, — невозможно и в то же время с иронией отозвался тот. — Итак, наш любопытствующий друг Беганас, надо тебе сказать, что еще в древние времена, задолго до новой эры, некоторые ученые высказывали предположение о множестве параллельных миров. Так, древнегреческий философ Анаксагор...

— Анаксагора я знаю! — радостно воскликнул робот.

— Анаксагор писал, — продолжал как ни в чем не бывало Адам, — что видимый нам мир состоит из множества элементарных частиц, те, в свою очередь, из такого же множества еще меньших частиц, и так до бесконечности. В рукописях Анаксагора есть прямое указание на то, что каждая из таких систем, содержащая в себе все свойства пространства, населена живыми существами. Там есть свое небо, солнце, звезды. Об этом же, хотя и несколько иначе, говорили впоследствии многие другие ученые, из которых отметим Джордано Бруно и Лейбница...

Свой монолог Адам начал в высокопарно-иронических тонах, но постепенно воодушевился, глаза блеснули, голос зазвенел.

— Однако вскоре стала очевидной наивность подобных идей, — продолжал Адам. — Над ними попросту смеялись. И все же в конце двадцатого века ученые вновь вернулись к гипотезе о множестве параллельных

миров, правда, уже на качественно новом уровне. — Пилот говорил горячо, словно стремясь убедить в чем-то самого себя. — Возьмем, к примеру, шар. Его поверхность замкнута и в то же время бесконечна. Давай условимся считать, что поверхность нашего шара — это двухмерный мир, населенный жителями. Они, эти двухмерные существа, могут двигаться в любом направлении по поверхности шара, нигде не встречая преград. Именно поэтому им чрезвычайно трудно осознать, что их бесконечный мир — всего-навсего шар конечного объема. Трехмерный мир для них — чистая абстракция, нереальность. Точно так же нам, землянам, представляется бесконечным наш трехмерный мир, а четвертое измерение кажется некой не поддающейся осмыслению абстракцией, символом. Интересно, каким представляемся мы существам четырехмерного мира? Как думаешь, Беганас?

Беганас с силой почесал затылок. Его нос-картошка наморщился.

— Знаешь, братишка, все это очень интересно, хотя и чуточку запутанно, — пробормотал он, — но я не улавливаю, какая связь между Анаксагором, разными там мирами и «черными дырами»?

— А связь тут самая прямая, — пояснил Адам. — Многие ученые полагают, что «черные дыры» как раз и являются «дверцами» между разномерными мирами.

— Ух ты! — Робот был явно поражен.

К Адаму повернулся Азизов:

— Не забудь только добавить, что все эти предположения по-прежнему не более чем гипотезы. Еще никому не удалось хоть в малейшей степени доказать их.

— Но ведь и опровергнуть тоже не удалось!

— Потому-то они так и числятся гипотезами.

— Как знать... — прошептал Адам.

В разговор снова вмешался Беганас:

— А как же проверить эти гипотезы, если вы сами говорите, что при приближении к «черной дыре» гравитационные силы любого раздавят в лепешку?

— Вовсе нет, дурья твоя голова! — вскипел вдруг Адам. — Нас бы всех раздавило, если бы для окрестностей «черной дыры» были справедливы законы нашего мира. Но в том-то и дело, что возле дыр свойства пространства и времени резко меняются. Существует вероятность невредимыми проникнуть внутрь «черной дыры». Правда, это тоже только гипотеза... — Адам искаса взглянул на командира.

— Э, нет, дядюшка! — взмахнул руками Беганас. — Я в такие игры не играю! И вам не советую. В «черную дыру» я не полезу.

— Успокойся, дурачок! — в один голос воскликнули оба космолетчика. — Никто туда и не собирается.

Люди как бы опомнились.

— Адам, довольно! — стряхнул с себя оцепенение Азизов. — Пора приниматься за дело. Пошли проверим хижину. А ты, приятель, займись разгрузкой. Да внимательно смотри под ноги. «Улитки» не будут беседовать с тобой о «черных дырах».

— А о чем будут?

— Да ни о чем. Съедят — и все.

* * *

Хижиной называли пластиковый дом, в котором экипаж Пита Старка прожил два года. Он находился в глубине пещеры посередине большого овального зала. Адам выполнял роль гида. Азизов придирчиво осматривал каждую деталь, обо всем выспрашивал — как-никак здесь предстояло провести два-три месяца.

То и дело в подземный зал вбегал Беганас с очередным ящиком в руках. Целая гора грузов выросла уже у прохладной стены.

Люди еще раз проверили по списку ассортимент

привезенных вещей и продуктов, затем поручили проделывать то же самое Беганасу.

На минуту космонавты сели передохнуть на самодельные деревянные табуретки.

— Пит сказал, что ты в курсе всех дел на Ренэ, — повернулся командир к Адаму.

— Да. Хотя дел было немного.

— Ладно. Ничего не забыли?

— Не думаю.

— В таком случае попрощаемся с «Алмазом»? Держать ребят нет смысла.

— Конечно.

Они встали и вышли из пещеры на плато. Наступили густые, сиреневые сумерки Ренэ. «Улитки» лежали неподвижно, словно переваривая впитанную за день лучевую энергию. Зубцы причудливых скал совершенно растворились в плотной темноте. В черном небе искрился «Алмаз», освещенный лучами заходящего Годво. Издали корабль походил на фантастическое существо из подводного царства. До него было несколько десятков километров, но сколько сил и уверенности придавал один его вид! У Азизова сжалось сердце, когда он подумал, что через несколько минут звездолет исчезнет в просторах космоса и одни лишь пылинки звезд будут освещать ночное небо Ренэ.

Вдвоем с Адамом они поднялись в кабину посадочного блока. Азизов включил видеофон, на экране появилось озабоченное лицо Пита Старка.

— Старина, у нас все в порядке, — сказал Азизов.

— Вы это... проверьте-ка еще раз... — посоветовал тот. — Спешить некуда...

— Но и тянуть бессмысленно. Имей в виду, я приглашаю тебя на плов.

— На какой еще плов?

— На старый добрый плов. Словом, ровно через полгода в четыре часа дня жду тебя в Ташкенте.

— Думаешь, я не приду? — одними губами улыбнулся Пит. — Еще как прибегу, да и всех своих прихвачу за компанию.

— Буду иметь в виду. До свидания, Пит.

— Хэлло! До встречи в Ташкенте! До свидания, Адам!

— Прощайте, шеф!

— Эй, парень, чего ты там мелешь! — взревел Старк. — Что значит «прощайте»?

Адам печально улыбнулся:

— Извините, шеф, я оговорился.

— Оговорился... — проворчал Старк. — Задать бы тебе за такую оговорку... Ну ладно! Не вешай носа, парень! Ты всегда был в норме.

— Я и сейчас в норме.

— Ну, пока!

Старк уже не смотрел на экран. Отвернувшись к пульта, он отдавал команды. Изображение дрогнуло, начало расплываться и вот исчезло совсем. «Алмаз» стартовал.

Азизов выключил видеофон.

— Адам, ты не устал? Может, хочешь отдохнуть?

Тот покачал головой:

— Сыт, здоров и полон энергии.

— В таком случае возьмемся за дело. Для начала я попрошу тебя еще раз и более подробно рассказать о ваших приключениях на Ренэ.

— Охотно, — отозвался Адам. — Однако, командир, прежде чем начать рассказ, я хочу показать вам одно любопытное явление. Тогда вы лучше поймете и мой рассказ, и саму планету.

— Надо куда-нибудь идти?

— Да.

— Далеко?

— Нет, рядом.

— Тогда в путь

— В путь.

Адам повел командира по самой оконечности плато вдоль подножия горной гряды. Диск Годво уже скрылся за горизонтом, стояла глухая ночь. Космонавты освещали себе путь небольшими фонариками. Беганас был оставлен на вахте.

В небе мерцали чужие звезды. Азизову время от времени казалось, что одна из звездочек — это пламя удаляющегося от Ренэ «Алмаза». Он знал, что это не так. Корабль уже за миллионы километров отсюда. Однако не думать об «Алмазе» он не мог. То и дело на пути попадались скопления спящих «улиток». Пару раз задумавшийся Азизов наступил на них. Но, заметив, с какой осторожностью Адам пробирается между ними, последовал его примеру. Он чувствовал, что осторожность Адама диктуется не боязнью получить повреждение, а чем-то иным — быть может, почтительным отношением к столь необычным существам.

— У нас ведь не было ни вездехода, ни планетохода, никакого мотора, не говоря уже о летательных аппаратах. Поэтому исследовать мы сумели лишь прилегающие к пещере районы, — говорил между тем Адам. — А ведь плато расположено в северных широтах, лучи Годво падают под значительным углом. По нашим расчетам, экватор получает раза в три больше световой энергии на квадратный метр. Видимо, и «улитки» там крупнее, да и вообще немало интересного.

— Ничего, дорогой, доберемся и до экватора.

— Впрочем, здесь тоже есть на что посмотреть. Если только нам повезет... — Он не договорил и быстро зашагал вперед.

Через двадцать минут они удалились от пещеры на порядочное расстояние. Казалось, огни «Бургута» горят где-то далеко-далеко позади. Скалы черными монолитными зубцами неясно вырисовывались на небе, тускло освещенном редкими звездочками. Внезапно простран-

ство между двумя зубцами на миг как бы заискрилось.

Азизов от неожиданности остановился. Адам повернул к нему радостное лицо:

— Ага! Есть!

— Что это?

— Идемте!

Быстро отыскав расщелину между скалами, видимо, хорошо известную ему, Адам повел Азизова в горы. Впрочем, шли они недолго. Адам остановился, по его свободной позе чувствовалось, что они достигли цели. Было очень темно. Азизов ничего не понимал.

— Адам, где мы?

— Подождите секундочку... сейчас... — чуть слышно отозвался пилот.

И тут...

Ярчайшая дуга вспыхнула перед ними, осветив собою все вокруг.

Азизов увидел небольшую гладкую площадку, со всех сторон сжатую скалами. На площадке примерно в полуметре друг от друга расположились две крупные «улитки». Между ними-то и горела ярко-красная дуга, рассыпая вокруг звездочки-искры.

Как зачарованный смотрел Азизов на невиданное зрелище.

Было хорошо заметно, как дуга словно выгибается вверх. Еще немного, и она превратилась в огненный веер, взметнувшийся ввысь метров на восемь. Вот сноп пламени поднялся еще выше. Послышался легкий шорох. Искры осыпались вниз небольшими черными точками. А «улитки», между которыми вспыхнула дуга, тем временем стремительно уменьшались в объеме, как бы сгорая в жарком огне. Вот пламя вспыхнуло в последний раз и погасло. Казалось, что наступила абсолютная темнота, настолько глаза привыкли к яркому свету. Адам включил фонарик и осветил площадку. Она была усеяна малюсенькими черными камушками.

— Вы разгадали это природное явление? — в возбуждении спросил Азизов.

— Это не явление, — усмехнулся Адам.

— А что же?

— Мы с вами присутствовали при появлении на свет маленьких обитателей Ренэ.

— Что?! — изумился Азизов. — Ты хочешь сказать...

— Да. Это размножение. А размножаться, как ты понимаешь, способны только живые существа.

Азизов не мог, да и не хотел скрывать, что потрясен. В молчании они миновали расщелину и вышли на плато.

— Ты правильно сделал, Адам, что прежде всего привел меня сюда, — проговорил командир. — Признаться, до последней минуты я не верил в неорганическую жизнь. Был убежден, что это неизвестные нам физико-химические реакции, не более.

— А теперь?

— Теперь я так не думаю.

— Рад, что смог оказать тебе эту дружескую услугу, командир. Мы тут все стали заядлыми кристаллографами, — говорил Адам. — Проштудировали все, что было в библиотеке по кристаллографии. И пришли к выводу, что неорганическая жизнь — не такая уж диковинка. Ведь и земные кристаллы в чем-то сродни живому существу.

— Признаться, я в этом деле профан. Никогда не увлекался кристаллографией.

— А ведь это увлекательнейшая наука, командир, — с воодушевлением продолжал Адам. — Вот вкратце, некоторые факты. Кристалл умеет расти, приспосабливаться к окружающей среде и менять окраску. Подобно человеку, он устает и стареет. Кристалл может издавать звуки и помнить прошлое.

— Помнить прошлое? — удивился Азизов. — Надеюсь, это образное сравнение?

— Нисколько, — улыбнулся Адам. — Так же, как у

каждого человека есть определенные недостатки, кристаллу свойственны дефекты. Это сугубо индивидуальные трещинки, царапины или поры, образовавшиеся в результате определенных событий. Анализируя характер этих дефектов, можно расшифровать прошлое кристалла, восстановить его историю.

Азизов слушал не перебивая.

— Командир, а что ты скажешь о таком явлении: если придать поверхности земного кристалла шероховатость, то он будет стремиться избавиться от нее? Кристалл может «вспотеть» — покрыться тонким слоем собственной жидкости с целью уменьшить энергию поверхности. Разве это не разумные действия?

— Я обязательно ознакомлюсь с этими трудами, — негромко произнес Азизов.

— И, наконец, знаешь ли ты, командир, что еще в первой половине двадцатого века советский академик Александр Ферсман — кстати говоря, ваш соотечественник — назвал кристалл живым? И это не было лишь поэтическим сравнением. Тут заложен глубокий смысл...

* * *

Беганас не терял времени даром. Пока люди были в отлучке, он успел закончить уйму дел: полностью разгрузил посадочный блок, продезинфицировал хижину, навел чистоту и порядок во всех помещениях, установил систему кондиционирования воздуха, оборудовал комнату отдыха, отладил лабораторную аппаратуру, приготовил вкусный ужин.

Единственное, чего он не знал, это как поступить с электронным телескопом. Прибор полагалось установить на вершине пологой горы неподалеку от пещеры, однако Беганас побаивался, как бы телескоп не стал жертвой «улиток». Робот решил подождать людей, чтобы получить от них точное распоряжение, а заодно побол-

тать о «черных дырах» и загадках планеты Ренэ. Робот глубоко задумался — надо ведь и развлечь космонавтов, они наверняка придут уставшими.

Однако люди вернулись в хижину бодрыми и возбужденными. Им было явно не до Беганаса. Оба с удовольствием поужинали, когда же робот попытался завести «умный» разговор, то попросту выставили его за дверь. Что касается телескопа — им решили заняться завтра.

— Стараешься тут, стараешься — и никакого уважения, — ворчал недовольный Беганас.

Тем временем Олмос Азизович и Адам расположились в удобных креслах.

— Кофе будете пить? — не утерпел все-таки Беганас, вновь заглядывая в гостиную.

— По чашечке, сделай милость.

— Мне, пожалуйста, сладкий, — попросил Адам.

— Сейчас.

...Адам сделал два маленьких глотка и, держа чашечку в руках, начал свой рассказ о предыдущей экспедиции на планету. Азизов слушал не перебивая. Оба утратили представление о времени.

...Робот вновь появился на пороге.

— Еще по чашечке кофе? — спросил он.

— Будь добр, — машинально ответил Азизов.

— Должен, однако, предупредить, что много кофе на ночь вредно для здоровья, — поучительным тоном произнес робот.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я ведь обязан исполнять все ваши желания, даже если они идут вразрез с логикой, — укоризненно заметил Беганас, как бы давая понять, что хотя он и подчиняется заложенной в него противоречивой программе, но отнюдь не одобряет ее.

— В таком случае принеси нам еще кофе и иди отдыхать.

— Я не нуждаюсь в отдыхе, — с достоинством про-

говорил Беганас. — Разве вы не в состоянии поручить мне какое-нибудь важное дело?

— Хорошо, пойдй посчитай, сколько звезд на небе.

— Будет исполнено, — с важностью отвечал робот.

Он принес кофе и счел нужным уточнить еще раз:

— Так мне идти?

— Иди, иди, ради бога!

Когда наконец Беганаса вывели, Адам продолжил рассказ.

...Дверь снова приоткрылась, в холл заглянул Беганас.

— Ну? — с досадой повернулся к нему Азизов.

— Я только хотел уточнить: считать одни звезды или и планеты тоже?

— И планеты тоже! И астероиды! И кометы! И метеориты!

— Вот видите. Значит, я побеспокоил вас не напрасно, — довольным тоном подытожил Беганас. — Вы не только конкретизировали задание, но и расширили его рамки. Это хорошо.

И он тихо прикрыл за собой дверь.

Адам не обратил на эту сценку никакого внимания. Воспоминания взволновали его, дыхание пилота участилось. Речь его звучала все вдохновеннее.

— Нужно было быстро отыскать надежный способ защиты от «улиток». Как я уже говорил, лазеры оказались бессильными против них. Мы попробовали сильное гравитационное поле — безрезультатно. Нервно-паралитическое — то же самое. На радиацию они не обратили ни малейшего внимания. Наконец кому-то в голову пришла счастливая мысль воздействовать на них самым обыкновенным, причем довольно слабеньким, электромагнитным полем. Вот это был эффект! Передние «улитки» резко отпрянули назад, началось столпотворение, а вскоре все эти странные существа бросились врассыпную.

— Значит, они могут передвигаться с большой скоростью? — не утерпел Азизов.

— Н-нет... — в раздумье ответил Адам. — Я не вполне точно выразился. Было такое впечатление, что какая-то мощная волна просто относит их по поверхности назад. И вот что бросилось в глаза — задние «улитки» начали откатываться почти одновременно с передними.

Азизов кивнул головой, как бы давая знать, что больше не будет перебивать Адама.

— Это открытие воодушевило нас. И мы принялись мастерить рогульки.

Адам поднялся, быстро вышел из гостиной, но тут же вернулся, держа в руках длинную палку, раздвоенную на конце.

— Вот рогулька. Конструкция, как видишь, элементарная. На рукоятке источник электроэнергии, два проводка, а здесь реостат. С таким оружием мы могли в полной безопасности передвигаться по Ренэ. — Он протянул рогульку Азизову, а сам заходил большими шагами взад-вперед по комнате. — У Пита тут же родилась идея. Он предложил натянуть два параллельных провода от «кубрика» до пещеры и пропустить по ним переменный ток. Тогда получится коридор, по которому мы сможем перенести все наши вещи, припасы в пещеру, не подвергаясь нападению со стороны «улиток». Так мы и поступили...

Все приходилось делать самим. Мы построили эту хижину, несколько рядов защиты, наладили лабораторию. К сожалению, осталось слишком мало приборов и аппаратуры. К счастью, в библиотеке сохранилось несколько книг, знаешь, из этой старой серии «Сделай сам». Мы начали учиться ремеслам... Пит тут же ввел узкую специализацию. Часть ребят он усадил за изготовление источника связи. Другая группа занималась исследованием Ренэ. Третья группа должна была готовиться к встрече корабля с Земли. Мы ни на секунду

не сомневались, что нас будут искать. На плато мы расположили систему самодельных зеркал, направляя на которые в ночное время свет ламп можно было вызвать яркий сфокусированный луч, наблюдаемый, по нашим расчетам, за тысячи километров от поверхности Ренэ. Велось, естественно, и визуальное наблюдение. Мы даже составили график дежурств...

— И тем не менее...

— Да, — улыбнулся Адам. — Тем не менее произошла парадоксальная вещь. Мы прозевали ваш прилет. Считали, что нас будут искать несколько позднее. — Адам протянул командиру журнал в коричневом переплете. — Здесь все записано.

Азизов бегло просмотрел несколько исписанных страниц:

— Н-да, немного. — Поднял на спутника глаза: — Значит, лазер на них тоже не действует?

Адам кивнул головой:

— Практически да. Удивительно жесткая структура. Когда ведешь лучом по панцирю, поначалу на поверхности появляется неглубокий разрез, но тут же затягивается... Мы брали для опытов несколько «улиток»...

В этот момент в гостиную с шумом ввалился торжествующий Беганас.

— Задание выполнено! — удовлетворенно отрапортовал он. — Хотя, должен заметить, это было не так-то просто. Напомню, что моя оптическая система в состоянии фиксировать светила седьмой звездной величины. Естественно, все данные, которые я привожу о себе, соответствуют земным условиям. Однако, поскольку здешняя атмосфера оказалась более прозрачной, я смог фиксировать и светила восьмой звездной величины. Таким образом, получив от вас задание...

— Очень хорошо! — перебил его Азизов. — Занеси результат в ячейку накопителя. Я потом посмотрю.

— Ладно, — обиженно буркнул под нос робот и отошел в угол.

— Беганас, — позвал его Азизов.

Тот притворился, что не слышит.

— Беганасик...

— Ну, чего?

— Покажи, что ты там насчитал, а заодно принеси нам...

— Еще кофе?! — ужаснулся Беганас.

— Нет. Бутылку хорошего вина, — твердо объявил Азизов и повернулся к Адаму: — Думаю, ты не против?

— Нет...

Беганас был явно растерян:

— Хорошо... я могу принести... Но... разве вы не знаете, что вино — это яд.

Азизов улыбнулся:

— В том случае, если злоупотреблять им. А мы, кажется, чрезвычайно редко обращаемся к тебе с подобными просьбами. У нас сегодня маленький праздник, понимаешь, Беганас?

Робот вздохнул:

— Я понимаю только одно, что вы — люди — очень противоречивые существа. Наверное, поэтому вы и в меня ввели такую противоречивую программу... — И бедняга ушел за вином, сокрушенно качая цилиндрической головой.

* * *

Утро выдалось великолепное. Было ясно и безветренно. Оранжевый диск Годво уже наполовину показался из-за далеких гор. Начинался новый день Ренэ.

Земляне стояли у самого входа в пещеру, любуясь своеобразной природой планеты.

— Наша с тобой задача предельно проста, — говорил Азизов Адаму. — Надо определить места наибольшего скопления «улиток», узнать, сколько видов их или разновидностей существует и — пропорционально — отобрать для транспортировки. Исследуем все особен-

ности Ренэ. Главное, не упускать мелочей. А после прибытия «Бурана» установим аппаратуру для автоматических наблюдений за «черной дырой».

— Задача простая, но повозиться придется. Ведь Ренэ только немногим меньше Меркурия, а нас трое, да и то вместе с Беганасом.

— Но мы начинаем не на пустом месте...

— Практически на пустом. До сих пор мы исследовали лишь часть плато и гор, да и то в районе хижины...

— Все понятно, Адам. У вас не было ни вездеходов, ни летательных аппаратов. А у нас с тобой есть и то, и другое. Справимся. Два месяца — срок солидный.

— Конечно, справимся, — невозмутимо ответил Адам. — Нам ведь только составить карту...

— Сегодня постараемся детально обследовать плато. А завтра отправимся к южным широтам.

Адам вывел из «Бургута» вездеход — небольшую, юркую машину. Вездеход имел неограниченный запас хода, надежную защиту и почти идеальную проходимость. С помощью четырех вертикальных и двух горизонтальных турбин, раздвижных крыльев и складного оперения одним нажатием кнопки «Беркут» трансформировался в самолет. Лазерная установка, уплотнитель и кольцевые холодильные камеры позволяли машине двигаться даже в толще гор по ею же проложенному тоннелю, расплавляя грунт. Система герметизации давала возможность путешествовать под водой. В вездеходе находился недельный запас пищи, воды и кислорода. Уютные кресла были приспособлены для сна. Словом, на этой машине не страшно было отправиться в длительную экспедицию даже на далекой планете.

Азизов строго наказал Беганасу следить за их хозяйством, затем сел в кабину. Вездеход полетел вперед.

Поверхность плато была практически идеально ровной. Только присмотревшись внимательно, можно было обнаружить на ней маленькие неглубокие дырочки — следы присосок «улиток». А плато представляло собой

гигантскую площадку диаметром не менее десяти километров, окруженную со всех сторон горами. Горы — невысокие, но очень обрывистые — напоминали зубцы древней, полуразрушенной крепости. В скалах то тут, то там зияли отверстия пещер.

— Вы не пробовали выяснить причину образования пещер? — спросил Азизов.

Адам кивнул головой:

— Выщелачивание и размыв легкорастворимых пород.

— Здесь что, много воды?

— Когда-то было много.

— Давно?

— В дни молодости Ренэ. Затем началось постепенное улетучивание атмосферы, а с ним испарение с поверхности воды. Но атмосфера еще не полностью улетучилась. А вода есть под землей. Но, похоже, «улитки» не нуждаются ни в том, ни в другом.

— Как бы нам не просчитаться с тем, в чем они нуждаются, а в чем нет.

— Могу сказать одно: если их поместить на два дня в закрытое помещение, лишенное доступа лучевой энергии — ну, хотя бы в пещеру, — они погибают.

— Вот как? — удивился Азизов. — И что, ты можешь отличать живую «улитку» от мертвой?

— Чего проще! Живые — теплые.

— И как ты это объясняешь?

Адам пожал плечами.

— Толковых идей на этот счет ни у кого из наших не появилось.

Так, переговариваясь, они все больше удалялись от хижины. Шеренга скал на горизонте заметно приблизилась. То и дело приходилось объезжать громадные скопления «улиток», в каждом из которых насчитывалось несколько десятков тысяч особей.

Внутри вездехода за спинами космонавтов помещал-

ся внушительный прозрачный шар — уменьшенная копия Ренэ. Плато уже было нанесено на него. Фиксатор, соединенный с телекамерами, вмонтированными в корпус «Беркута», аккуратно отмечал на шаре места скопления «улиток» и приблизительно оценивал их количество.

— Ты обратил внимание, что они держатся группами? — спросил Азизов.

— Как пчелы или муравьи, — подтвердил Адам.

— Смотри, ни одной одиночки. Что это, примитивный коллективизм? Но ведь слабые сбиваются в кучу, чтобы успешнее противостоять сильному врагу.. Вероятно, и у наших «улиток» есть враг?

— Во всяком случае, за два года пребывания на Ренэ мы ни разу не видели, чтобы кто-то или что-то угрожало «улиткам». — Адам резко повернул вездеход, аккуратно объезжая очередную колонию обитателей.

— Можно два года жить возле муравейника, так и не узнав, кто же враг муравьям, — возразил Азизов.

— Резонно...

Однако тут же счел нужным предложить другой вариант:

— А что, если так — в куче — им легче искать пищу?

— Может быть... — теперь пришел черед соглашаться Азизову.

Чем ближе к центру плато, тем реже попадались «улитки». Вскоре отпала необходимость в объездах и поворотах — местность впереди была совершенно пустынной.

— Сворачивай вправо, — предложил командир.

Адам свернул, и через некоторое время они опять наткнулись на «улиток».

— Такое впечатление, что они стараются держаться ближе к горам, — заметил Азизов.

— Это верно.

— Как ты это объясняешь?

— На Ренэ бывают сезоны сильных ветров. Правильнее сказать — ураганных. Мы предположили, что во время этих бурь «улитки» прячутся в расщелинах и трещинах скал.

— Странно... — Азизов нахмурился. — Лазера они не боятся, а ураган им страшен...

— Ураган с легкостью может унести «улитку» от сородичей, от привычного пастбища. А это гибель.

...Полдня крутились космонавты по плато. Нередко выходили из вездехода, склонялись над «улитками», придирчиво рассматривая их. Похоже, на плато все «улитки» были одного вида. Отличались они друг от друга только размерами.

Азизов попробовал оторвать одну из «улиток» от грунта, но у него ничего не получилось.

— Ее не сдвинешь с места никаким ураганом! — воскликнул он.

— Ураганы начнутся через месяц, — спокойно ответил Адам. — Посмотрим, что ты скажешь тогда.

Ничего нового на плато им обнаружить не удалось. Адам вел вездеход вдоль подножия скал. Короткий день Ренэ близился к концу. Диск Годво начинал клониться к горизонту.

— Ну что ж! Будем считать, плато в нашем активе! — подытожил Азизов.

Впереди показались скалы, чем-то похожие на изваяния с острова Пасхи.

— Посмотри-ка на эту фигуру! — не удержался командир. С минуту он внимательно разглядывал горные зубцы: — Тебе не кажется, что есть в местном рельефе некая странность?

— Это все работа ветра. Ураганов, про которые я говорил.

— Только ли ураганов? Взгляни-ка на эту расщелину! Знаешь, что она мне напоминает? Пересохший сай в горах Средней Азии. Послушай, Адам, да по этой расщелине свободно пройдет наш «Беркут». Рискнем, а?

— Почему же нет?

Расщелина и в самом деле была широкой, однако не настолько, чтобы позабыть об осторожности. Адаму приходилось вести машину с ювелирной точностью. Извиваясь, расщелина вела в глубь гор. С обеих сторон поднимались отвесные, красноватого цвета скалы.

— Это скорее похоже на дорогу, — пробормотал Адам.

В одном месте проход несколько сужался. Пришлось пустить в ход лазер. Горная порода в отличие от панцирей «улиток» легко поддавалась воздействию луча.

Людям показалось, что они едут очень долго. Но это оттого, что вездеход двигался медленно. Циферблат показывал, что прошло не более пятнадцати минут, как они решились на это путешествие.

Наконец скалы как бы расступились. Расщелина перешла в узкую, вытянутую долину, уходящую за горизонт.

— Что это?

Адам резко остановил вездеход, оба выпрыгнули из кабины.

Вдоль долины тянулась цепочка черных прямоугольной формы камней, не имеющих ничего сходного с «улитками». Камни располагались на одной линии, отстоя друг от друга на пять-шесть метров.

— Тебе не кажется, что они похожи на кирпичи? — спросил Адам.

— Скорее на увеличенные в размерах костяшки domino, — поправил спутника Азизов и попросил: — Принеси электронный термометр.

Пока Адам бегал за прибором, Азизов внимательно разглядывал черный камень, у которого они остановились. Плоский параллелепипед, лежащий широкой гранью на грунте, ребра и вершины несколько скруглены, словно их специально обтачивали. На гранях, обращенных к соседним камням, причудливый рисунок, напоминающий прожилки мрамора.

Вернулся Адам. Измерив температуру поверхности камней, космонавты вздохнули с огорчением. Видимо, камни к живым обитателям Ренэ отношения не имели.

— Однако обрати внимание на их форму. Это не может быть игрой природы! — воскликнул Азизов.

— А их расположение! Случайность исключается. Смотри, почти идеальная прямая линия.

— В любом случае надо установить, куда она ведет.

В едином порыве люди бросились к вездеходу и помчались вперед, следуя вдоль своеобразного пунктира. Так они проехали несколько километров, когда долина неожиданно сделала крутой поворот. Следуя ее изгибу, они также повернули, но ничего нового не увидели. Долина, обрамленная высокими скалами, тянулась до самого горизонта. Бесконечной казалась вереница черных камней, теряющаяся вдаль.

— А ты обратил внимание, — повернулся к командиру Адам, — что на повороте камни лежат теснее, ближе друг к другу?

— Давай-ка пока фиксировать все детально. Анализом займемся позднее. Я думаю, что в ближайшее время нам предстоит убедиться, что жизнь на Ренэ гораздо богаче по формам, чем это представлялось нам прежде.

Между тем начало смеркаться. Находясь на повороте, космонавты еще могли видеть долину, одевающуюся в сиреневую дымку. Но буквально через пять минут наступили сумерки, предвещавшие непроглядную ночь. Вершины скал уже слились с небом, на западе дрожала узкая полоска вечерней зари, которая вот-вот должна была исчезнуть.

Фары вездехода вырывали из темноты небольшой сектор долины. Конечно, можно было усилить мощность световых лучей и даже включить круговое освещение, но необходимости в этом не было.

Адам все увеличивал и увеличивал скорость, как бы стремясь поскорее добраться до конца каменной цепочки.

Азизов, как это и положено командиру, первым взял себя в руки.

— Стой! — распорядился он. — Разворачивайся. Возвращаемся в хижину.

— Зачем? — воскликнул Адам. — Доедем до конца. — Его тонкие ноздри раздувались, глаза горели; весь он напоминал исследователя, который после долгих опытов уловил наконец суть проблемы и вот-вот должен добиться результата.

Азизов понимал его, он ведь и сам едва не поддался азарту. И вообще, как это здорово — узнать все сразу. Благо, случай предоставил такую возможность.

— Нет, сегодня мы не поедем до конца, — он сделал ударение на слове «сегодня».

— Но почему?!

— Хотя бы потому, что мы не имеем права рисковать.

— Но здесь нет никакого риска!

— Ни ты, ни я не знаем этого.

— Если мы начнем осторожничать, то не управимся тут и за год! — с вызовом проговорил Адам.

— А если позабудем об осторожности, то потеряем и те два месяца, что есть в нашем распоряжении. — спокойно возразил Азизов. Он доброжелательно посмотрел на инженера и улыбнулся: — В хижину, Адам. Не забудь, что там нет никого, кроме Беганаса. А оставлять его одного надолго, сам понимаешь, не стоит.

Спокойный тон командира охладил пыл Адама. Он круто развернул вездеход. Инцидент был исчерпан.

— Ничего. Мы вернемся сюда, едва начнет светать.

...Но они вернулись в долину намного раньше...

* * *

Беганас степенно вышагивал вокруг «Бургута». Увидев приближающийся вездеход, он быстро открыл грузовой люк и комично отсалютовал космонавтам.

— Как дела? — спросил робота Азизов.

— Превосходно.

— «Улитки» не нападали?

— Даже вблизи не показывались. Наверное, меня испугались, — предположил Беганас.

— Возможно... — Азизов думал о своем. — Кстати, там, в вездеходе, кое-какая информация о нашей поездке. Подзаряди свою память. И — ужин. Давай нам ужин. Мы голодны, как волки.

Робот принялся деликатно покашливать и переминаясь с ноги на ногу.

— Как? Ты не приготовил ужин? — догадался Азизов.

— Я не виноват, — начал оправдываться Беганас. — Вы не предупредили меня, когда вернетесь. Я, конечно, мог накрыть на стол пораньше, но тогда кушанья остыли бы и потеряли свои вкусовые качества... Но ничего страшного в создавшейся ситуации нет. Не пройдет и сорока минут...

— Как, ты собираешься морить нас голодом еще целых сорок минут? — воскликнул подошедший Адам.

— Форменное безобразие! — Азизов сделал вид, что сердится, и шутливо подмигнул товарищу.

Беганас совсем растерялся:

— Увы, но выхода нет...

— Вот что, тащи хлеб, консервы и завари кофе! — в голос воскликнули оба космонавта.

Однако Беганас не спешил выполнять приказ.

— Считаю своим долгом предупредить вас, — заговорил он с расстановкой, — что питаться всухомятку вредно для желудочно-кишечного тракта... — Он хотел добавить еще что-то, но внезапно вздохнул, развел руками и побрел на кухню.

Несмотря на то что его наставления (придуманные, между прочим, людьми!) вновь остались без внимания, трудяга-робот радовался, как умел. Он видел, что кос-

монавты вернулись из поездки возбужденные и, как ему казалось, веселые и довольные.

Но уже через три минуты, вкатив тележку с нехитрой снедью в гостиную, он застал людей притихшими.

Командир даже не заметил появления Беганаса.

— Послушай, а где ночуют «улитки»? — спрашивал он у Адама.

— Наверное, в горах, в расщелинах.

— Наверное или точно?

— Точных данных у нас нет. Вести наблюдения ночью мы не рисковали.

— А размножение «улиток»?

— Это обнаружилось случайно... По искрам...

— Так, так, так... — Азизов отпрянул от стены и быстро зашагал по комнате: — Значит, фактически вы не знали, что происходит на плато ночью... — Он резко остановился: — А, быть может, в этом главное?

Адам вскочил с кресла. Он понял, что имел в виду командир.

— Едем!

— И немедленно! Только без ненужной активности. Чисто визуальные наблюдения.

Космонавты устремились к выходу.

— А ужин?! — воскликнул ошарашенный Беганас.

— Некогда! — отмахнулся от него Азизов. — Впрочем... Адам, прихвати там чего-нибудь...

— Не стоит. Кое-какие припасы есть и в «Беркуте».

— Тогда вперед.

— Скажите, по крайней мере, когда вернетесь? — взмолился Беганас. — Готовить мне горячее или нет?

— Как хочешь. Главное — следи за порядком.

Тонкий слух робота зафиксировал звуки удаляющихся шагов, скрип открывшегося люка, мерное пение вездехода.

Он посмотрел на передвижной столик, в центре которого красовался большой кофейник, и вздохнул:

— До чего же трудно угодить человеку!

Впереди был густой мрак. Космонавты решили, что разгонять его мощными прожекторами не имеет смысла, чтобы не привлекать к себе внимания, и включили лишь фары ближнего света. Таким образом, перед вездеходом освещалась узкая полоска пространства. По этой причине приходилось двигаться медленно.

Азизов достал карту, на которую они днем нанесли места скопления «улиток», и попросил Адама еще раз проследовать тем же маршрутом. Они ехали уже долго, но нигде не обнаружили ни одной «улитки». Неужели у странных обитателей Ренэ есть ночные убежища? А если есть — где их искать?

— На плато «улиток» нет, — наконец с уверенностью закончил Адам. — Искать бесполезно.

— Так. Что предлагаешь?

— Думаю, интересно посмотреть, на месте ли «домино»?

Азизов на минуту задумался.

— Согласен, — ответил наконец. — Держи курс к расщелине.

— Может, включим прожекторы?

— погоди. Пока не надо.

Вот наконец и знакомая расщелина. Адам уверенно повел в нее вездеход, но, проехав несколько десятков метров, вынужден был остановить машину.

Вся расщелина была покрыта «улитками», как мостовая булыжником. Приглядевшись, люди заметили, что «улитки» медленно «текут» по ущелью, удаляясь от плато.

— Не к тем ли камням они направляются? — предположил Азизов.

— К «домино»? Вполне возможно.

— Держись за ними.

Однако «улитки» передвигались слишком медленно.

При такой скорости они добрались бы до конца ущелья не раньше, чем через час.

Люди знали, что панцирь «улиток» с легкостью выдержит вес вездехода, но знали они и другое: «улитки» — живые существа. О том, чтобы проехать по ним, конечно же, не могло быть и речи.

— Ну что, командир, переходим на летный режим? — весело блестя глазами, спросил Адам.

— Давай. И утрой внимание. Смотри, как, однако, скользят эти «улитки»! Кажется, нынешней ночью мы кое-что узнаем.

Адам вывел вездеход на плато. Несколько нажатий на клавиши — и вот уже у машины «выросли» крылья, хвостовое оперение, тонко запели турбины вертикального взлета, зажглись огоньки локаторов, определяющих по всем направлениям расстояния до возможных преград.

«Беркут» поднялся и медленно поплыл над скалами в сторону долины. Было очень темно. Из предосторожности люди не включали прожекторов. Светился лишь видеоэкран, на котором смутно проступали очертания горных пиков.

— Смотри! — вырвалось вдруг у Азизова.

Адам оторвал взгляд от приборов и взглянул в иллюминатор.

Вдоль всей долины тянулась яркая огненная линия.

Не было сомнений, что она проходит через черные камни — «домино».

Адам поднял вездеход выше, светящаяся линия при этом как бы удлинилась. По всей видимости, она тянулась на многие десятки, может быть, сотни километров.

— Давай вдоль нее! — скомандовал Азизов.

Линия горела ровным ярко-желтым светом. Скорее всего она напоминала раскаленный металлический прут. Светящаяся трасса, однако, была не сплошной, в ней проглядывались и черные разрывы — как раз в тех местах, где лежали камни.

Азизов приник к небольшому телескопу ночного видения и тут же возбужденно воскликнул:

— Послушай, она проходит точно через ось симметрии «домино».

— Интересно, какова ее температура?

— Сейчас узнаем.

Электронный термометр мог определять температуру и на расстоянии. Азизов сориентировал прибор и, посмотрев на шкалу, присвистнул:

— Пятнадцать тысяч градусов!

— Температура плазмы?

— Выходит, так...

— А камни?

— Сейчас. Притормози немного. Ага... Совершенно не нагрелись. Температура окружающей среды.

— Значит, «домино» — идеальный проводник?

— Да. Видимо, перед нами энергомот, по которому передается громадная энергия.

— Кем и куда?

— Хотел бы я знать!

Космонавты были необыкновенно возбуждены. Ренэ предстала перед ними в совершенно новом качестве. Только что они пытались уподобить «улиток» земным пресмыкающимся. Но передача громадного количества энергии на значительное расстояние! Трасса, специально построенная для этого! Нет, на это способны только разумные существа! Выходит, «улитки» мыслят?

— Как думаешь, в каком направлении течет энергия? От плато или к плато? Это очень важно, — заговорил Азизов.

— Скорее всего к плато. Видимо, нашим «улиткам» не хватает энергии, вот они и получают ее откуда-то из глубинных районов.

Азизов в раздумье покачал головой, но ничего не сказал.

Адам вел вездеход вдоль светящейся трассы.

Внезапно в разрыве между скалами мелькнула...

— Командир! — Адам едва не вцепился Олмосу Азизовичу в плечо. — Там, смотри! — Тут же он развернул вездеход, кружась на одном месте.

Справа за скалами, далеко в стороне, горела точно такая же вторая трасса.

— Мы можем еще подняться? — спросил Азизов.

— Да, еще на семь километров.

— Поднимайся, Адам.

Вибрируя, «Беркут» пошел вверх. И едва ли не с каждой новой сотней метров в поле зрения космонавтов оказывалась новая светящаяся линия. Казалось, вся планета пересечена фосфоресцирующими трассами, которые нигде не пересекались. Автоматический информатор аккуратно записал данные в ячейки накопителя.

— Почему же мы не видели этого раньше?! — недоуменно воскликнул Адам.

— Ничего странного. «Алмаз» подстраивался под Годво и все время висел над дневным полушарием. Ваша группа дальше плато не выбиралась. А трассы, видимо, «работают» только ночью.

— Смотри, линии тянутся не только от нашего плато, но и от других. Неужели и там «домино»?

— Ах, Адам, Адам... Как много неожиданной информации! Справимся ли мы?

На пульте ярко вспыхнула лампа экстренного вызова хижины, продублированного резким звонком. Оба космонавта вздрогнули от неожиданности.

На связи был Беганас:

— Дядюшка, я хотел спросить — можно начинать?

— Что?

— Готовить ужин?

— И ты только из-за этого нас вызывал?!

— Нет, это я спросил попутно. А вообще-то пришло сообщение с «Алмаза». По инструкции я обязан доложить об этом немедленно.

— Ну, Беганас, бестолковая ты голова! С этого и нужно было начинать! Читай!

— Сейчас... Вот... «Азизову. Космический Центр ставит вас в известность, что «Буран» достигнет планетной системы Годво на две недели раньше запланированного срока. Начаты поиски подходящего астероида для «улиток». Рекомендованное количество груза — не более 20 тысяч тонн. Бородин».

— Двадцать тысяч тонн! — горько усмехнулся Азизов, глядя на окружающую темень, перечерченную яркими трассами. — Ничтожная пылинка...

Тут же он резко повернулся к спутнику:

— Адам!

— Да, командир...

— Сколько часов ты обычно спишь?

— Около пяти...

— Я тоже. Но теперь нам придется спать меньше.

— Вероятно...

— «Буран» прибудет раньше. Мы совершенно не знаем Ренэ. И нас всего двое.

— Хорошо, командир, — улыбнулся Адам. — Будем спать меньше. Но нас не двое, а трое. Беганас тоже сын Земли.

— Кстати, насчет Беганаса... Ты бы не смог несколько перестроить его? Конечно, спасибо Питу, что он сделал из Беганаса весельчака... Но робот слишком много болтает. Ты не находишь?

Адам долго молчал, потом ответил:

— Ладно, я попробую.

— Вот-вот, попробуй. А пока возвращаемся в хижину. В такой темноте все равно ничего не разберешь. Лучше исследуем трассу завтра утром.

* * *

С рассвета земляне были в долине. Азизов предложил вначале исследовать истоки огненной трассы. По видеозаписи следовало, что она брала начало прямо из основания горного хребта.

Космонавты вылезли из вездехода. Камни лежали в том же порядке, что и вчера днем. Ни сами камни, ни местность возле них ничуть не изменились. Ни по каким признакам нельзя было догадаться, что ночью здесь горела огненная струя.

— Мне ночью пришла в голову одна мысль, — в раздумье проговорил Азизов.

Адам вопросительно посмотрел на командира.

— «Улитки» не могут быть разумными существами, — продолжал тот. — Разумные существа никогда не набросятся на корабль инопланетян, как это было в случае с «Фотоном», чтобы сожрать его без остатка. Хотя бы из чувства осторожности, свойственной всем мыслящим особям.

— Не будем забывать, однако, что жизнь на Ренэ имеет принципиально иную основу...

— Только по форме, Адам. Разум, в какую бы оболочку он ни был заключен, действует по законам логики.

— Между прочим, командир, ты заметил любопытную деталь? «Улитки» запросто сожрали наш «Фотон», а к «Бургуту» даже не приближаются? А ведь в нем тоже немало металла...

— Что из этого следует? — быстро спросил Азизов.

Адам задумался:

— Видимо, «улитки» что-то поняли...

Азизов с сомнением покачал головой:

— А может быть, «улиткам» дали команду не трогать наши объекты?

— А «Фотон»?

— «Фотон» прибыл на Ренэ неожиданно. Вероятно, это была первая посадка инопланетного корабля за всю историю планеты.

— Но кто мог дать такую команду? Кто влияет на поступки «улиток»? И что в таком случае представляют собой сами «улитки»?

— Вот, смотри...

Космонавты оказались у первого камня этой необычной трассы. По размерам и по цвету камень был такой же, как и все остальные. Вообще, все камни казались близнецами, сделанными по единому образцу в какой-то таинственной мастерской.

Первый камень лежал в семи метрах от отвесной скалы. Стена напротив камня была чуть вогнутой, и хотя ее поверхность представлялась необработанной, вряд ли эта вогнутость могла образоваться естественным путем.

Внимание космонавтов сразу же привлекла нижняя часть скалы, тянущаяся на пять-шесть метров в каждую сторону от оси трассы. Казалось, что в скалу вделана массивная плита из другой породы, усеянная глубокими овальными отверстиями. Именно на эти отверстия и указывал командир Адаму. Отверстия все были овальные, но самых разнообразных размеров.

— Эти дырки естественным происхождением не объяснишь! — взволнованно проговорил Адам.

— Да, — кивнул Азизов. — Тебе не кажется, что они очень похожи на гнезда для «улиток»?

— Верно! Здесь они заряжаются энергией.

— Или разряжаются...

— Но как это определить?

Азизов опустил на корточки перед странной плитой.

— Помнишь, я обмолвился тебе, что ночью мне пришла в голову одна мысль?

— Да, но какая?

— Что, если «улитки» — это нечто вроде местных коров? Тогда все становится на свои места. «Улитки»-коровы пасутся днем на освещенных местах, впитывают энергию, с помощью которой извлекают из недр определенные вещества. Ночью же они идут на «дойку» вот к этой плите. И все, что они накопили за день, переправляется по энергомоту вот по этой трассе — в

хранилище. Таким образом, наше плато, как, видимо, и другие, не что иное, как пастбище.

— Командир — ты гений! — воодушевленно воскликнул Адам. — И в самом деле, только безмозглые коровы могли принять «Фотон» за свалившийся с неба металлический метеорит и сожрать его. Но...

— Но?

— Если есть коровы, значит, должны быть и пастухи, и строители энергомоств, и просто потребители звездного «молока».

— Да. И наш долг — найти их.

— Установить контакт!

— И выполнить печальную необходимость — сообщить об участи Ренэ...

— А, может быть, спасти! — Глаза Адама вспыхнули благородным огнем. — Командир, надо сообщить на Землю! Пусть пришлют другие корабли. Может быть, есть возможность вывезти всех?

Азизов покачал головой:

— Хорошо бы... Земле мы сообщим сегодня же... Но мы не знаем, сколько их... А пока нужно искать контакт, способ общения.

Безмерно усложнилась задача маленького экипажа! Если раньше речь шла о том, чтобы вывезти на какую-нибудь необитаемую планету небольшую часть «улиток», с тем чтобы необычная форма жизни не исчезла окончательно, то теперь предстояло позаботиться о спасении своеобразной цивилизации, достигшей достаточно высокой степени развития. Огромная ответственность легла на плечи двух людей.

Адам поднял вздох над скалами, и они полетели вдоль пунктира черных камней. Лететь пришлось долго. Спидометр отсчитывал уже четыреста семьдесят шестой километр, когда показался конец трассы. Адам мягко приземлил машину. Люди выпрыгнули из кабины, устремившись вперед.

Однако и здесь они не обнаружили ничего необыч-

ного. Последний камень трассы лежал у основания обрывистой скалы, в которую была вделана такая же длинная узкая плита. Отверстий в плите не было, только в центре выделялся черный круг с размытыми краями диаметром около десяти сантиметров.

— Видимо, там, в недрах горы, скрыты преобразователи и аккумуляторы получаемой энергии, — предположил Азизов.

— А неорганики? — Адам тут же придумал термин для разумных существ Ренэ. — Неужели они обитают в подземельях?

— Возможно...

Космонавты обошли окрестности конца трассы, внимательно вглядываясь в каждый камешек, однако безрезультатно.

— Ничего нет... — вздохнул Адам.

— Не слишком ли много мы хотим? Ведь исследована ничтожная часть планеты.

— Но командир! Наш экипаж пробыл на Ренэ почти два года. Почему неорганики, раз они существуют, не пытались вступить с нами в контакт?

— А с вашей стороны предпринимались такие попытки?

— Нет. Мы даже не догадывались об их существовании.

— Вот видишь! А нам, землянам, гораздо легче прийти к мысли о возможности неорганической жизни, вообще о существовании разнообразных форм живой материи. Мы уже давно путешествуем по космосу, многое poznали, кое-чему научились. А поставим себя на место обитателей Ренэ? Конечно же, им кажется, что если где-то и существует жизнь, то она обязательно неорганического происхождения. Поэтому они скорее всего могли принять за живое существо «Фотон», чем вас — его экипаж. Учти и то обстоятельство, что «Фотон» опустился на плато, числящееся у неоргаников, по-видимому, отдаленным краем. Так что узнали о вас

они не сразу. Еще больше времени потребуется на то, чтобы осознать сам факт органической жизни.

— Да, но два года!

— Срок немалый. Но кто знает, может быть, они и предпринимали попытки к контакту, которых вы попросту не заметили.

— Честно говоря, нам было не до того. Главное для нас было — обезопасить себя от «улиток».

— Вот-вот. Припомни, может, все-таки происходили какие-нибудь странные вещи? Особенно в последнее время.

Адам покачал головой.

— Так сразу не припомнишь. Но я подумаю.

— Обязательно подумай. Но это между делом. А главное для нас с тобой — придумать какой-нибудь способ контакта!

— Да, я понимаю!

Они еще раз прошли вдоль скалы. Ничего. Абсолютно ничего. Никаких следов деятельности разумных существ. Кроме самой трассы, естественно.

— Посмотрим, что делается на других трассах? — предложил Азизов.

— Да. Там есть и более длинные линии.

В кабине они изучили глобус Ренэ, на который автоматический самописец нанес все светящиеся трассы, увиденные ночью.

«Беркут» снова поднялся над скалами. До наступления темноты космонавты успели осмотреть еще две небольшие линии и одну гигантскую, тянущуюся едва ли не до экватора. Однако ничего нового так и не обнаружили.

В хижину возвращались глубокой ночью. Внизу то и дело вспыхивали энергомоcты. Информатор насчитал их уж несколько десятков, а ведь по-прежнему была исследована и даже не исследована, а только осмотрена малая часть Ренэ. Истекали вторые сутки пребывания людей на планете.

— Нет! — решительным тоном проговорил Азизов. — Я не верю, что на всей планете нет больше иных сооружений, кроме энергомоств. Нам нужно осмотреть все, всю поверхность, и как можно скорее. Вездеход слишком медлен. Надо сегодня же подготовить к старту «Бургут». Я тут прикинул — если мы будем все время двигаться с солнечной стороны, то за двое суток сумеем осмотреть всю планету. Согласен?

Адам не отвечал.

Удивленный Азизов взглянул на него. Лицо механика было сосредоточенным, он напряженно о чем-то размышлял. Уловив на себе взгляд командира, встрепенулся и проговорил со смущенной улыбкой:

— Извините, задумался... Вы о чем-то спросили?

— Да, я говорил, что сегодня нужно подготовить к старту «Бургут». Будем с орбиты высматривать другие искусственные сооружения.

— Хорошо, к утру «Бургут» будет готов.

* * *

Проснулся Азизов рано. Было еще темно. Он посмотрел на часы: пусть Адам еще с часик поспит, намаялись вчера с «Бургутом». Сам же он встал, оделся и вышел из пещеры. На плато маячила длинная фигура Беганаса.

— Дядюшка, будете завтракать? — спросил робот.

— Спасибо, не хочется.

— Вот и братишка такой же, — сокрушенно вздохнул Беганас. — Я, между прочим, напомнил ему старую человеческую мудрость: «Завтрак съешь сам, обед подели с другом, ужин отдай врагу». И как вы думаете, что он мне ответил? — Робот закашлялся. — Даже повторять совестно.

— Значит, Адам уже на ногах? — рассеянно спросил Азизов.

— Давно на ногах, вернее, на колесах, — хихикнул Беганас.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, как же! Едва он вышел из пещеры, как завел вездеход и уехал. Значит, в данный момент он не на ногах, а на колесах. Верно? — Беганас вытянул шею, словно ожидал, когда его похвалят за смекалку.

— Уехал? Один? Когда это произошло? — Азизов был поражен.

— Сейчас скажу точно. Я-то записал на всякий случай. Вот. Один час сорок семь минут двенадцать секунд назад. Правда, пока я сказал эту фразу, прошло еще восемь секунд. Таким образом...

— Ах, Беганас, помолчи ради бога!

— Ради кого?

— Просто помолчи!

Командир ничего не понимал. Вчера вечером они с Адамом расписали сегодняшний день буквально по секундам. Через полтора часа нужно стартовать. Может быть, Адам вернется с минуты на минуту? Скорее всего так. Но почему он уехал, не предупредив? Азизов был раздосадован. Он посмотрел на комическую физиономию Беганаса и нахмурился еще суровее. Ведь просил же перестроить Беганаса! Тоже не сделано.

Азизов прошел в радиорубку «Бургута», включил пеленгатор. Дело в том, что вездеход был оборудован специальным радиоустройством, которое периодически испускало в эфир радиосигналы.

Сигнал был очень слаб, видимо, вездеход находился в глубоком ущелье между скалами. Командир ввел данные в ЭВМ. Так-так. Адам в самом конце трассы, которую они нашли первой. Лететь оттуда около часа. Значит, Адам появится еще не скоро.

Азизов нажал клавишу прямой связи и сухо проговорил:

— Адам, я жду тебя.

Тут же он выключил передатчик. У него не было никакого желания выслушивать оправдания Адама.

Всегда поддерживая и поощряя в людях самостоятельность, Азизов терпеть не мог чрезмерной самонадеянности, скоропалительных решений, поступков, основанных не на тщательном анализе, а на эмоциях. В конце концов, Адам просто по-человечески обидел его своим поступком. Их, людей, всего двое на Ренэ. И если каждый начнет делать, что ему хочется... Азизов решил, что, как только Адам появится, он поговорит с ним сдержанно, но достаточно жестко.

Командир вернулся в хижину и принялся перелистывать вахтенный журнал экспедиции Пита Старка. Кажется, он уже наизусть знал каждую строчку, однако эти записи каждый раз будили новые мысли, заставляя по-новому взглянуть на ситуацию. Перелистывая хрустящие страницы, Азизов не заметил, как прошел час. Видимо, Адам уже вернулся. Командир встал и прошелся по комнате в предчувствии крупного разговора.

Вот шаги за дверью, деликатное покашливание. Видимо, чувствуя за собой вину, Адам не решался войти. Наконец дверь раскрылась. На пороге стоял Беганас с подносом.

— Простите, дядюшка, — заговорил он, моргая глазами-светильниками и шевеля картофелеобразным носом, — хоть вы и запретили беспокоить вас, но тем не менее вчера вечером я получил от вас же приказ подать завтрак за полчаса до рассвета, а кроме того, приготовить провизию на двое суток для двух человек.

— Хорошо, — терпеливо ответил Азизов. — Ты все исполнил?

— Естественно! А как же могло быть иначе?

— Тогда ставь приборы на стол и зови Адама.

Болтливый робот на этот раз ничего не ответил, а только переминался с ноги на ногу.

— Как! Ты хочешь сказать, что Адама еще нет?

— Я уверен, что он вот-вот подъедет. Адам очень дисциплинированный парень. Выпейте пока кофе, командир. Это успокаивает. Я для вас заварил по особому рецепту. Значит, так: берется ложечка...

— Черт знает что такое! — пробормотал Азизов, быстрыми шагами направляясь к «Бургуту».

До старта оставалось всего двадцать восемь минут. Если они не успеют взлететь вовремя, то придется заново пересчитывать всю программу полета, менять координаты, а это, как ни крути, несколько часов. Вчера далеко за полночь они с Адамом колдовали над ЭВМ, составляя оптимальный маршрут полета. Неужели Адам не понимает ситуации?

В радиорубке он резким движением включил приемник, определил пеленг вездехода. Тот по-прежнему находился в ущелье в конце трассы. Это по-настоящему возмутило Азизова.

— Адам! — позвал он.

Ответа не было. Лишь «Беркут» продолжал посылать сигналы радиомаяка.

— Адам! Адам! — крикнул Азизов, у которого впервые шевельнулось страшное подозрение.

И опять мерное попискивание в приемнике.

Азизов стремительно выбежал из корабля.

— Беганас! Беганас!

— Я здесь! — ответил верный робот.

— Настрой «Бургут» и хижину на автоматическую защиту с самоконтролем, сам собирайся в путь. Мы отправляемся.

— Слушаюсь! Однако могу ли я поинтересоваться характером путешествия, а также теми предметами, которые нужно прихватить с собой?

— Мы едем на поиски Адама. Возможна опасность. Вооружись.

Тут же, повернувшись, он опять вбежал в «Бургут», в его грузовой отсек. Здесь стоял укрепленный на осо-

бых амортизаторах второй — резервный — вездеход «Малыш». Прошло еще десять минут, прежде чем Азизов вывел его наконец на плато. Робот уже поджидал и, балагуря, полез в кабину.

Резервный вездеход был менее универсален, чем «Беркут». Летать он мог только в вертолетном режиме. Азизов повел его над скалами, верхушки которых уже окрасились первыми ярко-оранжевыми лучами Годво. Внизу же, в ущельях, еще лежали густые сумерки. Окажись сейчас в вездеходе художник, он бы не мог не любоваться фантастической картиной огненного леса скал, как бы поднимающегося из разводов тумана. Но Азизову, хотя он отнюдь не был лишен чувства прекрасного, сейчас было не до красот местного ландшафта.

Приемник он все время держал включенным, а Беганасу поручил непрерывно вызывать Адама.

— Братишка! Адам! Уважаемый Адам! С тобой хочешь говорить Беганас. Ответь, если уважаешь Беганаса! — надрывался робот.

Ответа не было.

Когда они наконец достигли конца трассы, диск Годво взошел уже достаточно высоко и осветил даже днище самых глубоких ущелий.

Они летели на небольшой высоте, атмосфера была по-прежнему прозрачной, и силуэт «Беркута» они увидели еще издали.

Азизов вздохнул. Все же вездеход цел, а то он уже начал опасаться, что машина стала жертвой «улиток».

Однако была какая-то странность в том положении, в котором «Беркут» замер у скалы.

Азизов осторожно опустился рядом.

— Эге, дядюшка! — воскликнул Беганас. — А дела-то плохи!

На сей раз робот был абсолютно прав. Азизов и сам видел это. Он мгновенно понял замысел Адама.

Тот решил сфокусированным лучом лазера осторож-

но слой за слоем прожечь тоннель в скале, чтобы добраться до подземелий, где могли обитать неорганики. Почти на три метра углубился «Беркут» в горные недра, но затем что-то случилось. Вездеход закупорил им же прорытое отверстие, из которого выглядывала сейчас лишь задняя половина машины. Все эти факты Азизов механически фиксировал в сознании. Жив ли Адам, вот единственное, что сейчас волновало его.

Чтобы открыть снаружи задний люк машины, пришлось пустить в ход электронный резак. Беганас орудовал этим инструментом быстро и с ювелирной точностью, но Азизову казалось, что робот непозволительно долго копошится. Он приплясывал на месте от нетерпения.

Наконец люк был вскрыт. Азизов протиснулся в кабину, оберегаемый защитным полем, которое направил на него Беганас. Передняя часть вездехода была повреждена, видеозэкран деформирован. Сквозь трещину в обшивке командир увидел тоннель, выкопанный вездеходом, и в конце его ребристый щит из блестящего металла. Из-за щита, который, видимо, был весьма тонок, доносился какой-то шум и гул, словно в подземелье работала тысяча машин.

Внутри кабина пострадала незначительно. Радиомаяк действовал по-прежнему. Теперь было ясно, почему он посылал такие слабые сигналы, ведь вездеход находился, по сути дела, в каменном мешке. Уцелели почти все приборы, вся исследовательская аппаратура. Даже глобус Ренэ по-прежнему матово поблескивал в полумраке.

Была уничтожена только лазерная установка, а также связанная с ней и питающая ее энергосистема вездехода. Если бы землянам пришла вдруг в голову шальная мысль вывести из строя именно эти узлы вездехода, оставив в полной неприкосновенности все прочее, вряд ли они справились бы с такой задачей. Адам лежал в кресле и, видимо, давно уже находился в шо-

ковом состоянии. Азизов прощупал его пульс и несколько успокоился. Затем осторожно подтянул Адама к заднему люку и передал его с рук на руки Беганасу.

— А все это случилось потому, что он уехал, не позавтракав, — не удержался робот.

Выбираясь из разбитого вездехода, Азизов случайно еще раз посмотрел сквозь щель в обшивке. Но странное дело! Никакого блестящего щита он уже не увидел. Вездеход упирался в грунт, самую обыкновенную скалу. Из ее недр не доносилось ни звука.

Однако сейчас было не до наблюдений. Надо было как можно скорее доставить в хижину Адама и оказать ему срочную помощь.

Устроив вдвоем с Беганасом пострадавшего в вездеходе, Азизов хотел было поручить роботу снять с «Беркута» все, что могло пригодиться впоследствии, но раздумал. Не потеряют ли они и Беганаса, пытаясь спасти остатки вездехода? Да и как он управится один, без Беганаса в хижине? Кто знает, быстро ли Адам встанет на ноги. Видимо, надо смириться с потерей «Беркута». И это в самом начале работы! Но на Адама он больше не сердился, хотя и предполагал, что теперь установить контакт с неорганиками будет значительно труднее.

Беганас кое-как втиснулся в вездеход, рассчитанный на двоих. Взлететь Азизов не рискнул и повел машину по долине вдоль черных камней, словно выжженных жаркими лучами Годво.

Беганас, как ни странно, очень долго молчал. И лишь когда наконец долина осталась позади, с самодовольным видом произнес:

— Восемьдесят девять тысяч шестьсот девяносто три!

— Чего? — не понял Азизов, то и дело с тревогой поглядывающий на Адама.

— Вот этих самых черных шуток. Я их посчитал на всякий случай. Сам догадался. Вот!

Медицинский диагностизатор несколько успокоил Азизова. У Адама был только глубокий нервный шок. Не исключалось кратковременное воздействие несильного паралитического поля. Или чего-нибудь в этом роде. Рекомендуемый метод лечения: спокойный сон, электро-массаж, растирание.

С терпеливостью многоопытной сиделки занялся Азизов выхаживанием больного. Верный Беганас помогал как мог, он бы в лепешку расшибся ради «братишки», если бы от этого зависело выздоровление.

Несмотря на старания человека и робота, Адам двое суток не приходил в себя. Пульс у него был ровный, дыхание спокойным, но обморочное состояние не проходило. Азизов уже всерьез подумывал, не поместить ли ему Адама в анабиозную камеру до прилета «Бурана».

Однако на третьи сутки произошло чудо. Адам зевнул, открыл глаза и приподнялся на локте, точно так же, как если бы он пробудился после обычного сна. Он осмотрел комнату и, увидев возле своей кровати всю медицинскую начинку хижины, густо покраснел.

— Адам! — дрогнувшим голосом тихо окликнул его командир. — Адам! Ты меня слышишь?

Тот медленно повернул голову от стены и посмотрел на Азизова влажными глазами:

— Командир... Я уже давно здесь? — спросил он.

— Не очень.

— Но все-таки?

— Это после, Адам.

Механик глубоко вздохнул:

— Прости меня, командир. Прости, если можешь. Я вел себя как мальчишка. Решил, что сам смогу добраться до неоргаников... Поддался эмоциям...

— Рад, что ты понял это, — сдержанно ответил Азизов. — Однако как ты себя сейчас чувствуешь?

— Прекрасно, если иметь в виду физическое состоя-

ние. Вот! — Он быстро сел на кровати и напряг мышцы. — Руки-ноги целы... Голова тоже. Хотя могло быть хуже.

— Пожалуй, что так.

— А что с вездеходом?

— У нас есть резервный.

— Значит, погиб?

— Не переживай, Адам. Потерянного все равно не вернешь. Но уроки из случившегося извлечь можно.

Адам сжал ладонями виски:

— Боже, как все глупо! И главное — совершенно безрезультатно. Я ничего не помню. Абсолютно ничего после того момента, как вспыхнуло пламя. Ну да! Я рассчитывал пробурить отверстие, поглядеть, что у них там есть в подземелье и еще до твоего пробуждения вернуться в хижину с новостями. Лазер с легкостью врезался в скалу. Потом вдруг какие-то вспышки, яркий луч света... Я только успел зафиксировать, что силовая защита вездехода пробита, и тут меня начало обволакивать каким-то туманом... Больше не помню ничего...

— Хорошо, что ты догадался включить радиомаяк, — заметил Азизов. — Мы, по крайней мере, узнали, где тебя искать.

— Но я не включал маяк!

— Как не включал? Ты что-то путаешь.

Адам потер лоб кончиками пальцев.

— Возможно... Да, но что нам теперь делать, командир?

— Не знаю. Во всяком случае, в районе трассы лучше пока не показываться.

У Адама был совершенно убитый вид. Он тяжело переживал последствия своего необдуманного поступка.

«Что я знаю об этом парне? — неожиданно поймал себя на мысли Азизов. — Что, кроме того, что он фанатично предан делу и хорошо знает свою профессию? Правда, он не из моего экипажа, не я выбрал его себе

в напарники, нас свели обстоятельства. Однако мы вместе уже несколько суток и, кажется, могли бы за это время узнать друг друга получше. К сожалению, в космосе нередко случается иначе. Думаешь: а, ладно, впереди еще много времени, успеем поговорить по душам. Но день идет за днем, экспедиции заканчивают работу, люди расстаются, так и не узнав друг друга. Вот что обидно!»

Ему захотелось как-то ободрить, утешить спутника.

— Не горюй, Адам. Найдем способ загладить свою промашку.

— Мою промашку. И не промашку, а глупость, — поправил тот.

— Ладно тебе. Оба хороши. И вот что... — Он наклонился к Адаму и прошептал: — Давай все-таки не преувеличивать своих оплошностей, не то Беганас потерит к нам всякое уважение.

— Кстати, насчет Беганаса... — Адам умоляющими глазами посмотрел на Азизова. — Командир, ты просил перестроить его... Я не смог, извини. Мы с Беганасом вместе в экспедициях вот уже четыре года. Понимаешь, я не смог...

Азизов понял. Когда привыкаешь к роботу, то перестроить его характер, все равно что выгнать из дома любимую собаку.

Он прикоснулся к плечу механика.

— Это ты меня извини. Я не подумал, когда попросил тебя об этом. Хотя как командир обязан был учесть все обстоятельства. Пусть Беганас остается Беганасом. Идет?

— Спасибо, командир.

Выздоровление товарища обрадовало Азизова. Трогало и искреннее раскаяние Адама. «Нет, мы сработаемся, — с уверенностью решил командир. — Выполним все, что надо. Вот только пусть Адам немного окрепнет». Глядя на осунувшееся лицо механика, его похудевшую шею, он испытал щемящее чувство, когда вспо-

мнил случайную реплику Пита Старка о замкнутом характере Адама. Азизов сел в кресло рядом с кроватью механика и, доброжелательно улыбаясь, спросил:

— У тебя на Земле есть девушка?

— Нет, — хмуро ответил Адам.

— Ну... Чтобы у такого красивого парня не было девушки?.. — Азизов улыбнулся шире.

Адам повернул голову к стене, как бы демонстрируя свое нежелание продолжать разговор в таком тоне. Однако чувство вины перед командиром что-то переборол в нем. Похоже, что и его тяготила некоторая официальность их отношений. Он тоже тянулся к более живым и товарищеским контактам.

— В нашем классе училась одна девушка. Ее звали Света, — с заметным усилием заговорил Адам. — Я знал, что нравлюсь ей. У нас были чисто товарищеские отношения. Правда, в ее присутствии я ощущал какую-то легкость, раскованность, чувствовал себя рыцарем. Но это казалось мне само собой разумеющимся. Я думал, что так будет всегда. — Адам вздохнул, выдержал небольшую паузу и продолжил: — Еще в школе я решил стать космолетчиком. Желание естественное и легко объяснимое: мой отец и мать не один год провели в экспедициях... И еще — я мечтал о необыкновенной, возвышенной, изумительной, потрясающей любви. Ну, например, что где-нибудь в космосе открою неизвестную планету, населенную очень красивыми людьми и меня полюбит самая прекрасная, самая поэтичная девушка этой планеты. Красота ее не будет поддаваться описанию. Нашей любви будет завидовать вся Вселенная, а лучшие поэты обитаемых миров всех галактик посвятят нам свои поэмы... Не больше не меньше. Только так.

— Не думай, что ты был тут так уж оригинален, — улыбнулся Азизов.

— После школы я поступил в Пражский университет на факультет эксплуатации звездолетов. Через несколько месяцев в Прагу переехали и мои родители,

так что в Оставу, где жила Света, я больше не возвращался. Кстати, в том же году она стала студенткой Будапештского медицинского института... Жизнь моя была заполнена до предела — учеба, практические занятия, театр, гимнастические залы, стихи, вечеринки... Но все время меня не покидало чувство, что я лишился чего-то очень важного, прошел мимо чего-то значительного в своей жизни. Нет, дело вовсе не в том, что к тому времени я распрощался с наивными мечтами о надзвездной любви... Это естественный и закономерный процесс... У меня было все — и все-таки чего-то не хватало...

На строгом лице Адама появилось мечтательное выражение, он словно бы перенесся в дни своей юности.

— Первая моя звездная экспедиция оказалась не слишком продолжительной. Но все равно я здорово скучал по Земле. Ты наверняка и сам не забыл той сложной гаммы чувств, возникающей, когда первый раз возвращаешься со звезд к нашей голубой старушке. Тут и разочарованность — мечтал сделать великое открытие, а собраны лишь крупинцы нового, и гордость — как-никак прошел обкатку космосом, и радость — впереди встречи с друзьями, родными, и... — Он взглянул на командира: — Собственно, чего я тебе рассказываю!

— Все нормально, Адам. — Азизов доброжелательно улыбнулся. — Продолжай, пожалуйста. Я слушаю очень внимательно.

— Итак, посадка, разгерметизация корабля, медицинский осмотр. Вхожу, едва не насвистывая, в кабинет рентгенолога и вижу... Свету в белом халате. Вернее, халат я рассмотрел уже потом. А вначале — ее глаза, большие, распахнутые, цвета бразильского кофе. И вот тогда в одну секунду я понял, чего мне не хватало все эти годы. Понял, что юношеские мечтания о «красивой» любви едва не заслонили от меня земную любовь, которая в тысячу раз прекраснее и притягательней. Мы забросали друг друга вопросами. Больше

всего мне хотелось спросить ее тогда: «У тебя есть спутник?» Но я никак не мог отважиться. Боялся, что она скажет: «Да». Ведь прошло столько лет. Но она ответила: «Нет».

Адам улыбнулся. Что же касается Азизова, то он перестал улыбаться, ибо предчувствовал, что у этой истории очень грустный конец.

— Мы любили друг друга. Три года продолжалась эта сказка...

— Вы... расстались?

— Мы никогда не смогли бы расстаться...

Похоже, у этой истории был не только грустный, но и трагический конец.

— Света увлекалась дельтапланеризмом. Знаешь этот старинный вид спорта?

— Конечно...

— Я был как раз в экспедиции, когда на тренировках в Альпах она попала в восходящий поток воздуха. Редчайший случай... Ее нашли только через сутки на дне глубокого ущелья. Крылья разбились о скалы...

— Извини, Адам. — Азизов был потрясен. — Извини, что заставил тебя ворошить прошлое...

— Для меня это так и не стало прошлым. — Теперь лицо механика приобрело прежнюю суровость и задумчивость. — Все понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Говорят — время лечит... Ничего оно не лечит.

Несмотря на то, что воспоминания пробудились в нем с новой силой, Адам не мог не заметить, что его рассказ расстроил командира. От этого ему сделалось неловко, и он переменял тему.

— А я знаю твою жену.

— Клару?

— То есть не то, чтобы знаю... Был как-то раз на выставке художников-любителей. По-моему, у нее талант.

Азизов понял, чего добивался Адам, и подыграл ему:

— Со стороны, наверное, виднее. А что касается ме-

ня, то я до сих пор не научился делать женщинам комплименты. Даже собственной жене.

— Ты был на выставке вместе с ней.

— Значит, она затащила меня.

— Ты не любишь живопись?

— Живопись я люблю. Мастеров. А любители, честно говоря, навевают на меня скуку.

— Однако тогда у тебя был просто счастливый вид. Как и у твоей жены.

— Да, это правда, — ответил Азизов, стараясь случайно не травмировать Адама неосторожным словом: — Я счастлив. Мне уже сорок. Клару я встретил двадцать лет назад и до сих пор считаю, что мне повезло. Смею надеяться, она тоже так думает. — Он сказал это очень просто, но в его тоне прозвучала нежность.

— А где вы познакомились?

— На улице.

— На улице?

— Да. Помню, я вышел из библиотеки, смотрю, напротив у фонтана стоит девушка. Как выяснилось потом, она поджидала подругу. Она понравилась мне с первого взгляда. Я притаился за колонной, наблюдая за ней и боясь, что она вот-вот уйдет. Наконец я сказал себе, что будет очень глупо, если мы не познакомимся. Но как это сделать? Почему-то на меня нашло необъяснимое смущение. Наконец я решился на отчаянный шаг. Решительно подошел к ней и говорю: «Девушка, пойдемте со мной в кино». Она очень спокойно и внимательно посмотрела на меня и ответила: «Хорошо»...

Еще некоторое время продолжался их разговор. Наконец Азизов заметил, что Адам утомился. Видимо, силы механика пока не восстановились полностью. Несмотря на его протесты, Азизов подключил запястье Адама к регулятору сна. Через минуту механик крепко спал. Пусть выспится как следует, подумал командир, устанавливая стрелку регулятора на десять часов. Это для него лучшее лекарство.

Азизов вышел из хижины, направляясь к плато.

«Бедный Адам, — думал он. — Но он не совсем прав. Время все-таки лечит. Хотя лучше не иметь необходимости лечиться временем от воспоминаний».

Где-то в глубине сознания он чувствовал, что сегодняшняя беседа пошла обоим на пользу. Они стали ближе друг другу.

Он вышел на плато. Беганас вопросительно посмотрел на него:

— Дядюшка, как дела у братишки?

— Теперь все хорошо. Будь сегодня с ним поласковее.

— Ласковее, чем всегда? Я работаю на верхнем пределе ласковости.

— И все же постарайся.

* * *

Азизов поднял «Малыша», направляя его точно над трассой. Необходимо было заметить «Беркут» как можно раньше. Ибо возможны два варианта.

Первый — вздох находится в прежнем положении, то есть наполовину в скале. Если неорганики его не тронули — это хороший признак. Значит, они правильно оценили ситуацию. Поняли, что произошла досадная ошибка, и не стали ее связывать с агрессивностью землян. Или, по крайней мере, решили выждать. Это хорошо. Тогда возможен относительно быстрый контакт.

Второй вариант — вздох уничтожен. Это могло бы быть или демонстрацией оборонной мощи неоргаников, или явным недружелюбным актом, или жестом отчаяния не разобравшихся в ситуации мыслящих существ. Тогда возможность контакта значительно затруднялась.

Итак, прежде всего нужно увидеть «Беркут». Тогда станет ясно, как вести себя дальше.

Показались высокие вертикальные скалы, венчающие собой трассу. Азизов навел в ее основание телескоп и припал к окуляру. Чуть левее... Так! Он едва не вскрикнул от неожиданности. Он предполагал все что угодно, но только не это. Никакого отверстия в скале не было. На том месте, где Адам предпринял попытку проникнуть в глубь горного хребта, выступала такая же горная порода, твердая и пористая. Но самое удивительное заключалось не в этом. Рядом со скалой стоял «Беркут», на котором не было видно никаких следов повреждений, по крайней мере, с такого расстояния.

Азизов подлетел ближе, не отрываясь от окуляра. Сомнений не оставалось. Вездеход был полностью восстановлен, словно он побывал на лучшем ремонтном заводе Земли.

«А что, если это ловушка?» — на миг мелькнула у командира мысль, но он тут же ее отогнал. Если бы неорганики решили причинить землянам зло, они могли бы сделать это давным-давно, хотя бы тогда, когда Азизов вытаскивал Адама из «Беркута».

Решительно он направил «Малыша» вниз и посадил его рядом с вездеходом. Затем выбрался из кабины и обошел возрожденный «Беркут» кругом. Так-так. Все восстановлено до мелочей. Все, кроме лазерной пушки. И в этом, возможно, заложен глубокий смысл. В остеклении ни малейшей трещинки... Задний люк, через который он вытаскивал Адама, по-прежнему слегка приоткрыт.

Азизов протиснулся в кабину. Часть ее в то злополучное утро была повреждена. Ныне и здесь все восстановлено. Причем с каким поразительным мастерством! Насколько точно! Он наклонился к панели. В тот раз панель почти полностью сгорела. Раньше вот здесь, внизу, красовалась большая буква В, которую кто-то нацарапал острым предметом. Азизов наклонился и даже вздрогнул, увидев внизу четкий контур буквы. Что

же выходит? Что они дотошно изучили конструкцию вездехода? Вплоть до мельчайших деталей. Значит, они бывали и внутри? Проникали беспрепятственно через силовое поле, защиту, проходили незамеченными мимо сверхбдительного Беганаса? Или они владеют каким-то иным методом восприятия информации об окружающем мире?

С некоторым волнением он нажал клавишу запуска левой поворотной турбины — вспомогательного двигателя вездехода. Турбина тонко запела, шкала приборов осветилась. Дрогнула и стронулась с места стрелка. Азизов поочередно испытал остальные турбины. Каждая работала безупречно.

Наконец, решившись, он запустил главный двигатель. Сначала на малых оборотах, затем все больше и больше увеличивал тягу. Приборы не зафиксировали ни одного нарушения параметров.

Итак, неорганики сумели починить в считанные часы машину, изготовленную на другой планете, другой цивилизацией, абсолютно непохожей на здешнюю по своим внешним признакам. Одного этого было достаточно, чтобы судить об уровне их развития.

А радиомаяк? Адам говорил, что специально отключил его. Но ведь после взрыва маяк работал. Кто же вновь включил его? Неорганики? Выходит, эти существа смогли разобраться не только в земной технике.

«Планета неповоротливых «улиток», — вспомнил Азизов свои первые суждения о Ренэ. Как жестоко наказаны теперь земляне за свою самоуверенность. Наказаны потерянным временем, потерянными знаниями, упущенной возможностью пообщаться с себе подобными по разуму.

Он подошел к резервному вездеходу; поставил его на автоматическое регулирование хода и возвратился в «Беркут».

Перед тем как подняться в кабину «Беркута», внимательным взглядом осмотрел окрестности, трассу из

черных камней, уходящую за горизонт, пористую поверхность оранжевых скал. Нигде ничего нового, абсолютно ничего, что можно было бы соотнести с жизнью. Ничего, кроме живых «улиток», до сих пор обнаружить им не удалось.

А, может быть, они, земляне, просто не умеют как следует смотреть? Может быть, каждый день перед их глазами свершается что-то необычное, чего они не замечают? Может, их метод поиска слишком традиционен? И они никак не могут перестроиться... А вот неорганики сумели же!

Он развернул «Беркут». Сзади пристроился «Малыш». Маленький караван двинулся по долине.

* * *

Увидев, что к пещере возвращаются оба вездехода, Беганас принялся приплясывать от радости.

— О, дядюшка! Ты, оказывается, великий мастер! — крикнул он Азизову. — Преклоняюсь перед твоим талантом! И когда ты только успел отремонтировать нашего «Беркутенка»? Да еще так здорово?!

— Попозже все расскажу, — пообещал Азизов. — Поставь оба вездехода в ячейки, разогрей обед и приходи в гостиную. Тебе тоже полезно будет послушать.

С момента, когда он покинул Адама, прошло девять с половиной часов. Механик по-прежнему лежал на кровати, усыпленный специальным аппаратом. Азизов проверил последние показания диагностизатора и отключил клеммы.

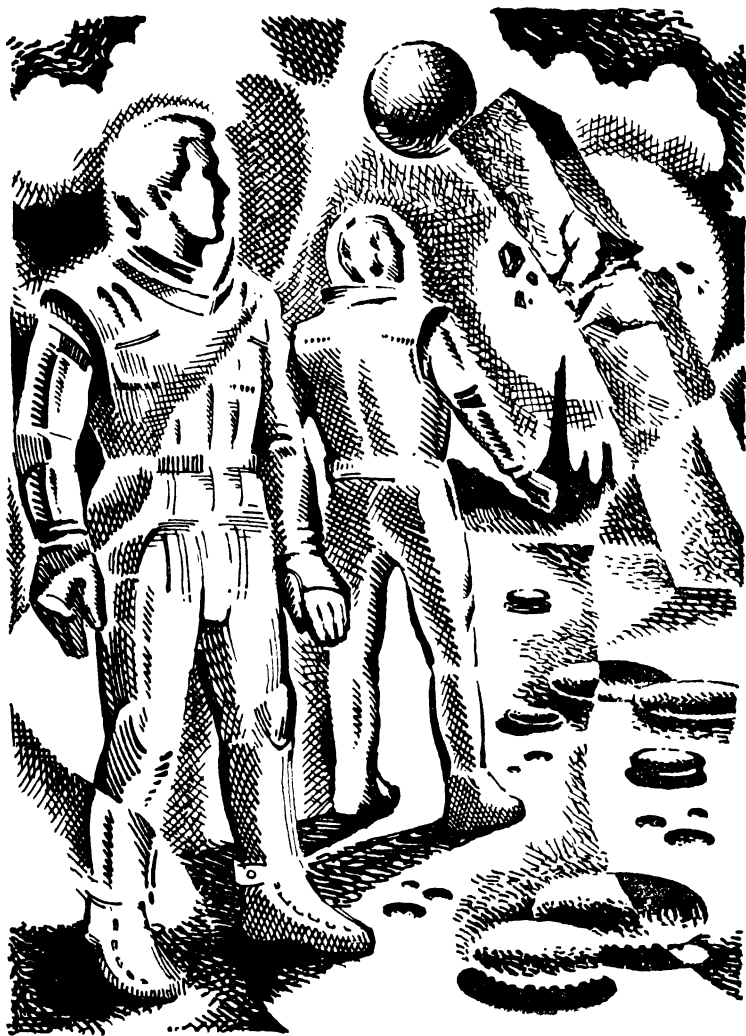
Через несколько минут Адам открыл глаза. Глубоко вздохнув, он сел на кровати.

— Кажется, все! Чувствую себя великолепно. Голоден, как бык! Беганас!

Робот вкатил в комнату столик с яствами.

— Вот это дело! — Тут Адам взглянул на часы и присвистнул: — Ого, сколько я бездельничал! Коман-

дир, а ведь ты, наверное, не терял времени даром? Есть новости?

— Есть, — сдержанно ответил Азизов, но по его тону и механик и робот поняли, что произошло нечто серьезное.

Немного словно, но не упуская ни одной существенной детали, командир рассказал им о случившемся.

— Ой, дядюшка! У меня аж мурашки пробежали по коже! — воскликнул Беганас, когда Азизов закончил.

Услышав, что неорганики восстановили «Беркут», Адам не утерпел и помчался на плато, чтобы своими глазами увидеть восстановленный вездеход. Вернулся он восторженным, крепко сжал руки.

— Итак...

— Итак, нам, судя по всему, предлагают контакт.

— Да, да! Именно предлагают!

— И, возможно, уже ждут нашего ответного шага.

Всех охватило необычайное возбуждение. Даже робот забыл, что надо кормить подопечных. Люди, не в силах усидеть на месте, быстрыми шагами расхаживали по комнате.

— Нужен ход. Простой и вместе с тем символический ход. Чтоб неорганики сразу же поняли нас и сделали второй шаг, — говорил Азизов.

— Черт возьми! — Адам ерошил густые волосы. — И как назло, ни одной путной мысли.

— Думайте! Думайте! И ты, Беганас, тоже! — просил, требовал, заклинал Азизов. — Мы обязательно должны дать понять неорганикам, что прибыли с миссией доброй воли.

Собственно говоря, у людей уже давно была разработана методика контактов с инопланетянами. Но в ее основе лежала идея общения двух однотипных цивилизаций, представителей органического мира. На Ренэ пользоваться этой методикой не имело смысла.

— Напоминаю вам главное, друзья, — с ударением произнес Азизов. — Контакт с неорганиками нужен не

сам по себе, хотя, конечно, он интересен в любом отношении. Наша основная цель — предупредить их о надвигающейся катастрофе и предложить свою посильную помощь. Кто знает, может быть, теперь дорог каждый час.

— Сколько хлопот из-за того только, чтобы сказать кому-то пару теплых слов, — пробурчал Беганас. — Помоему, лучший способ — это угостить их хорошим обедом. Уж тогда они не устоят.

Оба космонавта посмотрели на него с такой укоризной, что робот сконфуженно замолчал.

Внезапно Азизов стремительно подошел к Беганасу и потребовал:

— Что ты сказал? Повтори!

Робот совсем растерялся:

— Да я просто так сказал... Не подумав... Я больше не буду, честное слово... Меня просто настроили таким образом. Я не виноват. Иногда чувствую, что говорю глупость, а удержаться не могу...

Он продолжал бы оправдываться и дальше, но совершенно неожиданно Азизов улыбнулся и дружелюбно погладил робота по квадратному плечу.

— Молодец, Беганас! Толковую мысль подсказал!

Беганас, хотя ничего и не понимал, тут же принялся улыбаться и бахвалиться:

— Вообще-то, если подытожить, сколько хороших идей родилось в моей мозговой коробке, так не хватит всех ячеек памяти во Вселенной! — Сказав это, он крикнул, сообразив, что переступил все пределы нескромности, и потупил взор.

— Что за идея? — спросил Адам, почувствовавший по тону командира, что искомое, возможно, найдено.

— Ты говорил, что «улитки» с жадностью набросились на «Фотон», верно?

— Да, обглодали его в момент.

— Видимо, металл в чистом виде на Ренэ большая редкость?

— Во всяком случае, в районе плато нам его обнаружить не удалось.

— Вот я и предлагаю...

— Угостить неоргаников металлом?

— Да. Вернее, честь этого открытия по праву принадлежит нашему другу Беганасу. — Он с шутливой почтительностью склонил голову перед роботом.

Робот был на седьмом небе от счастья. Нечасто электронно-позитронным машинам, даже таким сложным, как Беганас, приходится слышать подобные слова.

Робот все еще переживал свой триумф, когда люди занялись обсуждением деталей своего проекта.

— Что мы сумеем им предложить? — спросил Азизов.

— Пройдем в «Бургут», — предложил Адам. — Авось что-нибудь сыщется.

Тут же, не теряя времени, они направились в посадочный блок.

— Вообще-то, это наилучший вариант, — с жаром говорил Адам. — Во-первых, мы даем им знать, что осведомлены о важности для них металла. Во-вторых, что ни говори, это подарок, дар, то есть акт доброй воли. В-третьих, это практичный подарок, который можно использовать для дела. В-четвертых...

Они поднялись в «Бургут» и открыли камеру, где хранились аварийные запасы материалов и инструмента. Недостатка в металлах здесь не было. Десятки различных металлов в виде листов, слитков, проволоки, брусков были аккуратно уложены в прозрачные контейнеры.

— Что же нам отобрать? — задумчиво спросил командир. — Ты не обратил внимание, какие именно металлы вызвали повышенный аппетит «улиток»?

— Медь и серебро.

— Отлично. Тогда именно их и возьмем.

— Да. Но в каком виде?

— Я предлагаю в виде брусков. Что ни говори, у брусков объемная геометрическая форма, которую можно придать только искусственным путем.

Тут же они погрузили в «Беркут» несколько брусков серебра и меди.

— А где мы их сложим?

— В конце трассы. Там же, где они поставили вездеход.

Обнадеженные удачной идеей, люди заметно успокоились и только тут заметили, что над плато уже давно наступила темная ночь. Где-то там, в темноте, слышался шорох, видимо, «улитки» полезли на «дойку».

— Все же времени терять не будем, — проговорил Азизов. — Сейчас быстренько пообедаем, то есть поужинаем, правильнее сказать, подкрепимся стряпней Беганаса — и в путь! Выложим бруски, а завтра утром проверим, как на них отреагировали.

* * *

Точно так же горели внизу — в долинах — огненные трассы, вспышки пламени то тут, то там неярко освещали причудливо изрезанные горные хребты.

Адам аккуратно приземлил «Беркут» неподалеку от конечного черного камня.

Космонавты вынесли из вездехода пластмассовую подставку, похожую на невысокий столик, и разложили на ней в ряд привезенные бруски металла.

По-прежнему местность вокруг казалась пустынной и безжизненной.

— Послушай, командир, — непривычно тихим голосом проговорил Адам, — что, если тут неподалеку установить несколько кинокамер? Скрытно...

Азизов отрицательно покачал головой.

— Нет, Адам, — мягко сказал он. — Это ведь не охота на диких зверей. Ты понимаешь?

— Извини, командир.

Даже густая темень не могла скрыть того, что Адам покраснел.

— Я опять поспешил, но это в последний раз, обещаю.

* * *

Вернувшись, они поспали около трех часов и задолго до рассвета были снова в пути. Обоим не терпелось поскорее увидеть, что с металлическими брусками. Азизов все же предложил не форсировать события и отправиться в путь с таким расчетом, чтобы оказаться в долине с первыми лучами Годво.

...Пластмассовую подставку они увидели в телескоп еще издалека, но различить, лежат ли на ней бруски, пока не удавалось.

Адам вел вездеход над самыми скалами и то и дело поворачивался к Азизову, который не отрывался от окуляра.

— Ну? Видно что-нибудь?

— Пока нет.

Наконец командир откинулся на спинку кресла, отвернув от себя телескоп. По его виду Адам все понял, однако задал бестолковый вопрос:

— Лежат?

— Да.

— Выходит, они не поняли?

— Возможно.

— Или не захотели понять?

— Но зачем тогда они восстановили вездеход?

— Из чувства гуманизма, свойственного всем высокообразованным цивилизациям.

Адам вздохнул:

— Значит, они нам не доверяют... А жаль... Тем самым они губят себя... — Он с силой ударил кулаком по панели: — Это все по моей вине! Я виноват!

— Нет, Адам. Тут что-то другое, — задумавшись, ответил командир.

Адам мягко посадил «Беркут». Оба космонавта вышли на поверхность Ренэ и подошли к подставке с брусками. Сомнений не было. Бруски те самые, с «Бургута». Вон и клеймо стоит на торце.

— Может быть, они их не видели? — предположил Адам.

— Не думаю. Ведь бруски лежат на том самом месте, где стоял вездеход. Неорганики наверняка контролируют эту точку. Во-первых, их не могло не заинтересовать, вернемся мы за вездеходом или нет, заберем его или нет. Мы вернулись, забрали его, получив тем самым информацию. Мы приняли решение передать неорганикам эти предметы. Как лучше это сделать? Конечно, поместив их в ту же точку, в которой произошел косвенный контакт.

— И все-таки бруски на месте...

— Не понимаю...

— Они к ним даже не прикасались!

— А вот этого как раз утверждать нельзя...

Азизов, а вслед за ним и Адам принялись внимательно изучать каждый брусок, затем подставку, для чего обоим пришлось опуститься на колени. Они дотошно осмотрели даже местность вокруг подставки, но тщетно! Не было даже малейшего намека на то, что сюда приближался кто-либо.

Закончив осмотр, космонавты подошли к скале, к тому месту, где несколько дней назад Адам пытался пробиться вглубь. Разрушенный лазером грунт был восстановлен с таким искусством, что люди так и не смогли разыскать точного местонахождения бывшего тоннеля.

— Нет! — с силой вдруг воскликнул Азизов. — Я не верю. Не может быть, чтобы две цивилизации, зная о существовании друг друга, не стремились взаимно к контакту.

— Но ведь ты видишь...

— Значит, мы неправильно рассчитали! Чего-то не учли. Значит, надо искать другой вариант. Третий! Четвертый! Искать, Адам. Понимаешь — искать!

— Будем искать...

В это время завывала сирена экстренной связи. Она выла всегда, если поступал сигнал, а в кабине никого не было. Космонавтов вызывал Беганас. Роботу было строго наказано пользоваться этим каналом лишь в чрезвычайных обстоятельствах. И если Беганас решил — значит, действительно произошло нечто важное.

Люди бросились к кабине. Азизов нажал клавишу:

— Ну, Беганас, что случилось?

— Товарищ командир! — послышался взволнованный голос робота.

Ого! Официальное «товарищ командир» вместо шутивого «дядюшка»! Не мог Беганас из-за пустяков перейти на официальный тон. Оба космонавта замерли в предчувствии необычных новостей.

— Ну, что? Не тяни!

— Приезжайте, пожалуйста, поскорее на базу.

— Да что случилось?

— Тут такое! Не знаю даже, как объяснить... Словом, приезжайте поскорее.

* * *

Они мчались к хижине на предельной скорости. У обоих, как они выяснили впоследствии, зародилась одна и та же мысль: на базу пожаловали обитатели Ренэ.

Однако дело было не совсем так, хотя и имело видимую связь с неорганиками. Азизов и Адам поняли это, подлетая к «Бургуту».

Неподалеку от входа в пещеру, примерно метрах в двухстах от нее, на плато высился огромный столб.

Только подлетев ближе, они смогли оценить его по достоинству.

Столб был высотой не менее десяти метров и в сечении представлял собой квадрат со скругленными углами. Сложен был из кусочков горной породы размером не более человеческого кулака. Камешки скреплялись между собой бисеринками какого-то желтоватого прозрачного вещества, напоминающего янтарь.

Необычность же этого столба заключалась в том, что он имел значительный наклон, вроде знаменитой Пизанской башни, только более заметный. Казалось, еще чуть-чуть, и он рухнет. Во всяком случае, ни один благоразумный человек не встал бы под ним. Беганас, дорожающий своей начинкой, также старался держаться от него подальше.

А на самой вершине столба покоился какой-то блестящий шар диаметром около полутора метров.

Как ни расспрашивали люди Беганаса, многого рассказать робот не смог. После их отъезда он сразу же пошел в пещеру, занялся уборкой хижины, прочими хозяйственными делами, которых накопилось немало. Словом, внутри пещеры он провел несколько часов. Потом вышел на минутку, чтобы взглянуть на «Бургут», и сразу же увидел этот столб.

— Видимо, столб появился ночью, — повернулся Азизов к Адаму. — Мы с тобой уехали, когда еще было темно, поэтому не могли его заметить. Беганас, как нарочно, затеял уборку.

— Если вам больше нравится, чтобы я караулил столбы, которые появляются неизвестно откуда, я могу заняться этим. Но скажите, по крайней мере, когда я должен производить уборку?

— Впрочем, суть не в этом. Они сделали второй шаг. Ты понимаешь, Адам?

— Это-то я понимаю. Но не больше. Какой смысл им было придавать столбу такой наклон? Посмотри, он почти критический. Или это новая демонстрация мастерства? Точности расчета?

— Не думаю. Однако уверен, все это сделано неспроста. И потом — шар. Что он символизирует?

— Ладно. Они не трогали наши бруски, а мы не прикоснемся к их столбу. Посмотрим, что из всего этого получится. Так и проторчим два месяца у взаимных даров.

— Да, Адам. Именно сейчас нам и не следует проявлять торопливость. Видимо, они тоже ищут наилучшие варианты общения с нами. Мы ошиблись с брусками, они, возможно, не лучшим образом придумали с этим столбом. Но то, что они ищут контакт с нами, совершенно ясно.

— Что будем делать?

— Ждать их действий и пытаться действовать самим.

У столба они простояли тем не менее около двух часов, строя разнообразные планы. Однако неудача с брусками, а теперь сознание того, что им не под силу разгадать скрытый смысл наклонного столба с шаром на вершине, наложили определенный отпечаток на ход их мыслей. Они так и не придумали ничего толкового.

Между тем припекало все сильнее. Годво находился почти в зените. Для «улиток» наступила самая благодатная пора. Они почти не передвигались. Подставив ярким лучам овальные спины, вдоволь заряжались энергией. Космонавты обратили внимание, что в районе столба «улиток» абсолютно не было, как будто неведомые пастухи специально отогнали свои стада подальше.

— Похоже, ничего необычного в ближайшее время не произойдет, — проговорил Адам.

— Пойдем в хижину, — решил Азизов.

— Я сварю вам кофе, — вызвался Беганас.

— Нет, — отозвался командир. — Сегодня у нас будет самообслуживание. А ты, пожалуйста, оставайся на плато и не спускай со столба глаз. Твое зрение точнее нашего. И за окрестностями следи. Если что, сразу же зови. Впрочем, мы уходим ненадолго.

В хижине командир сказал Адаму:

— Мне кажется, они скоро дадут о себе знать.

— Тогда выйдем на плато?

— Не знаю, — откровенно признался Азизов. — Может быть, им как раз было нужно, чтобы мы ушли с плато?

— А не принимают ли они Беганаса за разумное существо, а нас с тобой за роботов?

— Сейчас можно строить любые предположения. Но чем больше промахов мы все совершим, тем больше потеряем времени. — Азизов вытер вспотевшее лицо платком и признался: — Я начинаю жалеть, Адам, что нас на Ренэ так мало.

— Но кто знал, что все так сложится? Если бы тут обитали одни «улитки», у нас с тобой не было бы и половины нынешних хлопот.

— Скорее бы прилетел «Буран»!

В это время послышался какой-то неясный гул, почва несильно, но ощутимо дрогнула под ногами.

Космонавты переглянулись и бросились наружу. У самого выхода из пещеры они столкнулись с Беганасом.

— Ну, друзья мои, — решительно заявил им робот, — вы как хотите, а я в такие игры больше не играю. Сначала эти столбы неизвестно как вырастают у тебя под носом, а потом ни с того ни с сего разваливаются прямо на глазах.

— Что ты там плетешь?

— Я не плету, а правду говорю, — обиделся Беганас. — Не верите, посмотрите сами.

Люди выбежали из пещеры. От могучего столба осталась жалкая рогулька, чуть возвышающаяся над землей. Рядом валялась груда камней — все, что осталось от странного сооружения. Шар разбился вдребезги, словно был стеклянный.

— Может быть, произошло землетрясение, оттого он и упал? — спросил Адам. — Помнишь гул?

— Нет. Гул и сотрясение — это как раз следствие падения столба.

Тут же выяснилось, что предусмотрительный Беганас с самого начала снимал столб на кинопленку. Они вернулись в хижину и просмотрели записи. Стало ясно, что ссылки на землетрясение, внезапный порыв ветра и прочие подобные причины не имеют оснований. Столб упал, рассыпался на части без всякой видимой причины.

* * *

Что ж! Может быть, неорганики сделали еще один шаг, дали землянам еще один повод для размышления? Однако он был еще непонятнее, чем первый — сооружение столба. Если в сооружении столба был все-таки некоторый практический смысл, угадываемый интуитивно, то разрушение постройки казалось полной бессмыслицей.

— Быть может, они разрушили столб, убедившись в нашей полной неосведомленности? — устало спросил Адам.

Азизов ничего не ответил. Оба чувствовали себя подавленными. Уже в течение нескольких часов неорганики на что-то упорно намекали землянам, но те никак не могли понять их намеков.

Беганас, пытаясь развеселить своих хозяев, выдал несколько анекдотов с бородой, однако никто его не слушал, и верный робот мало-помалу умолк, занявшись мытьем посуды.

Он поставил на поднос чашки с остатками кофе, который варил Адам, и с отвращением воскликнул:

— Этот ваш кофе такой же черный, как ваша «черная дыра». Неужели непонятно, что это очень вредно для здоровья? А еще люди называются! Нет, никогда больше не доверю вам кухню... — Он еще долго ворчал себе под нос в таком духе.

— Да, как «черная дыра»... — бессвязно в тон роботу пробормотал Адам. — «Черная дыра»... «Черная дыра»! — Он вдруг вскрикнул, рассмеялся и принялся хохотать, показывая великолепные ровные зубы.

Азизов с недоумением посмотрел на него:

— Адам, что с тобой? Успокойся.

— Ха-ха-ха! Боже мой! Как все просто, — еле-еле проговорил тот сквозь смех.

— Что? Что просто?

— Со столбом...

Так же внезапно Адам перестал хохотать и, вдохновенно, отчаянно жестикулируя, принялся пояснять:

— «Черная дыра»! Понимаешь, «черная дыра»! Мы совершенно забыли о ней, а неорганики предупреждают нас, что Ренэ находится в зоне ее влияния. Они дают нам понять, что знают о «черной дыре», и просят нашей помощи!

Азизов выслушал этот эмоциональный монолог не перебивая, хотя понял спутника с полуслова.

— Ты прав! Ты прав на сто процентов, клянусь! Здесь все было построено на символах. Блестящий шар — это Ренэ, наклонный столб — меняющаяся гравитация. А обрушившийся столб и разбившийся шар — грядущая гибель Ренэ! Они сумели это установить!

Апатия, в которой только что пребывали космонавты, сменилась вдохновенным подъемом. Найден был ключ к контакту. А главное, победил принцип целесообразности, единый для всей Вселенной. Казалось, нет ничего невозможного. Люди с необыкновенной легкостью нащупывали логические связи там, где раньше им виделись разрозненные факты.

— Вспомнил! Вспомнил! — вдруг вскричал Адам, радостно сверкая глазами.

— Что именно?

— Ты ведь спрашивал меня, не случилось ли у нас чего необычного после гибели «Фотона»?

— Ну?

— Так вот! Я вспомнил. Был один случай.

— Говори, Адам!

— Почти так же однажды рухнула скала перед пещерой. Нам поначалу казалось, что ее не было. Но мы не были уверены, потому что в основном думали о спасении. Так вот, неподалеку от пещеры высилась скала, и через несколько дней она рухнула. Мы поначалу думали-гадали, отчего бы это? Но чуть позднее наступил сезон больших ветров, и мы решили, что скалу свалил нечаянный порыв ветра. А потом были другие дела, и случай со скалой вскоре забылся. А, видимо, уже тогда нам давали знать о том, что гравитация растет.

— Да, да, конечно! Только тогда гравитация росла медленнее.

— В общем, тогда мы это дело прогляпили.

— Ничего, Адам! Зато теперь мы с тобой точно знаем, чем заняться.

Адам вопросительно посмотрел на командира.

— Ты не догадываешься, почему неорганики оставили в неприкосновенности наши бруски меди и серебра? — спросил Азизов.

— Ждали нашего следующего шага?

— Нет! Медь и серебро им уже не нужны. Видимо, необходимые запасы их созданы.

— Так... — взволнованно откликнулся Адам. — По-моему, ты угадал. Если они знают о «черной дыре», значит, ищут путь спасения. Вероятно, строят космические корабли... Конечно же, им нужны тугоплавкие и жаропрочные сплавы...

— Теперь ты понимаешь, что мы должны сделать?

Некоторое время оба молчали.

— Предлагаешь отдать им весь металл? — тихо спросил наконец Адам.

— Да, кроме установки связи. Но главное...

Опять воцарилось молчание.

— «Буран»?

— Да, «Буран». Видишь ли, Адам, я не думаю, что-

бы они могли далеко продвинуться в области космоплавания. Во всяком случае, достаточного количества ракет они не создадут.

— Контакт мы установим в ближайшие дни наверняка, — уверенно продолжал Азизов. — Мы охарактеризуем все окрестные планеты — у них будет выбор. И как только прилетит «Буран», начнем челночные рейсы...

— Справится ли «Буран»? — с сомнением покачал головой Адам.

— Будем перевозить до тех пор, пока «Буран» сможет взлетать.

— Пока «Буран» сможет взлетать, — как эхо повторил Адам. — Наверное, есть смысл вызвать и другие корабли?

— Обязательно! — отозвался Азизов. — А пока надо точно определить, сколько времени у нас в запасе. Эй, Беганас!

Робот, кряхтя, вышел из пещеры.

* * *

Робот выносил на плато измерительную аппаратуру, удовлетворенно бормоча при этом:

— Ну вот! Наконец-то и для Беганаса нашлась подходящая работенка. Хе-хе! Беганас докажет, что умеет не только стряпать да прибирать! Хм! Беганас знает себе цену...

Тем временем люди тоже не сидели без дела. Азизов предложил установить радиотелескоп на вершине одной из скал! Тогда с наступлением темноты, когда «черная дыра» окажется в зоне наблюдения, можно будет сразу же замерить ряд параметров, без которых невозможно рассчитать гравитационные данные. Собственно, этой работой они рассчитывали заняться недели через полторы, ближе к прилету «Бурана». Однако теперь не приходилось жалеть о спешке.

Радиотелескоп в разобранном виде находился в одной из камер «Бургута». Две дюжины небольших, но довольно емких ящиков. Использовать для переноски Беганаса было нельзя. Роботу дел хватало. Поэтому люди сами стали заниматься транспортировкой, что, собственно, было хорошей физической зарядкой.

Затащив ящики наверх, они сели передохнуть. Отсюда — со скал — была хорошо видна значительная часть плато — плоская равнина, на которой на оранжевом фоне выделялись темные пятна «улиток».

Там копошился Беганас.

— Интересно, когда неорганики сделают следующий шаг? — спросил Адам.

— В самом скором времени, — с уверенностью ответил Азизов.

— Какой, как думаешь?

— Трудно предположить. Однако считаю, они тоже понимают, что тянуть нельзя; переговоры нужно форсировать...

— Значит, предполагаешь... Они явятся? Интересно, на кого все-таки они похожи? — задумавшись, произнес Адам.

— Не будем гадать. Но в любом случае уверен, мы быстро привыкнем друг к другу. А пока, друг Адам, давай-ка займемся делом.

Адам включил переносной рыхлитель и подрывнял площадку для телескопа, затем они распаковали ящики и принялись собирать прибор старинным дедовским способом — с помощью гаечных ключей и отверток — так им нравилось. Работа увлекла обоих, они почти не переговаривались, только иногда слышалось: «Поддай ключ!», «Подержи здесь, пожалуйста».

Наконец радиотелескоп был собран. Уже начало смеркаться. Годво катился за горизонт. Еще два-три часа, и можно начинать наблюдения. Беганас закончил, видимо, свою миссию и сейчас, стоя у пещеры, подавал людям знаки.

Космонавты спустились на плато.

— Как дела, Беганасик?

— Отлично! Робот дело знает! Вообще вам повезло со мной. Все рассчитал с точностью до десятого знака после запятой, но я могу и до пятнадцатого.

— Нет смысла, Беганас.

— Ну, тогда давай мне данные по «черной дыре», я введу поправку и через тридцать секунд выдам конечный результат.

— Чуть-чуть позднее, дорогой. Вот только стемнеет...

Все трое направились в хижину.

У самого входа в пещеру Азизов остановился.

Небо на востоке уже было черным, блеснули первые звезды.

Вот так же когда-то, думал Азизов, человек Земли смотрел ввысь, наивно полагая, что, дай ему крылья, и он достигнет звезд.

Прошли века. Мы, земляне, стали безмерно могучими. Мы исследовали сотни звезд, десятки систем. Но по-прежнему Вселенная открывает перед нами все новые и новые тайны.

*Нет предела познанию.
Вечен путь к совершенству.
Бессмертна жизнь.*

Перевод В. Нечипоренко

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ ДАРХАНА (рассказ)	5
В ТОТ НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ (рассказ)	24
ПЛАМЯ (повесть)	43
ПАМЯТЬ ПРЕДКОВ (повесть)	88
БЛЕСК АЛМАЗА (повесть)	127

ИБ № 3876

Ходжианбар Шайхов

В ТОТ НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Редактор **В. Родинов**

Рецензент **Б. Герасимов**

Художник **В. Овчининский**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Е. Михалева**

Корректоры **Е. Дмитриева, Т. Крысанова, Е. Сахарова**

Сдано в набор 26.09.84. Подписано в печать 11.02.85. А00654.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,2. Усл.
кр.-отт. 11,55. Учетно-изд. л. 11,7. Тираж 100 000 экз. Це-
на 75 коп. Заказ 1613.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового
Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвар-
дия». Адрес издательства и типографии. 103030, Москва,
К-30, Сущевская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета»
издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». 259119, Киев — 119, Пар-
хоменко 38—42. Зак. 5—78.

75 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Х. ШАЙХОВ В ТОТ НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

